

ΔX

2103

51, 2

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ Э Т Ю Д Ы.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕРМАНА БУРМЕЙСТЕРА,

профессора зоологін въ Галле.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Цѣна за обѣ части 2 р. 35 к., вѣсовыхъ за 3 ф.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Товарищества «Общественная Польза».

1863.



Дозволено ценсурою, С. Петербургъ, 12 мая 1863 года.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».

I. О К Е А Н Ъ.

Обширная, непрерывная водяная равнина, опоясывающая материки нашей планеты, вѣзывающаяся въ части ихъ широкими и глубокими заливами, представляетъ взору наблюдателя столько разнообразныхъ явленій, что соединеніе ихъ въ одну картину дѣлается почти невозможнымъ. Хотя эта непрерывная равнина и не такъ разнообразна, какъ твердая земля, различныя неровности которой, независимо отъ ихъ образованія, представляютъ наблюдателю непрерывно мѣняющіяся явленія, однако подвижность капельно-жидкаго элемента производитъ постоянныя видоизмѣненія, невстрѣчающіяся на твердой землѣ, или являющіяся на ней только при особыхъ и исключительныхъ условіяхъ. Такая подвижность поверхности производитъ на наблюдателя самое сильное впечатлѣніе, возбуж-

даетъ въ немъ то чувство жизненности океана, отъ котораго онъ никакъ не можетъ освободиться, тѣмъ болѣе, что не только глазъ его видитъ движеніе волнъ, но и постоянно качающійся корабль невольно напоминаетъ ему объ этомъ. Здѣсь только, среди океана, можно получить полное понятіе о немъ; то что видимъ мы на морѣ съ берега, соединяется съ впечатлѣніями твердой земли и сравнивается съ нею. Такимъ образомъ художникъ, который только съ берега производилъ свои наблюденія, составляетъ ошибочное понятіе и никогда не будетъ въ состояніи воспроизвести вѣрную природѣ картину необозримо вздымающагося волненія океана. Описать океанъ такъ, какъ бы представилъ его художникъ, поставившій себѣ задачею всестороннее изображеніе его, — вотъ цѣль настоящей статьи. Мы не будемъ говорить здѣсь о пространствѣ океана и отношеніяхъ его къ твердой землѣ; не станемъ вдаваться въ изслѣдованія различной глубины и химическихъ свойствъ водъ его; не будемъ разсуждать о морскихъ теченіяхъ, вѣчно движущихся въ океанѣ по постояннымъ направленіямъ, потому что все это такія свойства, которыя не касаются художника, желающаго представить картину океана: они не могутъ быть замѣчены глазомъ и еще менѣе могутъ быть перенесены на картину, — не изучая физическихъ свойствъ

океана, не вдаваясь въ геологическія или химическія изслѣдованія составныхъ частей его и его отношенія къ земному шару, мы будемъ говорить здѣсь только о томъ, что видимо представляетъ нашему глазу океанъ.

Такимъ образомъ нашему изслѣдованію остаются три предмета: цвѣтъ морской воды, движенія ея поверхности и существа населяющія океанъ.

Не многіе физическіе предметы представляютъ изслѣдованію столь трудную задачу, какъ явленіе цвѣтовъ въ природѣ. Извѣстно, какъ счастливая мысль Ньютона провести лучъ свѣта чрезъ трехгранное отшлифованное стекло, привела къ открытію цвѣтнаго спектра въ неокрашенной средѣ, и какъ въ послѣдствіи Араго открылъ великолѣпное явленіе поляризаціи лучей свѣта, пропущенныхъ сквозь прозрачное тело. Но каково собственно происхожденіе этихъ цвѣтовъ, намъ до сихъ поръ еще не извѣстно; мы только принимаемъ, что цвѣта эти составляютъ одно изъ первыхъ свойствъ свѣта, скрывающихся при общихъ условіяхъ отъ глаза наблюдателя, и появляющихся снова при извѣстныхъ, особыхъ обстоятельствахъ. Синева океана не можетъ быть въ связи съ этими явленіями. Поверхность его никогда не имѣетъ характера интерферентной плоскости, и свѣтъ, видимый нами на океанѣ, является не въ немъ самомъ,

но надъ водою и уже отраженный ею. Всякая чистая вода, такъ же какъ и вода моря, помѣщенная въ прозрачной средѣ, является вполнѣ безцвѣтною и прозрачною, — вода же открытаго океана прозрачнѣе и чище всякой другой.

Поэтому справедливо говорить Александръ ф. Гумбольдтъ*), что все относящееся до цвѣта моря остается въ высшей степени загадочнымъ. Этотъ великій ученый, имѣвшій случай долгое время наблюдать океанъ, какъ среди его, такъ и съ береговъ, объясняетъ только первоначальную причину цвѣта морской воды, не имѣя въ виду выразить этимъ трудность опредѣленія особеннаго оттѣнка, представляемаго океаномъ. При двукратномъ путешествіи моемъ, продолжавшемся отъ Бремена до Рио де Жанейро 65 дней и оттуда до Фалмута 74 дня, я самъ имѣлъ возможность изучить особенный цвѣтъ морской воды. Пока находишься вблизи береговъ, цвѣтъ этотъ не замѣтенъ, а въ небольшихъ сѣверныхъ внутреннихъ моряхъ, окружающихъ нашъ материкъ даже вовсе не видно темно-голубаго цвѣта океана. При отъѣздѣ моемъ изъ Бремена, вода Сѣвернаго моря, находясь еще подъ вліяніемъ впадающаго въ него Везера, имѣла весьма мутный, желтовато-зеленый видъ, цвѣтъ

*) Reise in die Arquin-ctialgegenden des neuen Continents. I, 383.

этотъ только нѣсколько измѣнился въ болѣе зеленоватый, когда мы отошли далѣе въ море; вода хотя и сдѣлалась чище, прозрачнѣе, но удержала матовый, болѣе зеленовато-сѣрый, нежели чисто зеленый или голубой, цвѣтъ. Я приписываю это незначительной глубинѣ Нѣмецкаго моря, которая нигдѣ не превосходитъ 50 сажень или 300 футовъ, и только въ неширокой полосѣ близъ Норвегін достигаетъ 150 сажень и болѣе. У берега, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ нѣтъ впаденія рѣкъ, цвѣтъ воды не измѣняясь существенно, дѣлается свѣтлѣе. Только одинъ разъ, у англійскаго берега, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ господствуетъ мѣловая формація, видѣлъ я въ капалѣ чистый свѣтло-зеленый цвѣтъ, который обыкновенно называется зеленоватымъ цвѣтомъ морской воды. Причиной такого чистаго оттѣнка должно быть чистое дно, образованное изъ бѣлаго мѣловаго ила. Когда море спокойно, то дно просвѣчиваетъ, хотя при этомъ нельзя ясно увидѣть его; прозрачная морская вода подымается надъ нимъ, и при увеличеніи глубины принимаетъ все болѣе зеленоватый цвѣтъ. Въ Нѣмецкомъ, сѣверномъ морѣ дно состоитъ изъ сѣраго песка или изъ мергеля, смѣшаннаго съ раковинами и одинаково съ ними окрашеннаго; такое дно придаетъ водѣ сѣроватый оттѣнокъ. При бурномъ волненіи моря, цвѣтъ его теряетъ первоначальную

свою чистоту, потому-что мелкія частички ила, постепенно отдѣляясь отъ дна, все болѣе-и-болѣе смѣшиваются съ водою.

Обстоятельства эти достаточно ясно показываютъ, что цвѣтъ морской воды зависитъ частію отъ морскаго дна, но этимъ ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснить преобладаніе зеленоватаго цвѣта. Что цвѣтъ этотъ не принадлежитъ самой водѣ, это вѣрно; сама по себѣ жидкость эта совершенно безцвѣтна, и не можетъ окраситься только отъ простаго соединенія въ большую массу. Мнѣ кажется, что объяснить это явленіе легче всего отраженіемъ въ море неба. Пока это отраженіе соединяется въ водѣ вмѣстѣ съ просвѣчиваніемъ дна, цвѣтъ моря представляетъ смѣсь обоихъ оттѣнковъ; когда же, при значительной глубинѣ, морское дно перестаетъ принимать участіе въ окрашиваніи, цвѣтъ воды остается въ зависимости только отъ отраженія неба, а потому море принимаетъ голубой цвѣтъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Пока находишься въ каналѣ, цвѣтъ воды остается постоянно зеленоватымъ, въ особенности у береговъ; по выходѣ же изъ канала между Нормандіею и Портландомъ, отъ увеличенія глубины, цвѣтъ воды дѣлается не только темнѣе, но и голубоватѣе, не принимая однакоже вполнѣ

голубаго цвѣта океана. Онъ дѣлается ясенъ далеко за соединительной линіею Бретани съ Ландсендомъ, гдѣ глубина моря быстро возрастаетъ съ 50-ти саженъ на 100, и потомъ почти сразу достигаетъ 500 саженъ и болѣе. Это различіе цвѣта воды, происходящее отъ неодинаковой ея глубины, извѣстно мореплавателямъ, которые, не прибѣгая къ лоту и къ опредѣленію мѣста, знаютъ уже что приблизились къ такъ-называемымъ пропастямъ, т. е. глубинамъ болѣе 100 саженъ. Такое измѣненіе цвѣта поражаетъ гораздо болѣе возвращающагося путешественника, чѣмъ отирающагося, потому-что наступаетъ гораздо быстрѣе и почти внезапно, между-тѣмъ какъ въ противоположномъ направленіи весьма постепенное увеличеніе морской глубины производитъ столь же медленное измѣненіе зеленаго цвѣта въ голубой и кромѣ того, какъ зеленый такъ и голубой, цвѣта нѣсколько затемняются мутными частицами морскаго дна, плавающими въ водѣ. При глубинѣ же океана въ 500 саженъ и болѣе, вліяніе частицъ ила на цвѣтъ воды прекращается, потому-что даже самое сильное и бурное волненіе не можетъ достигнуть столь значительной глубины, а между тѣмъ глубину въ 500 саженъ можно считать еще незначительною, если вспомнить, что дю-Пти-Туаръ измѣрялъ глубины болѣе 2,000 саженъ, Джонъ Россъ до 5,000 саженъ,

а Денгамъ достигъ лотомъ дна уже на глубинѣ 7,706 саженъ (Petermann, geogr. Mitth. S. 84).

Представленное мною объясненіе цвѣта морской воды кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что впродолженіи всего моего путешествія, мнѣ ни разу не случилось видѣть настоящаго зеленаго цвѣта воды на Великомъ океанѣ. Зеленый или лучше сказать зеленоватый цвѣтъ моря видѣлъ я всегда только близъ береговъ, или въ глубокихъ бассейнахъ. При этомъ не слѣдуетъ принимать во вниманіе дѣйствительно зеленоватый цвѣтъ океана, появляющійся въ то время, когда корабль, быстро прорѣзывая волны, оставляетъ за собою большія массы пѣны. Видимый тогда зеленоватый отбѣнокъ зависитъ отъ бѣлыхъ пузырьковъ пѣны, появляющихся въ водѣ и дѣйствующихъ совершенно такъ же какъ свѣтлое дно. У береговъ нерѣдко встрѣчаются весьма разнообразныя цвѣта; мѣстами и внутреннія моря бываютъ голубоваты и тутъ же возлѣ встрѣчается нерѣдко и зеленый цвѣтъ моря, что можно приписать или быстрому измѣненію глубины, или различному цвѣту дна*). Надъ темными и

*) Оливково-зеленый цвѣтъ моря у береговъ Перу, близъ Каллао, по точнымъ изслѣдованіямъ естествоиспытателей французской экспедиціи подъ управленіемъ дю-Пти-Туара, долженъ быть органическаго происхожденія; онъ зависитъ отъ посторонней примѣси

черными иловатыми мѣстами море является голубоватымъ; надъ свѣтлыми, сѣрыми или желтыми отмелями — зеленоватымъ. Кромѣ того цвѣтъ неба также оказываетъ вліяніе на колоритъ моря. Такъ напримѣръ цвѣтъ Средиземнаго моря чисто-голубой, потому-что южное небо надъ нимъ гораздо синѣе, нежели небо надъ Сѣвернымъ моремъ; на этомъ основаніи и Великій океанъ дѣлается все синѣе по мѣрѣ приближенія къ тропическому поясу, — факты, которые ни одинъ путешественникъ не станеть оспаривать. Химическій составъ воды не измѣняется съ измѣненіемъ цвѣта; при этомъ лишь увеличиваетъ или уменьшается содержаніе твердыхъ составныхъ частей, растворенныхъ въ водѣ. Однакоже я сомнѣваюсь, чтобы темная синева Средиземнаго моря и тропическаго океана, зависѣла единственно отъ большаго содержанія соли; напротивъ того, мнѣ кажется, что большее содержаніе соли важно только въ томъ отношеніи, что оно придаетъ водѣ нѣсколько большій относительный вѣсъ и большую плотность, при которой темно-синій небесный сводъ отражается опредѣлительнѣе. Я самъ производилъ на океанѣ наблюденія, подтверждающія справедливость

(Arago, Phys. Unterh., V, 39). Вола, содержащая известь, постоянно бываетъ нѣсколько зеленовата, и этимъ объясняется зеленый цвѣтъ швейцарскихъ озеръ.

этого предположенія. Если смотрѣть съ корабля на море въ ту сторону, куда корабль не отбрасываетъ тѣни, то синева моря является здѣсь слабѣе, чѣмъ съ противоположной стороны, гдѣ непосредственно за кораблемъ замѣтна темная, почти черная тѣнь, на которой при движеніи волнъ являются густые индигово-синіе оттѣнки. Это явленіе можно однако наблюдать только при спокойномъ и сильно освѣщенномъ морѣ. Оно объясняется зеркальною способностію гладкой, какъ-бы выполированной, поверхности воды. Со стороны освѣщенной солнцемъ, вода, подобно оконному стеклу, безъ фольги, пропускаетъ большую часть лучей свѣта, и только небольшое число ихъ отражаетъ синеву неба; со стороны же находящейся въ тѣни, свѣтлая вода получаетъ отъ корабля какъ-бы черную фольгу, а потому плоскости волнъ, находящіяся въ надлежащемъ положеніи, отражаютъ синеву неба вполне, и даже нѣсколько темнѣе, подобно тому какъ зеркало съ черного фольгою даетъ болѣе темное изображеніе, чѣмъ зеркало съ блестящею металлическою подкладкою. Явленіе это, почти ежедневно видѣнное мною въ тропическомъ поясѣ, гдѣ рѣдко бываютъ сильные вѣтры и волненіе, трудно объяснить иначе.

Море не всегда является одинаково синимъ; иногда оно бываетъ свѣтлѣе, иногда темнѣе, смотря по

освѣщенію и зависящему отъ него отраженію неба. Вообще морская вода сильно гонимая вѣтромъ, съ пѣнистыми валами, такъ называемыми *барашками*, имѣетъ болѣе равномерный, темно-синій цвѣтъ. Это происходитъ частію отъ множества бѣлыхъ пѣнистыхъ полосъ, рѣзко отличающихся отъ синяго цвѣта воды и тѣмъ яснѣе выказывающихъ цвѣтъ ея, частію же отъ недостатка зеркальности ея поверхности. Последняя, простираясь широкой плоскостію при спокойномъ морѣ, и являясь безцвѣтною и блестящею какъ каждая зеркальная поверхность, наблюдается подъ весьма малымъ угломъ, производитъ болѣе ясный, свѣтлый цвѣтъ моря, потому что съ низкаго корабля мы видимъ океанъ только подъ весьма малымъ угломъ. Чтобы убѣдиться въ вѣрности этого, стоитъ только подняться на марсъ корабля, и оттуда наблюдать море, которое является тогда такимъ же синимъ, какъ и всегда. Прямая зависимость цвѣта морской воды отъ синевы неба видна яснѣе всего, когда надъ океаномъ проходятъ сѣрыя облака, или когда густыя тучи покрываютъ все небо. Хотя въ этихъ случаяхъ море никогда не бываетъ столь же сѣрымъ, какъ облака или небо, но оно получаетъ мрачный сѣровато-синій оттѣнокъ; когда чистая лазурь безоблачнаго неба исчезаетъ, и цвѣтъ облаковъ сливается съ его синевой, тогда море

дѣйствительно является синевато-сѣрымъ или сѣро-вато-синимъ, смотря по болѣе или менѣе темному цвѣту носящихся надъ нимъ облаковъ. Это уничтоженіе голубаго цвѣта наиболѣе замѣтно во время дождя, когда корабль находится въ срединѣ дождеваго пространства распространеннаго по всему горизонту, но не тогда, когда только на горизонтѣ виднѣнъ падающій дождь. Въ такія минуты море является дѣйствительно не синимъ, а только сѣрымъ, и тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе къ кораблю мы его наблюдаемъ; далѣе къ видимому горизонту цвѣтъ его дѣлается свѣтлѣе, вздымающаяся вода перемешивается съ падающей, граница моря и дождя исчезаетъ, и однообразный бѣловато-сѣрый паръ обнимаетъ весь горизонтъ. Если бы море само по себѣ имѣло синій цвѣтъ, или казалось бы синимъ не вслѣдствіе отраженія неба, а по какой-нибудь другой причинѣ, то вода моря должна была бы оставаться синею, и рѣзко отдѣляться отъ безцвѣтной дождевой воды. Явленіе такого рода не было мною замѣчено, даже въ такъ — называемыхъ водяныхъ столбахъ, тифонахъ, неоднократно мною видѣнныхъ; поднятая часть моря является не синей, но темно-сѣрой, и та часть моря, гдѣ стоятъ тифоны, имѣетъ псегда мрачный сѣроватый цвѣтъ, потому-что надъ поверхностью ея носятся густыя дождевыя облака. Я

долженъ впрочемъ замѣтить, что сѣрый цвѣтъ океана появляется тогда только, когда небо покрыто густыми облаками; бѣлыя блестящія облака, даже въ болѣшомъ количествѣ, не измѣняютъ существенно синевы океана. Но такія густыя группы облаковъ видны бываютъ только на горизонтѣ, и рѣдко въ зенитѣ, поэтому и нельзя замѣтить вліянія ихъ на цвѣтъ морской поверхности.

Кромѣ того такія облака кажутся наблюдателю гуще нежели они есть въ дѣйствительности, потому-что онъ видитъ ихъ не надъ собою, а вдали въ линейномъ расположеніи, одно за другимъ. Темное облако горизонта постоянно проясняется съ приближеніемъ къ кораблю, и съ восхожденіемъ къ зениту.

Если и послѣ этихъ фактовъ цвѣтъ моря приписывать не цвѣту неба, то цвѣтъ того и другаго, по примѣру многихъ физиковъ, можно вывести изъ одного и того же источника. «Тѣ ученые», говоритъ А. ф. Гумбольдтъ, «которые не принимаютъ теорію Ньютона о цвѣтахъ, объясняютъ синеву неба какъ черный цвѣтъ пространства, видимый чрезъ средину, прозрачность которой ослаблена парами; такое объясненіе они могли бы распространить и на синій цвѣтъ океана»; потому-что пространство, въ которомъ находится вода океана, само

по себѣ темно; оно получаетъ свѣтъ только сверху; и свѣтъ этотъ проходитъ чрезъ средину болѣе плотную; чѣмъ масса атмосферы. Этого уже достаточно, чтобы видѣть и воду надъ темнымъ пространствомъ темнѣе, т. е. синѣе нежели атмосферу съ ея парами надъ темнымъ, чернымъ міровымъ пространствомъ, въ которомъ движутся свѣтящіяся звѣзды.

Совершенно инымъ является видъ моря ночью; чистый синій цвѣтъ превращается въ темно-сѣрый, который увеличивается въ темнотѣ, и снова есть ни что иное; какъ отраженіе темнаго ночнаго неба. Понятно, что луна и звѣзды, особенно ярко сверкающія въ тропическомъ поясѣ, гдѣ поднимающіеся водяные пары увеличиваютъ прозрачность воздуха, освѣщаютъ темноту моря, и придаютъ ему синевато-сѣрый цвѣтъ вмѣсто просто сѣраго, но при этомъ цвѣтъ океана никогда не является уже чистымъ, потому-что недостаетъ нужнаго свѣта. Поэтому ночью взоръ наблюдателя съ большимъ удовольствіемъ обращался бы къ звѣздному небу, чтобы насладиться несравненнымъ его блескомъ въ этомъ случаѣ, если бы другое, еще болѣе поразительное и магическое явленіе тихихъ тропическихъ ночей, не отвлекало вниманія его отъ всѣхъ другихъ предметовъ и не приковывало бы его къ морю — это *сверканіе океана*, представляющее изумленному глазу, и придающее морю и ночью

особенную прелесть; свѣтлый и великолѣпный видъ. Хотя сверканіе моря, какъ показываютъ всѣ точныя наблюденія, не есть особенное свойство морской воды, но происходитъ отъ постороннихъ, плавающихъ въ ней тѣлъ, являющихся въ видѣ отдѣльныхъ свѣтящихся точекъ, но настоящій видъ и свойства этихъ свѣтящихся тѣлъ невозможно опредѣлить при одномъ поверхностномъ взглядѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣтъ исходящій изъ моря является не разбросаннымъ, а какъ-бы соединеннымъ и испускаемымъ самою водою на большомъ пространствѣ. На этомъ основаніи явленіе это раздѣляется на два рода, и называется въ первомъ случаѣ *спорадическимъ*, во второмъ *постояннымъ* сверканіемъ; явленіе перваго мы будемъ относить къ *свѣтящимся точкамъ*, явленіе втораго къ *свѣтящимся плоскостямъ* *).

Спорадическія свѣтящіяся точки составляютъ почти постоянное явленіе открытаго моря между тро-

*) Зоологическая литература имѣетъ два весьма полныя и учительныя сочиненія по этому и прежде неоднократно описываемому, но болѣею частью ошибочно понимаемому предмету; одно принадлежит Эренбергу, и появилось въ Берлинѣ въ 1835 году подъ заглавіемъ: «Das Leuchten des Meeres», другое принадлежит Катрфажу (Quatrefages) въ «Annal. des sciences natur. III Ser. Zool. T. XIV, стр. 236; 1850.»

пиками; во время моего путешествія, я часто наблюдалъ это явленіе съ напряженнымъ вниманіемъ. Онѣ образуются преимущественно у носа корабля, гдѣ даже при совершенно спокойномъ морѣ постоянно выбрасывается множество маленькихъ волнъ, или появляются въ кильватерѣ, около руля. Свѣтъ, который съ обѣихъ сторонъ выходитъ изъ воды, бываетъ столь силенъ, что бока корабля кажутся какъ-бы слабо освѣщенными. Нагнувшись достаточно къ водѣ, послѣ долгаго наблюденія можно убѣдиться, что видимый свѣтъ происходитъ изъ отдѣльныхъ какъ-бы воспламеняющихся и весьма свѣтлыхъ точекъ, мерцающихъ красноватымъ, желтоватымъ или синеватымъ цвѣтомъ и мгновенно появляющихся въ водѣ. Скопленіемъ своимъ онѣ производятъ болѣе или менѣе общій свѣтъ, не образуя однакоже равномернаго сіянія морской воды. То же самое подтвердило наблюденіе воды, протекающей по обѣимъ сторонамъ около корабля; въ ней постоянно свѣтились маленькія точки различной величины, цвѣта и силы, но никогда не видалъ я здѣсь общей большой свѣтлой поверхности. Сіяніе было не продолжительно, оно всегда появлялось только на мгновеніе и потомъ такъ однообразно возвращалось въ паузахъ, что уже изъ этихъ равномерныхъ періодовъ можно было заключить, что такой свѣтъ исходитъ изъ опредѣленнаго пред-

мета, который плавая, періодически испускаетъ его изъ себя. Непонятно, какимъ образомъ одинъ изъ наблюдателей, тщательно изучавшій на морѣ это обыкновенное явленіе, и сравнивавшій съ нимъ совершенно подобное ему отдѣленіе свѣта нашими *свѣтящимися червяками* (*Lampyrus splendidula*), могъ прійти къ заключенію, что свѣтъ исходитъ изъ самаго моря, или изъ морской пѣны; полное подобіе обоихъ явленій указываетъ скорѣе на одинаковыя причины. Отдѣленіе свѣта производится обыкновенно весьма маленькими, микроскопическими животными, которыя, или плавая въ океанѣ и спокойно совершая свой путь, испускаютъ изъ себя перемежающійся свѣтъ, ритмическими паузами, подобно летающимъ свѣтлякамъ или, сбитые съ пути волненіемъ, производятъ мгновенное отдѣленіе свѣта вслѣдствіе раздраженія своей поверхности. Простое наблюденіе явленій свѣта около корабля, привело меня къ этому заключенію, но мнѣ не удалось ближе изучить самаго свѣтящагося существа. Хотя я и добылъ достаточно количество воды съ плавающими въ ней свѣтлыми точками, но на другое утро въ ней невозможно было найти ни одного животнаго, потому ли что они слишкомъ малы и не могутъ быть видимы простымъ глазомъ, или вслѣдствіе ихъ мягкой, легко разрушаемой, растворимой массы. Какъ бы то ни было, но я не пашель

ни одного живогнаго. На обратномъ пути, запасшись хорошими хватальными инструментами, я былъ счастливѣе: я поймалъ небольшое число микроскопическихкихъ раковъ изъ семействъ *лофироподовъ* и *копеподовъ*, — настоящихъ свѣтляковъ, и кромѣ того открылъ мгновенныхъ свѣтоиспускаателей въ нѣкоторыхъ медузахъ, а именно *Pelagia cyanella*. Животное не свѣтилось, когда было спокойно и оставалось нетронутымъ; но какъ только до него дотрогивались, оно испускало изъ тронутаго мѣста синеватый свѣтъ. Когда я вынулъ эту медузу изъ моря въ вязаной сѣткѣ, она испускала свѣтъ изъ всего тѣла, вслѣдствіе всесторонняго прикосновенія; но какъ только она успокоилась въ водѣ, прекратился и свѣтъ ея поверхности. Свѣтъ выходилъ не изъ глубины тѣла животнаго, но только изъ его поверхности, если до нея чѣмъ-нибудь дотрогивались. Если разрѣзывать тѣло на частицы, то и послѣднія свѣтятся нѣсколько времени, но недолго. Эти медузы были весьма многочисленны близъ Асорскихъ острововъ, и были видны даже днемъ; мы однакоже поймали ихъ первый разъ ночью, когда корабль потревожилъ ихъ своимъ ходомъ. Большія животныя, подобно свѣтлымъ шарамъ, закружились по сторонамъ его въ водѣ, и вся поверхность ихъ казалась свѣтящеюся. Уже прежде замѣчалъ я маленькій видъ *сальпо*, длиною въ $\frac{1}{2}$ дюйма,

которыя временно испускали изъ себя свѣтъ послѣ прикосновенія. Даже маленькіе, болѣе постоянно свѣтившіеся раки, пойманные мною, свѣтили непрерывно, такъ что въ нихъ нельзя предполагать особеннаго свѣтящагося органа. Точно такъ же и свѣтящіеся бразильскіе *шелкуны* (*clater*) имѣютъ вѣроятно только особенныя свѣтящіеся точки или мѣста, а не особые свѣтящіеся органы *).

Совершенно отличнымъ отъ описаннаго явленія подвижныхъ свѣтлыхъ точекъ открытаго моря, является общій свѣтъ морской воды у береговъ или въ узкихъ заливахъ, и отличіе это не только кажущееся, но и дѣйствительное. Я только однажды видѣлъ это явленіе въ каналѣ. На поверхности моря замѣтны

*) Тщательныя физическія изслѣдованія доказываютъ, что блескъ свѣтящихся насѣкомыхъ происходитъ отъ фосфорическаго вещества, находящагося въ ихъ внутренности, которое вслѣдствіе дыханія окисляется или горитъ, причемъ фактъ испусканія свѣта по произволу животнаго оглашается все-таки загадочнымъ. У животныхъ плавающихъ въ водѣ, явленіе это напротивъ того есть чистый органический актъ, а не слѣдствіе особеннаго вещества. Катрафажъ (*Quatrefages*) полагаетъ, что оно есть слѣдствіе мышечной сжимаемости и что, слѣдовательно, свѣтъ исходитъ изъ движущихся мускуловъ. Гдѣ нѣтъ настоящихъ мускульныхъ волоконъ, какъ у *Dosiopus*, свѣтъ производится, какъ кажется, соединяющимися мѣстами сжимаемой ткани; по крайней мѣрѣ микроскопическія наблюденія показываютъ безчисленное множество свѣтящихся точекъ во внутренности животнаго.

были красноватые свѣтлыя, блестящія пятна отъ 20—30 футовъ въ діаметръ, которыя равномерно и непрерывно испускали изъ себя довольно слабый свѣтъ. Мы были довольно близко къ берегу, но за темнотою не видѣли земли. Далѣе я не могъ ясно наблюдать это явленіе, потому-что видѣлъ его въ порядочномъ разстояніи отъ корабля, который шелъ довольно скоро. На основаніи предъидущаго нужно принять за производителей этого свѣта множество микроскопическихъ организмовъ, а именно маленькихъ инфузоріевидныхъ животныхъ, *Noctiluca scintillans*, или виды *Peridinium*, находящихся въ морѣ въ такихъ мѣстахъ. Кромѣ того причиною свѣта могутъ быть также гниющія органическія вещества. Гнилое дерево, гнилыя рыбы, гнилое мясо часто свѣтятъ очень сильно, и если гдѣ-нибудь въ морѣ по близости береговъ соберется цѣлая масса мертвыхъ рыбъ, то она можетъ представить довольно большую свѣтлую поверхность. Во всякомъ случаѣ замѣчаніе Эренберга о нахожденіи въ океанѣ свѣтящихся мертвыхъ рыбъ совершенно справедливо. Не только свѣтящихся, но вообще мертвыхъ рыбъ трудно встрѣтить гдѣ-нибудь въ открытомъ морѣ. Все умирающее стремится къ берегамъ, и тамъ нерѣдко можно видѣть мертвыхъ рыбъ. Но для свѣта, происходящаго отъ гніенія,

вовсе не необходимы только мертвыя рыбы; каждая гниющая органическая матерія, какого бы ни было рода, отдѣляющая фосфорическія вещества, какъ примѣръ столь часто плавающая въ морѣ большими массами въ мѣстахъ метанія икры, срегма рыбъ, можетъ производить свѣтъ. Но достаточно ли для этого одного органическаго вещества, подлежитъ еще сомнѣнію; отдѣленіе общаго матоваго свѣта близъ береговъ моря можетъ, какъ мнѣ кажется, быть произведено процессомъ разложенія только цѣлыхъ организмовъ или цѣлыхъ частей организмовъ. Впрочемъ Катрфажъ утверждаетъ, что цѣлыя свѣтлыя плоскости, изслѣдованныя имъ у береговъ Франціи, состояли не изъ гнилыхъ органическихъ веществъ, а только изъ инфузорій семейства *Khizopoda*, *Noctiluca scintillans*; между тѣмъ какъ Мпхаэлисъ доказалъ то же явленіе какъ дѣйствіе видовъ *Peridinium*. Поэтому гнилыя вещества могутъ составлять только исключительныя явленія большихъ прибрежныхъ свѣтящихся полосъ, въ открытомъ же морѣ явленіе свѣта можетъ быть производимо только плавающими живыми существами.

Необыкновенное богатство органической жизни и органической матеріи океана, является истинно поразительнымъ, если сравнить микроскопичность этихъ свѣтящихся животныхъ съ производимыми ими

свѣтлыми плоскостями. *Noctiluca scintillans* имѣетъ въ поперечникѣ отъ $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ миллиметра (около $\frac{1}{12}$ — $\frac{1}{8}$ линіи), такъ что одна обыкновенная капля воды можетъ содержать въ себѣ болѣе 100 недѣлимыхъ. Въ состояніи покоя животныя образуютъ на поверхности воды плотный слой въ нѣсколько дюймовъ толщиною и, соединившись такимъ образомъ, наполняютъ своимъ свѣтомъ цѣлыя большія плоскости. Свѣтящіяся существа открытаго океана обыкновенно значительно больше, и движутся въ значительнѣйшемъ разстояніи другъ отъ друга; но если подумать, что не только нѣкоторыя части океана, но вся тропическая область его до середины умѣреннаго пояса, населена животными, которыя каждую ночь производятъ явленіе свѣтящихся точекъ, то невольно изумишься неизмѣрному множеству этихъ животныхъ, численность которыхъ рѣшительно поражаетъ чувства, своей громадностью. Если положить на квадратный футъ только одно свѣтящееся животное, то на квадратную милю приходится ихъ уже 400 миллионовъ. Но животныя эти плаваютъ не только на поверхности, они находятся на каждомъ горизонтѣ океана до глубины нѣсколькихъ футовъ. Одинъ футъ глубины, заключающій въ дюймъ только одно животное, содержитъ 4800 миллионовъ недѣлимыхъ, разсѣянныхъ по незначительному пространству одной квадратной мили. Нечего объ-

снять къ какому результату привело бы такое вычисленіе, если бы его приложить ко всему океану. Каждый читатель пойметъ, каковы должны быть чувства естествоиспытателя, взирающаго на безпредѣльную поверхность океана, блистающую мириадами свѣтлыхъ точекъ, подобно театральному костюму усыпанному блестками, и сознающаго въ великолѣпномъ блескѣ шумящихъ волнъ неизмѣримый міръ свѣтляковъ, движущійся у ногъ его. Со мной бывало часто то же самое, что и со спутниками Одиссея, заслушивавшимися пѣнія сиренъ изъ глубины моря. Мнѣ хотѣлось броситься въ эти блестящія волны, чтобы ближе изучить свойства cadaго отдѣльнаго свѣтляка и удивительное множество всѣхъ ихъ; потому-что какъ ни старался я достать ихъ моими инструментами, я получалъ на палубѣ какихъ нибудь двѣ, три свѣтящихся точки, и когда черезъ нѣсколько минутъ принимался наблюдать ихъ въ ведрѣ, онѣ дѣлались уже невидимыми и ускользали отъ моихъ наблюденій.

Разнообразіе дневнаго и ночнаго цвѣта океана представляется подвижность его поверхности. Есть что-то безпокойное, даже таинственно-страшное въ этомъ постоянномъ движеніи. Тотъ, кто въ первый разъ видитъ природную картину волнующагося моря во всей страшной красотѣ его, невольно испытываетъ на себѣ всю мрачную таинственность этого

впечатлѣнія. Уже независимо отъ тѣхъ непріятныхъ ощущений, которыя испытываетъ всякій, подвергающійся морской качкѣ, самое качающееся положеніе составляетъ непривычное, противное человѣческой природѣ состояніе. Твердая неподвижная почва подъ ногами, есть настоящая человѣческая потребность, которая находится въ связи со всей нашей организаціей, предназначенной къ прямой твердой походкѣ. Только предпримчивость и соединенныя съ нею выгоды, могутъ преодолѣть врожденное человѣку естественное нерасположеніе къ жизни на морѣ, и по примѣру другихъ привлекать къ мореходству столь склонное къ подражанію юное общество. По своей природѣ человѣкъ также далекъ отъ мысли жить на морѣ, какъ всякое сухопутное животное; лошади, овцы или коровы, никогда не придеть въ голову броситься въ волны моря, сколько бы ни ходили онѣ по берегу. Только высшія потребности развиваютъ въ человѣкѣ высшія стремленія, они-то и влекутъ его съ твердой земли на зыбкую поверхность моря.

Несмотря на то, что море само по себѣ не имѣетъ постояннаго, свойственнаго ему движенія, оно все-таки рѣдко находится въ состояніи дѣйствительнаго покоя. Въ открытомъ океанѣ я никогда не замѣчалъ совершенной тишины. Даже при зеркально-гладкой

поверхности, море колыхалось всегда большими, плоскими волнами. Явленіе это называется морскою зыбью и представляетъ послѣдніе остатки сильнаго волненія, которому море передъ тѣмъ подвергалось. Если бы состояніе тишины продолжалось нѣсколько дней, то море конечно могло бы совершенно успокоиться; но причины, отъ которыхъ зависитъ покой или движеніе, смѣняются слишкомъ быстро, поэтому поверхность воды въ открытомъ морѣ, почти никогда не бываетъ совершенно спокойна. Совсѣмъ другое представляется у береговъ. Вслѣдствіе незначительной глубины моря, только небольшое количество воды разливается здѣсь на обширномъ пространствѣ. Когда поверхность моря приходитъ въ движеніе, то волненіе не можетъ быть очень велико уже потому, что здѣсь слишкомъ мало воды, для высокихъ валовъ. Кромѣ того образовавшіяся уже волны, задѣвая за твердое, неподвижное дно, и встрѣчая въ немъ постоянное препятствіе, постепенно приходятъ въ совершенный покой, по мѣрѣ утиханія вѣтра.

Явленіе образованія волнъ, замѣчаемыхъ на морѣ, имѣетъ основаніе свое, въ теченіяхъ воздушнаго слоя стоящаго надъ водою. При постоянномъ спокойствіи атмосферы, море также дѣлается спокойно. Когда атмосфера приходитъ въ движеніе, то постоянный потокъ ея, называемый *вѣтромъ*, дѣйствуетъ на поверх-

пость моря. Струя воздуха или порывъ вѣтра, давить на поверхность воды, которая, будучи удобоподвижна, уклоняется отъ него. Такое уклоненіе не можетъ направляться книзу, потому-что вода не имѣетъ почти никакой сжимаемости или упругости; слѣдовательно каждая ближайшая водяная масса, преграждаетъ путь первоначально сжатой водѣ, и препятствуетъ уклоненію ея въ эту сторону. Единственное направленіе, по которому можетъ двигаться водяная масса, уступающая давленію вѣтра есть направленіе кверху. Вода возвышается вокругъ сжатаго мѣста и поднимаясь выше своего естественнаго уровня образуетъ волну. Волна дѣлится на двѣ части, на поднимающуюся надъ уровнемъ воды, или волнистую гору, и на углубленную, или волнистую долину. Если представить себѣ волнистую гору, отдѣльно отъ долины, то масса воды въ первой, будетъ именно та, которую нужно прибавить ко второй, для приведенія ея въ горизонтальное положеніе. Когда приподнятое количество воды сдѣлается такъ велико, что тяжесть влекущая его книзу, преодолѣетъ силу вѣтра, поднимающаго его кверху, то вода снова опускается на прежнее свое мѣсто. Но такъ-какъ давленіе вѣтра продолжается равномерно, то оно въ ту же самую минуту приподнимаетъ другое количество воды, повышаетъ его сколько мо-

жетъ, и снова опускаетъ, когда вѣсъ воды преодолѣетъ поднимающую силу. Происходящій при этомъ постоянный обмѣнъ, поднимающихся и опускающихся слоевъ воды, производитъ кажущееся, поступательное, волнообразное *движеніе воды*.

Я съ намѣреніемъ говорю *кажущееся* поступательное движеніе, потому-что вода, которая образуетъ волну, въ дѣйствительности не оставляетъ своего мѣста. Глядя съ корабля на игру волнъ, и не вникая въ подробности происходящихъ при этомъ явленій, можно дѣйствительно подумать, что море подвигается вмѣстѣ съ волной. Этотъ обманъ зрѣнія, происходитъ главнымъ образомъ отъ движенія корабля; видъ волнъ какъ-бы перегоняющихъ другъ друга, и обгоняющихъ самое судно, явственное движеніе валовъ по обѣимъ сторонамъ его, все неволью заставляетъ думать, что и вода имѣетъ то же самое движеніе. Въ дѣйствительности же этого вовсе нѣтъ. Вода двигается только вверхъ и внизъ, а масса ея, въ которой происходитъ это движеніе, не перемѣняетъ своего мѣста въ океанѣ. Очевидное доказательство этому представляетъ извѣстный инструментъ *лагъ*, служащій для опредѣленія скорости хода корабля. Инструментъ этотъ состоитъ изъ треугольной досечки, къ тремъ угламъ которой привязаны нити, соединяющіяся въ одинъ узелъ, къ которому

привязывается веревка, съ узлами или другими знаками означающими известныя разстоянія. Если эту доску бросить за бортъ въ кильватеръ, то она остается на томъ же самомъ мѣстѣ куда упала, между-тѣмъ какъ корабль идетъ далѣе, и если по истеченіи известнаго времени, вымѣрять длину веревки по сдѣланнымъ на ней узламъ, то будетъ известно, какое разстояніе прошелъ корабль въ это время, а отсюда легко можно будетъ вывести скорость его хода въ часъ. Разстоянія между узлами взяты такія, что ихъ въ одну минуту проходитъ столько, сколько миль дѣлаетъ корабль въ одинъ часъ; такъ напримѣръ если втеченіи одной минуты, лагъ развернулся на пять узловъ, то слѣдовательно корабль дѣлаетъ по пяти миль въ часъ.

Описанный инструментъ былъ бы бесполезенъ, еслибы вода, на которую упала досечка лага, измѣнила свое мѣсто; въ этомъ случаѣ досечка, плавающая на водѣ, уносилась бы вмѣстѣ съ нею впередъ или назадъ, и слѣдовательно не могла бы быть употребляема съ цѣлью измѣренія скорости хода корабля. Но такъ какъ приборъ вполне удовлетворяетъ своей цѣли, то изъ этого слѣдуетъ, что досечка дѣйствительно остается на мѣстѣ, что можетъ произойти только въ такомъ случаѣ, если вода несущая ее не движется ни взадъ, ни впередъ.

Многія явленія волнующагося океана, которыя не могутъ ускользнуть отъ вниманія наблюдателя, подтверждаютъ справедливость вышеизложенной теоріи, и въ тоже время показываютъ, до чего можетъ доходить обманъ чувствъ, при поверхностномъ наблюденіи. Къ числу такихъ явленій принадлежатъ барашки, замѣчаемые на морѣ, при каждомъ нѣскольکو сильномъ вѣтрѣ. Пѣнистыя волны или барашки, происходятъ отъ того, что вершина волнистой горы не опускается вмѣстѣ съ главной массой волны въ волнистую долину, находящуюся позади ея, но перебрасывается въ лежащую впереди долину. Фактъ эготъ какъ-будто говоритъ въ пользу движенія моря, вмѣстѣ съ волной. Мы ясно видимъ, какъ поднимается вода сзади края волнистой горы, какъ она съ шумомъ образуетъ на волнѣ вздымающійся край, и какъ, наконецъ, подобно каскаду, скатывается въ лежащую передъ ней долину, въ видѣ бѣлой, густой пѣны. До сихъ поръ нельзя отрицать, что вода подвигается впередъ, но тотчасъ послѣ паденія сцена перемѣняется, скатившаяся пѣна распространяется по поверхности волнистой горы, образовавшейся на мѣстѣ долины, и вмѣстѣ съ волною скатывается въ волнистую долину, лежащую сзади горы; такъ что по прошествіи секунды, пѣна отодвигается назадъ на столько же, на сколько она была подвинута впередъ. И такъ

въ дѣйствительности, образованіе барашковъ есть не что иное, какъ перемѣщеніе задняго, верхняго, водянаго слоя волнистой горы, въ переднюю часть ея; слой этотъ долженъ здѣсь оставаться, потому-что вся волнистая гора обрушивается въ ту самую минуту, въ которую происходитъ это перемѣщеніе воды.

Пѣнистыя волны появляются на морѣ только при сильнѣйшемъ вѣтрѣ; при обыкновенномъ же волненіи, только наибольшія изъ волнъ покрываются барашками. Когда вѣтеръ слабъ, то онъ давитъ на падающую волну, съ такой незначительной силой, что верхніе слои, находящіеся подъ болѣе сильнымъ давленіемъ, не успѣваютъ достигнуть вершины волны, какъ она уже опускается; поэтому здѣсь не образуется барашковъ. Еслибы которая нибудь изъ этихъ слабыхъ волнъ, подвиглась нѣсколько выше, то она потребовала бы для своего опусканія нѣсколько болѣе времени, въ продолженіи котораго верхній слой ея могъ бы получить достаточно времени и силы, для того чтобы перекинуться. Вотъ почему при умѣренномъ движеніи моря, можно только кое-гдѣ замѣчать, отдѣльныя пѣнистыя волны, тогда какъ большая часть волнъ, не покрывается барашками; если же дуетъ сильный вѣтеръ, то онъ не только высоко вздымаетъ волны, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою силою гонитъ верхній слой каждой отдѣль-

ной волны, что слой этотъ необходимо долженъ опрокинуться при началѣ опусканія ея. Тогда каждая волна увѣнчивается барашками и вся поверхность океана покрывается безчисленнымъ множествомъ бѣлыхъ, пѣнистыхъ полосъ, которыя, непрерывно измѣняясь въ видѣ и въ величинѣ, представляютъ глазу разнообразное и пріятное зрѣлище.

Прежде нежели обратимся къ разнообразнымъ явленіямъ, производимымъ бурей въ строеніи волнъ, и въ-особенности при образованіи барашковъ, рассмотримъ ближе самыя волны. Они помогутъ намъ уяснить себѣ различія волнующагося океана, отъ волненія происходящаго въ прибрежномъ морѣ, различія весьма значительныя. Прежде всего должны мы объяснить, почему волны двигаются въ одномъ направленіи, въ видѣ длинныхъ между собой соединенныхъ полосъ, хотя окружающая ихъ вода со всѣхъ сторонъ подвержена давленію вѣтра. Вода, подверженная давленію въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, стремится распространяться отъ этого мѣста во всѣ стороны. Мы можемъ это явственно видѣть, бросивши камень въ спокойную воду. Давленіе производимое на воду падающимъ камнемъ, поднимаетъ воду кругообразно отъ мѣста паденія. Эта вода, вслѣдствіе инерціи опадаетъ внутрь и внаружу круга, съ силою, равною силѣ давленія упавшаго камня, — при этомъ она поднимаетъ

вкругъ себя ближайшіе водяные слои, и образуетъ всё болѣе и болѣе распространяющіяся и ослабѣвающія волны. Но давленіе вѣтра происходитъ не въ одномъ мѣстѣ и не отвѣсно сверху, какъ при паденіи камня. Вѣтеръ равномерно давитъ на всю поверхность воды по тому направленію, по которому стремится самъ. Отъ этого происходитъ не только одностороннее направленіе волнъ, соответствующее теченію вѣтра, но и находящееся въ связи съ нимъ линейное распредѣленіе ихъ. Части водяной поверхности, подвергаясь давленію вѣтра, стараются уклоняться, но встрѣчаютъ съ обѣихъ сторонъ препятствія своему уклоненію. Понятно, что вода въ нихъ обращается туда, гдѣ встрѣчаетъ наименьшее препятствіе, т. е. по направленію вѣтра, но такъ какъ стремленіе воды впередъ, по вѣтру, отвлекаетъ отъ боковаго направленія, слишкомъ много массы, необходимой для того чтобы уклоненіе было равномерно, поэтому волнистая долина имѣетъ весьма слабыя поперечныя ребра, а волнистыя горы имѣютъ гребни не одинаковой высоты. Собственно волнистая долина не образуетъ равномерно-углубленной впадины, также какъ волнистая гора не имѣетъ равномерно-возвышенной окраины; первая есть сумма слившихся, продолговатыхъ котловинъ, раздѣляемыхъ мелкими возвышеніями, послѣдняя есть тоже сумма возвышенностей поставленныхъ рядомъ. Поэтому

трудно опредѣлить продольное протяженіе волны, которое старались вывести многіе физики; рѣдко можно съ точностью замѣтить, гдѣ кончается или начинается волна. Приводили примѣры волнъ въ нѣсколько сотъ футовъ длины, но я не могу понять, какъ было сдѣлано подобное измѣреніе. Я никогда не могъ убѣдиться въ протяженіи волны, потому-что около каждаго большаго волнистаго гребня поднимается столько другихъ меньшихъ, что я оставался въ нерѣшительности, считать ли эти меньшія волны только частью большой волны, или самостоятельными волнами.

Именно въ этомъ смѣшеніи безчисленнаго множества большихъ и малыхъ волнъ, заключается характеристическое различіе между волненіемъ океана и прибрежнымъ волненіемъ. Какъ приморскій уроженецъ, я съ дѣтства привыкъ къ виду волнъ, и познакомился съ общими свойствами ихъ, прежде нежели увидѣлъ открытый океанъ. Тѣмъ не менѣе я былъ въ высшей степени пораженъ видомъ волнъ океана; мнѣ нужно было подумать, чтобы уяснить себѣ движеніе ихъ. Если смотрѣть на волны съ берега моря, или съ высокаго прибрежнаго пункта, откуда видна большая поверхность воды, то представится самый простѣйшій видъ образованія волнъ. Мы увидимъ приподнятую волнистую гору, медленно, двигающуюся къ берегу, и плоскую, котлообразную, волнистую долину, какъ

будто длинную пустоту, между двумя волнами. При довольно сильномъ вѣтрѣ, на волнахъ являются барашки, но и они слѣдуютъ другъ за другомъ почти въ извѣстныхъ промежуткахъ, такъ что на поверхности моря образуются длинныя, линейныя, пѣнистыя полосы. Когда вѣтеръ, усиливаясь, переходитъ въ бурю, то волны увеличиваются, долины дѣлаются шире, глубже, окраины становятся неровными, зубчатыми, барашки, гонимые вѣтромъ, съ шумомъ разсыпаются въ большія брызги; но общее впечатлѣніе извѣстной правильности не исчезаетъ, такъ что глазъ скоро запоминаетъ этотъ видъ, и получаетъ возможность искусственно воспроизвести его. Въ большей части морскихъ ландшафтовъ, море изображается именно съ такимъ прибрежнымъ характеромъ, и совершенно основательно, потому что подобныя картины, не только основываются на береговыхъ наблюденіяхъ, но и дѣйствительно имѣютъ въ виду представить прибрежнія области моря, что доказывается изображеніемъ на картинахъ береговыхъ полосъ. Но художникъ очень ошибся бы, еслибы по такимъ прибрежнымъ наблюденіямъ захотѣлъ изобразить бурное волненіе океана; если бы подумалъ, что стоитъ только увеличить высоту волнъ, чтобы выразить этимъ характеръ океана. Этого далеко было бы недостаточно; тишь волненія океана заключается не въ одной величинѣ

нѣ волнъ, но и во всемъ распредѣленіи ихъ. Въ этомъ различіи можно всего лучше убѣдиться наблюдая волненіе при слабыхъ постоянныхъ вѣтрахъ, дующихъ между тропиками, какъ напримѣръ пассаты.

Прежде всего пужно обратить вниманіе на то, что волны океана образуются одновременно по нѣсколькимъ направленіямъ. Явленіе это очень хорошо знакомо геологамъ, они различаютъ *дюнную волну* и *настоящую волну*, какъ двѣ совершенно различныя составныя части волнующагося моря. Первымъ выраженіемъ, происходящимъ вѣроятно отъ слова *дюна*, которымъ называются песчаныя возвышенія на берегу моря, они обозначаютъ волненіе океана противъ направленія вѣтра; волною же называютъ движеніе водяной поверхности по направленію вѣтра *). При спокойномъ морѣ, дюнное волненіе представляется явленіемъ въ высшей степени поразительнымъ уже потому, что тогда оно выступаетъ съ особенной ясностью. Наблюдатель видитъ, какъ изъ слабо волнуемой зыбкой поверхности моря, на встрѣчу кораблю идущему по направленію вѣтра, выступаютъ высокія, медленно, но довольно сильно поднимающіяся, обширныя волнистыя горы, такъ-что сначала онъ недоумѣваетъ, какъ

*) У моряковъ это явленіе носитъ два названія: въ закрытомъ пространствѣ, напр. въ гавани оно называется толчеей, а въ открытомъ морѣ старой зыбью.

объяснить себѣ столь сильное волненіе моря, при такомъ слабомъ вѣтрѣ. Эти большія волны не ускользнуть отъ вниманія путешественника; еслибы даже глазъ его не замѣтилъ ихъ, то качка корабля напомнитъ. Нѣтъ ничего непріятнѣе такой морской зыби, при слабомъ вѣтрѣ, въ-особенности если она подходитъ сзади, и ударяетъ въ надводную часть корабля то справа, то слѣва; отъ чего его непрерывно бросаетъ то въ одну сторону, то въ другую.

О причинахъ дюннаго волненія существуютъ различныя мнѣнія, смотря по тому — считаютъ ли его предвѣстіемъ, или послѣдствіемъ отдаленныхъ сильныхъ волненій океана. Гдѣ оно является въ направленіи противоположномъ направленію вѣтра, тамъ оно не можетъ зависѣть отъ него. Но такъ какъ каждое волненіе океана есть только слѣдствіе извѣстныхъ теченій воздуха, то причину дюннаго волненія должно искать внѣ той среды въ которой оно замѣчается. На этомъ основаніи его считаютъ продолженіемъ сильнаго волненія, происходящаго въ отдаленныхъ мѣстахъ океана, волненія, распространяющагося за предѣлы того вѣтра, который произвелъ его. Направленіе дюннаго волненія можетъ быть совершенно различно отъ одновременнаго съ нимъ вѣтра; оно можетъ идти ему навстрѣчу, можетъ сопровождать его, или пересѣкать его въ томъ или

въ другомъ направленіи. Лучше всего для объясненія происхожденія дюннаго волненія, можетъ служить тотъ случай, когда оно является предшественникомъ слѣдующаго за нимъ вѣтра. Тогда оно дѣлается замѣтно за нѣсколько часовъ прежде, нежели сопровождающій его вѣтеръ достигнетъ корабля, изъ чего должно заключить, что волненіе океана распространяется скорѣе, нежели происходитъ движеніе самаго вѣтра; что хотя и кажется довольно странно, но тѣмъ не менѣе положительно доказывается многими наблюденіями. Такимъ образомъ дюнное волненіе можетъ служить для мореплавателя предсказаніемъ скорого сильнаго вѣтра, или даже бури. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно можетъ побудить его направить судно по направленію волненія, потому что тамъ онъ встрѣтитъ болѣе вѣтра, и, слѣдовательно, дастъ судну своему больше хода. Опытный капитанъ всегда тщательно наблюдаетъ дюнное волненіе, и не оставляетъ безъ вниманія нерѣдко одновременныя съ нимъ измѣненія барометра; потому-что измѣненія эти предшествуютъ обыкновенно приближающимся бурямъ. Быстрое пониженіе ртути, и слѣдовательно уменьшеніе воздушнаго давленія, можетъ служить вѣрнѣйшимъ признакомъ бури, направленіе которой, при появленіи сильнаго дюннаго волненія, заранее можетъ быть опредѣлено съ большею вѣроятностью.

Какъ слѣдствіе прошедшихъ бурь, дюнное волненіе можно встрѣтить всюду; сильно взволнованный океанъ не приходитъ скоро въ спокойное состояніе: сильное волненіе прекращается всегда гораздо позже бури, которая его произвела. Бури же могутъ такъ же быстро утихнуть, какъ быстро появиться. Если изъ области спокойнаго моря, корабль переходитъ въ такое мѣсто, гдѣ незадолго до этого господствовала буря, то дюнное волненіе бываетъ здѣсь еще весьма замѣтно. Нерѣдко также случается, что внезапный ураганъ переходитъ въ слабый вѣтеръ дующій по тому же самому направленію. Иногда случается бывать въ такихъ мѣстахъ океана, гдѣ высокое волненіе вовсе не соотвѣтствуетъ силѣ вѣтра. Причиною этому то, что вѣтеръ незадолго передъ этимъ былъ здѣсь гораздо сильнѣе, нежели каковъ онъ теперь. Всѣ подобныя явленія поражаютъ и занимаютъ наблюдательнаго путешественника; они оживляютъ однообразную поверхность океана, занимая или поучая наблюдателя, и пополняютъ ему недостатокъ духовнаго развлеченія, котораго вообще мало доставляетъ корабельное общество. Я никогда не скучалъ на кораблѣ, и при умѣренномъ вѣтрѣ постоянно былъ пріятно занятъ. Только продолжительный штиль наводитъ скуку и утомленіе, такъ же какъ продолжительная буря наводитъ боязнь и изнуреніе.

Къ числу самыхъ поразительныхъ явленій, должно наконецъ отнести дюнное волненіе, появляющееся съ различныхъ сторонъ. Оно принадлежитъ вообще къ довольно рѣдкимъ явленіямъ. Высокія волны медленно пересѣкаютъ другъ друга, или сталкиваются между собою. Въ моментъ прикосновенія, точка пересѣченія волнистыхъ горъ быстро поднимается кверху, послѣ чего каждая изъ обѣихъ волнъ снова продолжаетъ прежній путь своей. При неодинаковой силѣ онѣ обыкновенно тѣмъ сильнѣе онадаютъ послѣ сталкиванія, чѣмъ глубже одна въ другую врѣзалась, при чемъ сильнѣйшая переходитъ черезъ слабѣйшую. Впрочемъ такія борющіяся волны рѣдко бываютъ высоки; это только слабыя и какъ-бы усталыя колебанія, встрѣчающіяся далеко отъ мѣста гдѣ разыгралась буря.

Дюнные волненія никогда не встрѣчаются у береговъ, или по близости ихъ, частью потому, что море здѣсь слишкомъ мелко для того чтобы новиноваться различнымъ системамъ волнъ, частью же потому, что рѣдко можно встрѣтить разнородные воздушные потоки въ такихъ небольшихъ областяхъ, какъ береговыя морскія полосы или воды заливовъ. Кто не былъ въ открытомъ морѣ, вдали отъ земли, тотъ не можетъ себѣ представить дюнное волненіе, потому-что трудно составить себѣ понятіе о явленіяхъ,

которыя по своей сущности противорѣчатъ другъ другу. Одновременное волненіе въ различныхъ направленіяхъ, на одномъ и томъ же мѣстѣ морской поверхности, дѣлается вѣроятнымъ только для того, кто имѣлъ случай самъ видѣть его въ морѣ. Въ маломъ видѣ его легко воспроизвести, если одновременно бросить въ воду другъ подлѣ друга два камня, или наполнить водою большой сосудъ, и произвести въ немъ волненіе, ударяя сильно въ одно и то же время, по двумъ различнымъ краямъ его, большимъ молотомъ, и тѣмъ производя сильное сотрясеніе. Тогда образовавшіяся волны встрѣтятся на срединѣ водной поверхности, и моментъ пересѣченія ихъ представитъ маленькій примѣръ этого интереснаго явленія.

Какъ ни характеристично дюнное волненіе, его однакоже нельзя считать явленіемъ необходимо и постоянно сопровождающимъ образованіе волнъ въ открытомъ морѣ. Напротивъ того, бываютъ дни, когда его вовсе не видно. Въ тѣхъ полосахъ, гдѣ правильно дуютъ пассаты, можно по цѣлымъ недѣлямъ плыть по океану безъ дюннаго волненія. Гораздо чаще и характеристичнѣе является всюду господствующее на океанѣ явленіе сложныхъ волнъ. Такъ называется явленіе, которое ни въ одномъ изъ описаній путешествій по океану, не описано съ той полнотою, которой оно заслуживаетъ, составляя отличительное свойство открытаго

моря. Поэтому я считаю не лишнимъ, нѣсколько остановиться на немъ. Если при умѣренномъ вѣтрѣ смотрѣть на волны, то поверхность ихъ является не гладкою, но покрытою множествомъ гораздо меньшихъ волнъ, представляющихъ въ миниатюрѣ всѣ явленія волнообразнаго движенія. Эти подчиненныя волны, при своемъ безконечномъ разнообразіи, слѣдовали общему ходу главныхъ волнъ и постоянно производили на меня впечатлѣніе, котораго я никогда не ощущалъ при многократныхъ наблюденіяхъ прибрежнаго волненія. Правда, въ Нѣмецкомъ морѣ, на берегахъ моей родины, мнѣ случалось замѣчать меньшія волны на бѣльшихъ, но онѣ были гораздо однообразнѣе по величинѣ, и въ то же время были значительно меньше главныхъ волнъ. Здѣсь же на океанѣ, по большимъ волнамъ прыгали другія волны половинной величины; на нихъ распространялись другія еще меньшія, и за послѣдними нерѣдко слѣдовали еще волны второй и третьей степени. Большая волна океана, взятая сама по себѣ, являлась уже не волнистою горою, заключенною между двумя однообразными волнистыми долинами, но какъ-бы многозубчатымъ кряжемъ, образовавшимъ цѣлую систему волнъ, въ которой постоянно перемѣшивались между собою отдѣльныя волны. Кажется, что явленіе это бываетъ яснѣе при умѣренномъ вѣтрѣ, нежели при

сильномъ. Въ послѣднемъ случаѣ волны каждаго отдѣльнаго члена системы дѣлаются не только гораздо болѣе, самостоятельнѣе, но и меньшія волны какъ-бы совершенно теряются. Постоянныя брызги и пѣна волнистыхъ гребней, вѣроятно способствуютъ неясности отдѣльныхъ волнъ, такъ какъ падающія въ море большія или малыя водяныя капли, нарушаютъ гладь волнистыхъ поверхностей, и постоянно вызываютъ на нихъ маленькія падающія волны. Когда влѣдствіе поднимающагося вѣтра, спокойное море приходитъ въ движеніе, то прежде всего являются маленькія волны, за которыми, при увеличивающемся вѣтрѣ, вскорѣ слѣдуютъ большія, послѣ чего появляется кудрявое волненіе, съ которымъ бываютъ вообще соединены ясно и рѣзко разграниченные барашки. Когда вѣтеръ усиливается до такой степени, что барашки рассыпаются и вмѣсто нихъ появляются высокія брызгающія волны, то системы маленькихъ волнъ дѣлаются неясными.

Кромѣ значительной глубины обширнаго океана, при которой безпрепятственно проявляется малѣйшее измѣненіе въ дѣйствіи силы давленія, вышеописанное явленіе объясняется еще неровнымъ, порывистымъ дѣйствіемъ вѣтра и неодинаковой подвижностью различныхъ водяныхъ слоевъ океана. Сначала вѣтеръ дѣйствуетъ только на поверхность моря. Когда послѣд-

няя получить движеніе, то она немедленно сообщаетъ его, ближайшему нижнему слою; при участіи его волнующаяся масса дѣлается болѣе, и слѣдовательно волна выростаетъ, волнистая долина дѣлается шире и глубже. Но скорость всей волны должна замедляться величиною объема волны. Верхній слой ея, испытывающій сильнѣйшее давленіе, получить двойную скорость противъ прочихъ слоевъ, потому-что имѣя одинаковую скорость съ остальными слоями, онъ еще постоянно подверженъ продолжающемуся давленію вѣтра. Качаясь съ двойною скоростью, онъ образуетъ новую волну; тогда на первой системѣ образуется вторая система волнъ. Такъ какъ двигающая сила всё возрастаетъ, то и дѣйствіе ея обнаруживается всё сильнѣе. Вторая система волнъ достигаетъ величины первой, первая въ той же степени увеличивается, и надъ второю системою образуется третья, повиноющаяся тѣмъ же законамъ, какъ и двѣ первыя. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока двигающая сила способна возрастать, то есть, пока она не достигнетъ своей наибольшей величины. Тогда и волны достигаютъ высшей своей степени; онѣ поддерживаются на этой степени, если сама сила не уменьшится. Съ уменьшеніемъ послѣдней, уменьшается и ея дѣйствіе. Волны понижаются, и наконецъ постепенно море успокаивается. Тогда высокіе валы, подобные

дюннѣмъ волнамъ, медленно катятся по морю, и на поверхности ихъ появляется безчисленное множество маленькихъ кудрявыхъ волнъ, произведенныхъ послѣдними ослабѣвающими порывами вѣтра.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что волны океана имѣютъ весьма различную величину, и проходятъ всѣ степени, отъ самой незначительной величины до громадныхъ размѣровъ. Однако было бы желательно опредѣлить дѣйствительную величину среднихъ и наибольшихъ волнъ, чтобы яснѣе представить себѣ картину бурнаго океана. При одинаковой силѣ вѣтра, волны океана вообще не болѣе прибрежныхъ; онѣ кажутся даже нѣсколько менѣ послѣднихъ. Этому способствуютъ отчасти безчисленныя побочныя волны, скрадывающія объемъ главной волны, и главное, неглубокое дно прибрежнаго моря, которое препятствуетъ распространенію волнъ въ глубину, и этимъ увеличиваетъ протяженіе ихъ въ ширину. Поэтому при одинаковомъ вѣтрѣ, прибрежныя волны хотя и бываютъ плоче волнъ океана, но за то углубленія отдѣляющія ихъ, шире, поэтому онѣ кажутся выше и громаднѣе. Вообще принимаютъ, что обыкновенныя волны океана, при умѣренномъ вѣтрѣ, достигаютъ высоты шести футовъ. Эта высота будучи сравнена съ высотой надводной части нашихъ судовъ, кажется достаточно вѣр-

ной. Высота нашихъ судовъ есть 12 футовъ. Волны рѣдко переходятъ за средину этой высоты, въ болѣе-шей части случаевъ онѣ достигаютъ высоты 4—5 футовъ. Это однакоже только обыкновенное, ежедневное явленіе, когда нѣтъ сильнаго вѣтра, хотя и при этой высотѣ барашки постоянно видны на морѣ. Какова же высота волнъ во время бури, на это отвѣчать весьма трудно, и оттого въ разрѣшеніи этого вопроса существуетъ такъ много разногласій. Во время путешествія мы выдержали нѣсколько бурь, и одну даже довольно продолжительную. При этомъ я находился большею частью въ каютѣ, но не могу сказать, чтобы валы, которые я видѣлъ, были выше 16 футовъ. Я заключаю это по тому, что по временамъ они значительно поднимались выше борта судна, и съ шумомъ разливались по палубѣ. По измѣреніямъ Горнера, сопровождавшаго капитана Крузенштерна въ его кругосвѣтномъ путешествіи, высота волнъ при сильныхъ буряхъ достигаетъ до 25—30 футовъ, а извѣстный французскій капитанъ д'Юрвилль утверждаетъ, что видѣлъ волны въ 60, 70 и даже 100 футовъ. По моимъ наблюденіямъ, цифры эти кажутся нѣсколько преувеличенными, хотя я и не отрицаю, что сильные морскіе валы, могутъ подниматься выше 30-ти футовъ.

Отъ высоты волны зависитъ и ширина волнистой долины, которая такъ усиливаетъ кажущуюся величину волны. Ширина эта находится однакоже не въ прямомъ отношеніи къ высотѣ. Хотя высокія волны постоянно имѣютъ между собою широкія долины, но расширение долины происходитъ не въ той же самой степени, въ какой возрастаетъ высота волны, а гораздо медленнѣе. По этому при умѣренномъ вѣтрѣ, нормальное разстояніе двухъ сосѣднихъ волнистыхъ гребней, бываетъ почти въ 20 разъ болѣе высоты волнистой горы; между-тѣмъ какъ при сильномъ вѣтрѣ и страшномъ волненіи, ширина долины можетъ быть принята только въ 10—12 разъ болѣе высоты волнистыхъ горъ. При общей 6-ти футовой высотѣ волны, высота волнистой горы можетъ быть принята равною 3 футамъ, значить глубина волнистой долины будетъ того же размѣра; въ этомъ случаѣ разстояніе между гребнями волнъ должно быть около 60 футовъ. Справедливость этихъ данныхъ я могу доказать наблюденіями, которыя я производилъ во время моей поѣздки, замѣчая, сколько волнъ въ одно и то же время проходило по бокамъ нашего судна. При умѣренномъ вѣтрѣ, когда высота волны не превосходила 4-хъ футовъ, я видѣлъ движеніе только 3-хъ, рѣдко 4-хъ волнистыхъ гребней въ одно и то же время. Судно наше, красивый фрегатъ, имѣло длину

120 футовъ, и дало бы, слѣдовательно, для 4-хъ гребней по 30-ти футовъ разстоянія; по вышеприведенное вычисленіе, при высотѣ волнъ въ 4 фута, даетъ 40 футовъ разстоянія, слѣдовательно, если одновременно у борта корабля показывался 3—4 волнистыхъ гребня, то высота волнъ не могла быть болѣе 3 и 4 футовъ. Большія бурныя волны въ 30 футовъ высоты, должны находиться между собою на разстояніи 300 футовъ, и одной такой волны было бы достаточно чтобы закачать наше судно. Такимъ образомъ дѣлается понятно, съ какою легкостью сильно взволнованное море подбрасываетъ самыя огромныя суда, и какъ даже гордый линейный корабль, длинокъ въ 220 футовъ, легко можетъ быть совершенно поглощенъ одной бурной волнистой долиной.

Зная величину волнъ, остается рѣшить еще два, не менѣе любопытные, вопроса: опредѣлить скорость движенія волнъ, и глубину до которой распространяется волненіе. Обѣ эти задачи пыталась разрѣшить физика. Относительно скорости волнъ было доказано, что водяные слои въ каждой отдѣльной волнѣ движутся не съ одинаковой скоростью, но что двигаясь по циклоидѣ, верхніе слои движутся медленнѣе, нежели нижніе. Отсюда видно, что движеніе водной поверхности должно распространяться далеко въ глубину, и вліяніе колебаній должно сообщаться тѣмъ глубже,

чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе будутъ поднятія и опусканія воды. Говоря о скорости волнъ, мы конечно не подразумѣваемъ подъ этимъ, поступательное движеніе воды вмѣстѣ съ волною, котораго, какъ мы выше видѣли, въ дѣйствительности вовсе нѣтъ, но только скорость, съ которою распространяется по океану вздыманіе волнъ, постоянно измѣняющее свое мѣсто, и только отъ дѣйствія вѣтра дѣлающее-ся односторонно-поступательнымъ. Явленіе это находится въ зависимости отъ силы вѣтра, и происходитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ онъ сильнѣе дуетъ. Мы дѣйствительно видимъ, что движеніе волнъ происходитъ соразмѣрно съ величиною ихъ, и что съ усиленіемъ вѣтра оно значительно увеличивается. По наблюденіямъ Томсона, скорость волнъ при умѣренномъ вѣтрѣ достигаетъ 10, а при сильномъ 30 морскихъ миль (4 морскія мили = одной нѣмецкой) въ часъ. Принимая первыя волны въ 6, а вторыя въ 20 футовъ высоты получимъ:

$$6 : 10 = 20 : 33, 3 \dots$$

Таково отношеніе высоты волны къ скорости ея движенія; отношеніе это, при обыкновенныхъ условіяхъ, довольно равномернo, и было бы пропорціонально скорости вѣтра, если бы помянутые случаи, когда волны переговоряютъ вѣтеръ, не были не подлежащими сомнѣнію фактами.

Что колебаніе волнъ должно простирается на значительную глубину, это есть необходимое слѣдствіе свойства жидкости. Когда нѣкоторое количество воды поднимается кверху, то ближайшіе слои входятъ въ образовавшуюся пустоту; опускаясь, оно вытѣсняетъ эти слои и отодвигаетъ ихъ къ окружающимъ слоямъ, которые въ свою очередь претерпѣваютъ давленіе. Движеніе сообщается всѣмъ соприкосновеннымъ частямъ, черезъ нихъ передается слѣдующимъ, и мало по малу проходятъ тѣмъ большее колебаніе воды, чѣмъ долѣ дѣйствуетъ сила производящая движеніе, и чѣмъ упорнѣе она дѣйствуетъ на воду. Такъ какъ движеніе воды ограничивается въ этомъ случаѣ только поднятіемъ и опусканіемъ, то оно должно передаваться по этому же направленію, т. е. должно все болѣе и болѣе проникать въ глубину. Трудно опредѣлить, какъ глубоко оно проникаетъ; многія изслѣдованія доказываютъ, что оно можетъ достигнуть весьма значительныхъ размѣровъ. Мы выше видѣли, что мутный цвѣтъ воды Сѣвернаго моря, происходитъ отъ иловатыхъ частицъ, поднятыхъ волненіемъ со дна моря, среднюю глубину котораго мы полагали равною 300 футамъ. Наблюденія многихъ извѣстныхъ физиковъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что волненіе не только достигаетъ, но еще да-

леко превосходить эту глубину. По остроумнымъ опытамъ, изложеннымъ братьями Веберъ, въ ихъ *Ученіи о волнахъ*, колебаніе воды простирается до глубины, равной 350 высотамъ волны, такъ что волны не выше 1 фута, могли бы привести въ движеніе всю массу воды Нѣмецкаго моря, еслибы вся его поверхность непрерывно волновалась. Но такъ какъ въ этомъ морѣ онѣ постоянно имѣютъ большую высоту, то и поднимаютъ со дна пловатыя частицы, и влекутъ ихъ кверху. Принимая законъ Вебера точнымъ, увидимъ, что волны высотой въ 4 фута, производятъ волненіе до глубины 1400 футовъ; а огромные валы въ 20 футовъ, приводятъ въ движеніе океанъ, до глубины 7,000 футовъ, т. е. почти до четвертой части всей его массы, принимая согласно съ Дж. Росселемъ глубину его въ 30,000 ф. Однако въ подтвержденіе этихъ данныхъ, мы не имѣемъ еще никакихъ изслѣдованій на океанѣ, и едвали когданибудь будемъ ихъ имѣть, потому что вода открытаго океана остается прозрачною даже послѣ сильнѣйшихъ бурь, — потому ли что волненіе не достигло дна моря, даже въ менѣ глубокихъ мѣстахъ, или потому, что оно бываетъ недостаточно сильно, для того чтобы поднять частицы пла изъ глубины до поверхности. Но для прибрежныхъ морей можно смѣло допустить, что мутный цвѣтъ воды въ нихъ, происходитъ отъ

ихъ небольшой глубины; той же самой причинѣ (какъ мы уже выше видѣли), можно частью приписать и зеленоватый оттѣнокъ волнъ.

Какъ ни разнообразны движенія волнъ, однако есть на поверхности моря явленія, которыхъ наблюденіе представляетъ путешественнику несравненно большій интересъ. Даже совершенно незнакомый съ волнами глазъ, скоро привыкаетъ къ этому ежедневно повторяющемуся зрѣлищу; нужно обладать наблюдательностью выше обыкновенной, чтобы съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривать волны моря, глазомъ наблюдателя, и находить различія въ этомъ кажущемся однообразіи. Путешественникъ скоро убѣждается, что хотя волны бесконечно-разнообразны, но въ сущности волна всегда остается волною, то есть приподнятымъ водянымъ слоемъ, и только Между-тѣмъ постороннія плавающія въ морѣ тѣла, измѣняются безпрестанно; каждый день, даже каждый часъ, проходятъ мимо корабля повія существа, и часто число ихъ бываетъ такъ велико, что не знаешь, на которомъ изъ нихъ остановить свое вниманіе. Всѣ эти существа, такъ же какъ и на материкѣ, принадлежатъ къ органическимъ существамъ, это *животныя* или *растенія*, для которыхъ отчизна — океанъ, и они живутъ и движутся въ немъ, такъ же легко и удобно, какъ и обитатели материка на сушѣ.

На морѣ пріятнѣе встрѣчаться съ живыми существами нежели на сушѣ, потому-что здѣсь предметы не такъ опредѣленно и вѣрно представляются глазу наблюдателя, и кромѣ того появленіе ихъ неожиданно, и болѣе зависитъ отъ случая. Отправляясь въ лѣсъ, мы знаемъ, что увидимъ тамъ деревья, и входимъ въ него безъ всякаго особеннаго настроенія, потому-что видъ большей части деревьевъ, давно уже извѣстенъ намъ. Только особенно красивыя или огромныя изъ нихъ, могутъ поразить насъ. Напротивъ того, отправляясь въ море, мы хотя и знаемъ, что оно населено китами, черепаками, летающими рыбами, акулами, раками, медузами и множествомъ другихъ морскихъ животныхъ, но намъ еще не извѣстно, какія изъ этихъ различныхъ животныхъ попадутся намъ. Какъ знать, можетъ-быть мы будемъ такъ несчастны, что не увидимъ именно самыхъ любопытныхъ, даже самыхъ обыкновенныхъ изъ нихъ. Я могу пожаловаться на подобное несчастье. Втеченіи моего 139-ти дневнаго пребыванія на океанѣ я не встрѣтилъ ни одной акулы, ни одной исполинской черепахи. Поэтому появленіе большаго морскаго животнаго, производитъ какую-то неожиданную радость, которая общается всему экипажу корабля. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за движеніями жи-

вотнаго, и при приближеніи его къ кораблю, готовятъ снаряды чтобы овладѣть имъ, и тѣмъ доставить себѣ пользу или удовольствіе.

Я не имѣю въ виду входить здѣсь въ подробное описаніе всѣхъ морскихъ животныхъ, населяющихъ океанъ, и развлекающихъ путешественника своимъ появленіемъ, а остановлюсь только на тѣхъ изъ нихъ, которыхъ появленіе довольно обыкновенно. Въ описаніи моемъ я послѣдую естественному порядку, поэтому начну съ животныхъ и потомъ перейду къ растеніямъ, придающимъ океану оживленный, разнообразный видъ.

Изъ числа *млекопитающихъ* въ открытомъ океанѣ можно встрѣтить только китообразныхъ животныхъ, *китовъ* (Cetacea), потому-что моржи, тюлени и подобныя имъ животныя, встрѣчаются только близъ береговъ. Во время моей поѣздки я нѣсколько разъ видѣлъ *дельфиновъ* и большихъ, неуклюжихъ *косатокъ*, а однажды подъ вечеръ показался даже китъ, но скрылся такъ скоро, что я не успѣлъ разсмотрѣть его. Движенія его, на сколько мнѣ извѣстно, подобны вообще движеніямъ дельфиновъ, и только медленность его, составляетъ главное различіе между нимъ и проворными, быстрыми дельфинами. Въ первый разъ мы увидѣли дельфиновъ на сѣверномъ предѣлѣ тропическаго пояса, при умѣренномъ

вѣтрѣ и пріятномъ солнечномъ днѣ. Они показались поутру между 9 и 10 часами, и были видны уже въ значительной дали, потому-что постоянно поодиночкѣ выскакивали изъ воды. Они плыли по тому же направленію, по которому и мы, и вскорѣ догнали насъ. Увидавши судно, вся толпа быстро приплыла къ нему, собралась передъ носомъ корабля и съ минутоу рѣзвилась на волнахъ, прыгая одинъ черезъ другаго. Матросы наши живо схватили острогу; одинъ изъ силачей сталъ на носу, и трижды бросалъ острогу, но къ-сожалѣнію напрасно. Послѣ третьяго раза, вся толпа оставила корабль и поплыла далѣе. Я имѣлъ достаточно времени изучить общій видъ животныхъ. Длина ихъ была отъ 4 до 5 футовъ; рыло длинно, заострено, какъ у настоящихъ дельфиновъ; брюхо бѣлое, прочее тѣло темно-сѣраго цвѣта и оба цвѣта не были рѣзко разграничены. Дельфины показываются на океанѣ только при умѣренномъ вѣтрѣ, и избѣгаютъ совершенно спокойной поверхности; они плаваютъ какъ' по вѣтру, такъ и противъ вѣтра, но приближаются къ судамъ тогда только, когда они идутъ по одному направленію съ ними; мимо корабля, идущаго имъ навстрѣчу они быстро проходятъ. Въ стадѣ бываетъ обыкновенно отъ 20—30 дельфиновъ, плаваютъ они въ безпорядкѣ и довольно тѣсно. Нѣкоторые изъ нихъ, фыркающая, высовываются изъ во-

ды, потомъ снова быстро погружаются на нѣсколько секундъ, при чемъ дѣлаются видны ихъ спинные плавники. Нѣкоторые выскакиваютъ изъ воды всѣмъ тѣломъ, и, совершенно вытянувшись, прыгаютъ на 8—10 футовъ, причемъ постоянно производятъ движенія хвостомъ вверхъ и внизъ. Нѣмецкіе матросы называютъ дельфиновъ не настоящимъ ихъ именемъ, но *вертунами* или *морскими свиньями*, смотря по тому, настоящіе ли это дельфины или (*Delphinus phocaепа*). Послѣднихъ можно видѣть въ Сѣверномъ морѣ, и даже въ устьѣ Везера или Эльбы. Тамъ я имѣлъ случай долго наблюдать это животное около нашего корабля. Это былъ первый живой китъ, котораго я видѣлъ, и поэтому появленіе его было для меня не только любопытно, но и въ высшей степени поучительно, потому-что здѣсь я изучилъ особенности его движеній. Животное это въ своихъ движеніяхъ гораздо медленнѣе настоящаго дельфина, и по этому гораздо удобнѣе для наблюденія. Оно высовывается изъ воды сначала макушкой, и, сильно фыркающая, вбираетъ себѣ въ ноздри воздухъ; потомъ перегибается головой книзу, свертывается, такъ что изъ воды поднимаются въ изогнутомъ положеніи шея, спина съ высокимъ плавникомъ и наконецъ хвостъ; широкій же хвостовой плавникъ и грудные плавники остаются невидимы. Появленіе его повторилось въ промежуткахъ

отъ 3—4 минутъ. Поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что путь его есть поднимающаяся и опускающаяся линія волны, и что оно всякій разъ поднимается изъ воды для того, чтобы запастись воздухомъ. При этомъ ему существенно помогаетъ горизонтальное положеніе хвостоваго плавника. Настоящія рыбы, дышашія жабрами и не нуждающіяся въ періодическомъ поднятіи на поверхность, плаваютъ посредствомъ горизонтально извивающагося, волнистаго движенія хвоста, причемъ отвѣсное положеніе хвостоваго, плавника для нихъ столь же необходимо, какъ китамъ горизонтальное. Впослѣдствіи, близъ экватора, я встрѣтилъ 7 большихъ касатокъ (*Delphinus globiceps*), которые шли намъ на встрѣчу и медленно проплыли мимо корабля, не обращая на насъ вниманія. Они подвигались совершенно такъ же, какъ *Delphinus phocaena*, и показались намъ въ трехъ различныхъ положеніяхъ. Сначала изъ воды показывалась спина съ высокимъ плавникомъ, потомъ животное медленно поднимало голову, сильно фыркая, вбирало въ себя воздухъ и тотчасъ исчезало подъ водой; по истеченіи извѣстнаго времени оно снова появлялось такимъ же образомъ. Слѣдовательно движеніе этихъ дельфиновъ совершенно подобно плаванію *Delphinus phocaena*, только оно происходитъ медленнѣе и сопровождается меньшимъ изгибомъ тѣла,

тогда какъ подобное движеніе у настоящихъ дельфиновъ, происходитъ гораздо быстрѣе, и поэтому не можетъ быть такъ хорошо рассмотрѣно въ частностяхъ.

Морскія птицы гораздо менѣе способствуютъ оживленію океана, нежели *морскія животныя*. Птицы показываются вообще довольно рѣдко, и держатся постоянно въ большомъ отдаленіи отъ корабля. Я говорю здѣсь конечно только о птицахъ открытаго океана, а не о многочисленныхъ веренищахъ мартишекъ (морскихъ ласточекъ), чаекъ, морскихъ утокъ, морскихъ вороновъ и гагаръ, замѣчаемыхъ близъ береговъ. Это хотя и морскія птицы, но онѣ никогда не попадаютъ въ открытомъ океанѣ. Тамъ можно разсчитывать встрѣтить только птицу *буревѣстника* (*Procellaria*); а съ приближеніемъ къ Америкѣ встрѣчаются *тропическія птицы* (*Phaeton*) и далѣе къ югу *фрегатыя птицы* (*Tachypetes*). Но собственно на океанѣ онѣ появляются только какъ исключенія, хотя и попадаютъ въ разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ береговъ. Между ними фазтонъ, замѣтный по своимъ двумъ длиннымъ, краснымъ перьямъ на хвостѣ и появляющійся вдали отъ берега, считается предвѣстникомъ твердой земли. Такъ былъ онъ принятъ и *Колумбомъ* при открытіи Новаго Свѣта.

Довольно часто является на океанѣ, маленькій черныи буревѣстникъ съ бѣлымъ задомъ (Thalassidroma), сопровождающій путешественника при спокойномъ морѣ и доставляющій ему большое развлеченіе. Онъ величиной съ ласточку, и по своимъ длиннымъ острымъ крыльямъ, называется моряками также ласточкой. Движенія его во многихъ отношеніяхъ любопытны и замѣчательны. При волнующемся морѣ онъ летитъ близъ самыхъ волнъ, ловко избѣгая ихъ, и постоянно ловитъ на поверхности маленькихъ морскихъ животныхъ. Такимъ образомъ эти птицы по одиночкѣ сопровождаютъ корабль въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Но гораздо болѣе удовольствія доставляютъ талассидромы, при спокойномъ почти зеркально-гладкомъ океанѣ, когда они собираются въ числѣ 20 — 30 сзади корабля, и ловятъ маленькихъ животныхъ въ кильватерѣ. При этомъ они стоятъ на водѣ, поддерживаемые своими длинными пальцами, соединенными плавательной перепонкой, и для поддержанія своего равновѣсія на зыбкой поверхности, постоянно взмахиваютъ крыльями. По временамъ они пробѣгаютъ небольшое пространство, подпрыгивая какъ пѣвчія птицы, гоняются за плавающими маленькими животными, и порою дерутся за хорошую добычу, совершенно такъ же какъ дерутся зимою на дворѣ воробьи. Такимъ образомъ они держатся на волнахъ океана,

близъ корабля, по цѣлымъ днямъ, слѣдуя своимъ движеніями за игрою плоскихъ валовъ. Мы пробовали поймать нѣкоторыхъ изъ нихъ, надѣвая на тонкія удочки небольшие куски сала и прикрѣпляя шнуръ къ деревяннымъ поплавкамъ такъ, чтобы сало плавало на морѣ. Птицы скоро приближались, съ видимою жадностью поглядывали на сало, но не рѣшались дотронуться до него. Матросы объясняли нерѣшительность ихъ тѣмъ, что куски были слишкомъ велики; имъ нѣсколько разъ удавалось ловить ласточекъ такимъ способомъ.

Другой буревѣстникъ побольше, коричневаго цвѣта, съ черными крыльями и желтоватымъ брюшкомъ, часто появлялся около корабля, во время плаванія нашего между Мадерой и Рио-де-Жанейро, но никогда не приближался на такое разстояніе, на которомъ можно было бы точнѣе разсмотрѣть его. Хотя эти птицы показываются во множествѣ, веревками въ 50 — 100 штукъ, подъ вечеръ, при спокойномъ морѣ, когда онѣ долго играютъ и летаютъ на одномъ мѣстѣ, но никогда не приближаются на разстояніе выстрѣла. Съ приближеніемъ корабля, онѣ отодвигаются назадъ и держатся постоянно въ порядочномъ разстояніи. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ и приближаются къ кораблю, но тотчасъ же поднимаются высоко надъ верхушками мачтъ и осторожно

держатся вѣ выстрѣла. Мнѣ не удалось застрѣлить ни одной изъ нихъ.

Появленіе морскихъ птицъ мало возбуждаетъ вниманіе путешественника уже потому, что онъ скоро убѣждается въ невозможности овладѣть ими. Но что въ высшей степени поражаетъ наблюдателя, это появленіе птицъ живущихъ на сушѣ, которыя иногда опускаются на корабль. А. ф. Гумбольдтъ упоминаетъ объ одной обыкновенной ласточкѣ (*Hirundo rustica*), которая посѣтила ихъ корабль въ 40 миляхъ отъ Мадеры*) и приводитъ другіе подобныя примѣры. Я былъ счастливѣе въ этомъ случаѣ; на наше судно опустились семь континентальныхъ птицъ, и всѣ въ значительномъ разстояніи отъ берега. Первая былъ маленькій камышникъ (въ родѣ *Sylvia Phragmitis*), который посѣтилъ насъ на высотѣ Бонависта, одного изъ острововъ Зеленаго мыса. Мы были въ 20 миляхъ отъ берега и передъ тѣмъ не было бури, которая могла бы занести эту маленькую птичку. Тѣмъ не менѣе она была весьма утомлена своею путешественіемъ, позволила легко поймать себя, и оставалась цѣлый день на корабль. На другое утро мы её уже не видали, и только спустя долгое время нашли изуродованное тѣло ея подъ бревнами, лежавшими на палубѣ. Два дня спустя, когда мы были въ 50 миляхъ

отъ острова, и въ 80-ти отъ африканскаго материка, насъ посѣтили двѣ ласточки; онѣ ловили мухъ, летавшихъ по палубѣ, и пропали къ вечеру, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своего посѣщенія. Вѣроятно онѣ возвратились на сушу. Черезъ нѣсколько дней, когда мы еще болѣе удалились отъ земли, надъ кораблемъ показалась подъ вечеръ хищная птица, которая наконецъ рѣшилась опуститься. Я попросилъ матросовъ не трогать ее, и она продолжала сидѣть, не обращая на насъ никакого вниманія. Когда начало темнѣть, одинъ изъ матросовъ подкрался и ловко схватилъ незнакомца. Это былъ филинъ (*Strixotus Linn.*), совершенно подобный европейскому. Онъ казался весьма смиреннымъ и жилъ еще нѣсколько дней на корабль, но потомъ околѣлъ, такъ какъ у насъ не было для него свѣжаго мяса. Пробовали давать ему куски ветчины, но онъ ихъ не ѣлъ. Кромѣ этихъ четырехъ птицъ, во время плаванія въ сѣверной части Атлантическаго океана, прилетали еще два обыкновенныхъ полевыхъ жаворонка (*Alauda campestris*), но въ такое время, когда я чувствовалъ себя очень дурно, и не могъ заняться ими. Они остались на корабль, спрятались подъ балки, и потомъ найдены были мертвыми. Очевидно это была парочка странниковъ, сбившихся съ пути на осеннемъ перелетѣ (въ октябрѣ) къ теплomu югу. Маленькій же

*) Reise in die Aequinoctialgegenden des neuen Continents, I, 112.

камышникъ и бонавистскія ласточки, хотя и перелетныя птицы, однакоже судя по мѣсту, гдѣ мы ихъ встрѣтили, не могли быть сочтены заблудившимся, на пути птицами. На обратномъ пути, вечеромъ, когда мы прошли между утесами Рокка (Rocca) и Фернандо Норунга (Fernando Noronha), на марсъ съѣла *сырая мартышка*, чтобы отдохнуть у насъ въ продолженіи ночи; мы дали ей заснуть и въ темнотѣ схватили ее. Это весьма глупая птица, которая часто далеко улетаетъ отъ берега, и прилетаетъ отдыхать на корабли. Матросы знаютъ ее, и увѣряютъ, что это единственная изъ морскихъ птицъ, которая садится на суда. Никогда не видали они фазтона, который бы съѣлъ на корабль, хотя птица эта встрѣчается довольно часто на морѣ.

Земноводныхъ нѣтъ въ открытомъ океанѣ. Большая *морскія черепахи* хотя и встрѣчаются въ 25—30 миляхъ разстоянія отъ берега, но далѣе въ морѣ онѣ не попадаются. Кораблю, на которомъ я возвращался, удалось во время перваго его пути, на высотѣ мыса Фріо, вдали отъ берега, видѣть двухъ морскихъ черепахъ, изъ которыхъ одна была даже поймана, но мнѣ лично этого видѣть не случилось. Баснословное чудовище, *морской змѣй*, котораго будто бы видѣли многіе капитаны кораблей, до сихъ поръ не попадалось еще ни одному достовѣрному наблюдателю. Поэтому оно должно считаться, не болѣе

какъ плодомъ фантазіи легковѣрныхъ и легкомысленныхъ наблюдателей, и должно быть оставлено нами безъ вниманія. Мы держимся только существующихъ фактовъ, и хотѣли бы сдѣлать истину привлекательною, не прибѣгая къ вымышленнымъ прикрасамъ.

Океанъ очень богатъ *рыбами*, но тотъ бы очень ошибся, кто бы полагалъ увидѣть ихъ во множествѣ во время плаванія. Обитатели моря вовсе не такой любопытный народъ, какъ лягушки, которыя періодически высовываютъ изъ воды свои головы, чтобы оглядѣться и заpastись воздухомъ. Рыбы довольствуются тѣмъ что находятъ въ глубинѣ, и весьма рѣдко показываются на поверхности. Я уже упоминалъ, что мнѣ не удалось не только поймать, но даже и видѣть *акулы*, поэтому не бывши очевидцемъ, я не имѣю возможности описать движеній и вида этого прожорливѣйшаго изъ морскихъ животныхъ. Изъ большихъ рыбъ я видѣлъ только *туницовъ* (*Thynnus vulgaris*), которыхъ моряки называютъ *дельфинами* и смѣшиваютъ съ дельфиномъ. Рыбы эти часто сопровождаютъ суда, и при скоромъ ходѣ держатся нѣсколько времени близъ корабля въ 3—4 футахъ подъ водою. Глядя сверху можно въ прозрачной водѣ видѣть быстрыя колебанія ихъ хвоста, но болѣе ничего. Другой довольно обыкновенный спутникъ кораблей — *лоцманъ* (*Naucrates ductor*), ма-

ленькая какъ серебро блестящая рыба, отъ 6 до 10 дюймовъ длиною, со множествомъ шипихъ, почти стального цвѣта, поперечныхъ полосъ. Ею почти постоянно можно встрѣтить въ кильватерѣ, подъ кормой корабля, гдѣ онъ появляется около руля. Онъ ищетъ себѣ здѣсь пищи, можетъ-быть маленькихъ морскихъ животныхъ, которыя пристають къ корпусу корабля; потому-что послѣдній покрывается множествомъ различныхъ *моллюсковъ* и *полиповъ*. Моряки рассказываютъ, что рыба эта ведетъ за собою акулу, и поэтому называютъ ее лоцманомъ; но я ни разу не видалъ за нею акулы.

Интереснѣе этихъ спутниковъ, никогда не оставляющихъ свою жидкую стихію, являются прыгающія или летающія рыбы океана. Еслибы появленіе ихъ не было такъ обыкновенно, то конечно оно считалось бы однимъ изъ самыхъ поразительныхъ *). Мы

*) Капитанъ нашъ рассказывалъ весьма забавную исторію про одного деревенскаго парня, который, возвратившись изъ перваго путешествія по морю, рассказывалъ родителямъ о своемъ путешествіи, и на вопросы о чудесахъ, которыя онъ видѣлъ, отвѣчалъ рассказами о наядахъ, хрустальныхъ дворцахъ въ океанѣ, и тому подобными сказками, слышанными отъ старыхъ матросовъ. Исторіи эти очень понравились слушателямъ, — и оратора просили рассказать еще что нибудь. Тогда, истощивши весь свой сказочный запасъ, парень перешелъ къ разсказу о дѣйствительно видѣнныхъ имъ вещахъ, и началъ съ летающихъ рыбъ. Но при этомъ мать его остановила его разсказъ словами: „Ну, малый, довольно, молчи, ты

увидали первую летящую рыбу подъ 24° сѣв. шир. и на слѣдующій день встрѣтили уже цѣлыя толпы ихъ. Испуганныя кораблемъ, онѣ выходятъ изъ воды обыкновенно по обѣимъ сторонамъ около носа судна, и пролетаютъ пространство въ нѣсколько футовъ, рѣдко поднимаясь выше 4 и 6 футовъ надъ водою. Я часто наблюдалъ ихъ при этомъ, но не могъ замѣтить у нихъ никакого движенія въ большихъ грудныхъ плавательныхъ перьяхъ. Какъ эти перья, такъ и гораздо меньшіе брюшные плавники, были спокойно натянуты, подобно парашюту; это подтверждаетъ Кювье, хотя А. Ф. Гумбольдтъ говоритъ, «что животное во время полета бьетъ воздухъ, т. е. что оно движетъ грудными плавниками» *). Во время полета, рыба замѣтно избѣгаетъ волнъ, держась довольно близко къ ихъ поверхности, и предпочитая наиболѣе волнистыя долины, причемъ время отъ времени, погружаетъ въ воду нижнюю большую половину хвостоваго плавника. При концѣ полета, когда силы ея истощаются, она обыкновенно попадаетъ въ поднимающуюся волну, и возвращается въ море. Рѣдко можно ихъ видѣть отдѣльно; онѣ появляются

весьмъ; всему повѣрю, а ужъ летающимъ рыбамъ нѣтъ, этого не можетъ быть!»

*) Reise in die Aequinoctialgegenden d. n. Continents. I. 307 Cuvier regn. anim. II, 287.

обыкновенно толпами, въ 20, 30 и даже 100 штукъ, летятъ всё по одному направленію, вкось противъ вѣтра, и какъ кажется вслѣдствіе испуга или страха оставляютъ настоящую свою стихію. Намъ никогда не удавалось поймать днемъ ни одной рыбы, потому-что онѣ видятъ судно и отлетаютъ отъ него въ сторону; ночью же напротивъ того, онѣ иногда падаютъ на палубу. Такимъ образомъ я могъ пріобрѣсть себѣ 5 штукъ, и изслѣдовать внутреннее строеніе ихъ, которое впрочемъ и безъ того было уже достаточно изслѣдовано. А. Ф. Гумбольдтъ особенно упоминаетъ о весьма большомъ плавательномъ пузырьѣ въ ихъ внутренности, и приписываетъ легкость полета именно этому органу.

Въ тропическихъ моряхъ летающія рыбы составляютъ весьма обыкновенное, хотя и не ежедневное явленіе. Въ тихіе дни, при зеркальной поверхности моря, ихъ вовсе не видно; онѣ появляются только при высотѣ волнъ въ 3—4 фута, и при продолжительной средней силѣ вѣтра. Этотъ вѣтеръ необходимъ для движенія рыбы въ воздухѣ, потому-что не собственный полетъ, а воздухъ, дѣйствующій на ея широкіе парашюты, поддерживаетъ рыбу, когда она ударами хвоста поднимется изъ воды. Въ этомъ движеніи остается она, поддерживаемая силой вѣтра, и опускается наконецъ снова въ море, когда двигатель-

ная сила перваго толчка ослабѣваетъ. Вѣроятно давленіе вѣтра, отражаемаго отъ поверхности воды, заставляетъ летящую рыбу уклоняться отъ волны, и поддерживаетъ ее въ нѣкоторомъ равномъ разстояніи отъ воды. Я не замѣчалъ по-крайней-мѣрѣ ни малѣйшаго измѣненія въ ея положеніи и ни малѣйшаго движенія, въ то время когда она опускалась и поднималась, вмѣстѣ съ волнами. Въ Атлантическомъ океанѣ встрѣчаются два вида летающихъ рыбъ; одинъ побольше (*Echocoetus exiliens*), съ коричневой полосой надъ грудными плавниками, и брюшные плавники котораго доходятъ до порошицы; другой поменьше (*E. volitans*), съ прозрачными грудными и короткими брюшными плавниками, оканчивающимися значительно выше порошицы. Послѣдній видъ довольно обыкновененъ въ южномъ, первый въ северномъ тропическомъ поясѣ.

Въ океанѣ можно видѣть не только летающихъ рыбъ, но даже прыгающихъ и пляшущихъ. Еще не достигнувши тропическаго пояса, можно видѣть большую рыбу, въ 1½—2 фута длиною, съ довольно длиннымъ и узкимъ тѣломъ, которая совершенно вертикально выскакиваетъ изъ воды, перевортывается въ воздухѣ, и головой впередъ отвѣсно падаетъ въ море. Это извѣстный всѣмъ морякамъ *бонитъ* (*Scomber relamys*), изъ группы тунцовъ, серебряно-блестящаго

цвѣта съ темно-сѣрыми спинными полосами и плавника-ми. Я не могу объяснить настоящую причину этого страннаго прыганья, но полагаю, что это ни что иное, какъ родъ развлечения, забавы, потому-что пляску бонита можно видѣть только въ свѣтлые дни, при спокойномъ морѣ и ясномъ небѣ.

Мы рассмотрѣли большую часть высшихъ или позвоночныхъ морскихъ животныхъ моря, и теперь обратимся къ низшимъ отдѣламъ животнаго царства. Представители ихъ мельче и не такъ бросаются въ глаза, но тѣмъ не менѣе существенно способствуютъ оживленію океана, и поражаютъ внимательнаго наблюдателя особенными свойствами и признаками, которые едва можно въ нихъ предполагать. Сказанное нами, преимущественно относится къ не суставчатымъ, правильно организованнымъ животнымъ изъ класса *лучистыхъ* и *полиповъ* живущихъ въ океанѣ, и весьма рѣдко встрѣчающихся въ прибрежныхъ водахъ. Напротивъ того огромный классъ *суставчатыхъ животныхъ*, отстуетъ на океанѣ совершенно на задній планъ; потому-что здѣсь не встрѣчаются тѣ виды его, которые составляютъ главное украшеніе континентальнаго міра, насѣкомыхъ, какъ то: пестрыя *бабочки*, *сверчки* и *стрекозы*, металлически блестящія *жуки*, *мухи*, *пчелы* и *муравьи*, съ которыми

мы знакомимся и свыкаемся уже съ дѣтства. Безобразные, страшные *пауки* и *скорпионы*, также избѣгаютъ океана; изъ всѣхъ суставчатыхъ животныхъ, въ немъ живутъ одни *раки*.

Хотя собственно настоящія летающія насѣкомыя не населяютъ открытаго моря, однакоже путешественникъ рѣдко бываетъ пораженъ появленіемъ ихъ отдѣльно, а иногда и цѣлыми роями, подобно континентальнымъ итицамъ. Еще лѣтъ десять тому назадъ, я получилъ отъ одного капитана гамбургскаго корабля, нѣсколько экземпляровъ саранчи (*Acridium peregrinum* Serv.), живущей въ южной и западной Африкѣ, и пойманной имъ во время плаванья, между Мадерой и Канарскими островами. Животныя эти упали цѣлыми кучами на палубу и казались весьма усталыми, хотя и не совершенно истощенными, потому-что летали еще, когда хотѣли ихъ поймать. Давно уже извѣстно, что тучи саранчи заносятся иногда въ море вѣтрами *). Капитанъ англійскаго корабля Стоксъ, замѣтилъ ихъ въ 200 миляхъ отъ Канарскихъ острововъ, слѣдовательно почти тамъ же, гдѣ и нашъ соотечественникъ; а Дарвинъ поймалъ одинъ экземпляръ, когда при умѣренномъ пассатѣ, корабль ихъ находился въ 370 морскихъ ми-

*Kirby und Spence, Einleitung in die Entomologie I, стр. 240. 246.

ляхъ отъ мыса Бланко, на африканскомъ берегу. А. Ф. Гумбольдтъ упоминаетъ о бабочкахъ, встрѣченныхъ имъ на Тихомъ океанѣ, къ западу отъ Мексиканскаго берега *). Я самъ имѣлъ случай два раза замѣтить появленіе насѣкомыхъ, во время моего путешествія. Первый случай былъ 29-го октября, когда мы находились въ 50 миляхъ къ югу отъ острововъ Зеленаго мыса. Тогда, въ одинъ день съ ласточками, къ намъ прилетѣла большая *стрекоза* испещренная голубыми пятнами; она пробыла у насъ нѣсколько часовъ, ловила мухъ, и была такъ бодра, что мнѣ не удалось ее поймать; къ вечеру она оставила корабль и болѣе не возвращалась. Второй случай былъ 21-го ноября, когда мы находились въ 20-ти миляхъ разстоянія отъ мыса Фріо. Послѣ восхода солнца на различныхъ мѣстахъ корабля оказались вечернія и ночныя бабочки, которыя спокойно успѣлись тутъ переждать дневной свѣтъ. Неумѣстная услужливость матросовъ лишила меня удовольствія поймать этихъ занимательныхъ насѣкомыхъ. Двѣ бабочки, одна большая *Cossus* (вѣроятно *C. Palmarum* Hübn.) и одна *Noctua*, хотя и были пойманы, но совершенно смяты руками; третья, хорошенькій *Sphinx*, ускользнула и сѣла на наружной части ко-

*) Reise in die Aequinoctialgegenden des neuen Continents. 1. 113.

рабельнаго корпуса, гдѣ ее нельзя было достать. Вѣроятно ночные континентальныя вѣтры занесли ночью въ море этихъ маленькихъ легкихъ насѣкомыхъ; буря потопила бы ихъ, а сами по себѣ безъ вѣтра, они не могли бы летѣть такъ далеко. Еще любопытнѣе случай, описанный Дарвиномъ; однажды вечеромъ, когда корабль ихъ находился въ 10 морскихъ миляхъ отъ бухты *St. Blas* на берегу Патагоніи, все море покрылось мириадами бабочекъ, которыя летали надъ водою; онѣ принадлежали къ виду близкому къ *Colias edusa*; ихъ сопровождали нѣкоторыя ночныя бабочки, и въ то же время на корабль залетѣла красивая *Colosoma* *). Въ другой разъ, въ 17-ти морскихъ миляхъ отъ мыса Коріента, Дарвинъ бросилъ въ море сѣть, и къ удивленію своему нашелъ въ ней множество жуковъ, между которыми были не только прѣсноводные, но и живущіе на сушѣ жуки. Онъ полагаетъ, что они были занесены въ море водами, текущими съ материка. Онъ также упоминаетъ о паукахъ, которые, летая какъ на сушѣ во время такъ называемаго бабьяго лѣта, посята надъ океаномъ и повисаютъ на снастяхъ кораблей. Мнѣ впрочемъ не случалось этого видѣть.

Ракообразныя суставчатыя животныя во множествѣ существуютъ въ океанѣ, но частью по

*) Naturwissenschaftliche Reisen, I, 180.

своей микроскопичности, частью по образу жизни, легко ускользають отъ наблюденья. Можно съ полнымъ основаніемъ принять, что большая часть свѣтляковъ открытаго океана, принадлежатъ къ ракообразнымъ группамъ, лофироподовъ или копеподовъ, и уже изъ этого вывести заключеніе объ огромномъ множествѣ раковъ въ океанѣ. Мы послѣ ближе рассмотримъ нѣкоторые виды ихъ, здѣсь же упомянемъ только, что большіе морскіе раки мало удаляются вообще отъ берега, и предпочитаютъ плоскія береговыя полосы или мели, съ ровнымъ песчанымъ или пловатымъ дномъ; поэтому въ открытомъ океанѣ они вовсе не встрѣчаются.

Почти то же самое можно сказать о *кольчаткахъ* (Annelides) и *слизняхъ* (Mollusca); весьма рѣдко можно ихъ встрѣтить въ океанѣ. Я видѣлъ здѣсь только одну кольчатку изъ группы *планарій*, а изъ слизней поймалъ близъ Асорскихъ острововъ, только *Cleodora subula*. Всѣ моллюски держатся больше въ бухтахъ, заливахъ и защищенныхъ отъ вѣтра береговыхъ полосахъ; они избѣгаютъ открытаго моря, за исключеніемъ *сальгъ* или *бифоръ*, которыя попадаются какъ отдѣльными недѣлимыми, такъ и цѣлыми семействами, соединяющимся въ видѣ цѣпи въ большія группы. Кромѣ слабого свѣта, испускаемаго нѣкоторыми

изъ нихъ, появленіе ихъ представляетъ мало общаго интереса.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ семейство *акалефъ* или *медузъ*, потому — что оно исключительно живетъ въ открытомъ морѣ. Ни одинъ путешеникъ не проѣдетъ по морю не увидавъ ихъ; во всѣхъ поясахъ и шпротахъ онѣ окружають корабль, и только атмосферическія перемѣны, буря, дождь или непогода, заставляютъ ихъ снова удаляться въ глубину моря. Уже сами по себѣ эти странныя существа возбуждаютъ вниманіе путешественника, своимъ колебиднымъ, колоколообразнымъ, грибовиднымъ, яйцевиднымъ или кругообразнымъ видомъ. Когда животныя мѣрно движутся въ прозрачной водѣ моря, или освѣщенные солнцемъ плавають по волнамъ его; то совершенно свѣтлая, прозрачная масса тѣла ихъ отлиываетъ всеми лучшими цвѣтами: кармино-краснымъ индиго-синимъ, изумрудно-зеленымъ, оранжево-желтымъ. По временамъ вниманіе наблюдателя невольно привлекается игрой этихъ животныхъ, или яркимъ свѣтомъ, который они испускають изъ себя ночью. Многіе путешественники упоминали объ удивительной пляскѣ медузъ, и объ особенномъ видѣ спокойнаго моря въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собираются эти животныя. А. фонъ-Гумбольдтъ съ ученою добросовѣстностью описываетъ

это явленіе (Reise. I, 107), и подробно упоминаетъ о различныхъ впечатлѣніяхъ, производимыхъ видомъ массы этихъ животныхъ. Я самъ наблюдалъ медузъ во многихъ мѣстахъ, но никогда не попадалъ на тѣсный ихъ рой; полагаю однакоже, что постоянное сжиманіе и разжиманіе животныхъ, посредствомъ котораго они двигаются въ водѣ, должно производить, при видѣ плавающей такимъ-образомъ толпы, весьма странное впечатлѣніе. При совершенно спокойномъ морѣ, животныя не только поднимаются на поверхность воды, но постоянно выставляютъ изъ нея половину своего тѣла, причѣмъ медленно продолжаютъ плыть впередъ. Если поймать такую медузу и посадить въ стаканъ, наполненный морской водой, то животное дѣлается беспокойнымъ, производитъ сильныя движенія, и встрѣчая всюду препятствія въ стѣнкахъ сосуда, кажется никакъ не можетъ объяснить себѣ этихъ препятствій. Наконецъ оно изнемогаетъ, покрывается своей жестокой участію, складываетъ руки и опускается на дно, неподвижно ожидая своего освобожденія. Если его при этомъ потревожить, то оно опять начинаетъ суетиться, боязливо жметса и вертится въ стаканѣ, крѣпко держится за стѣнки его одной изъ своихъ 4 или 8 рукъ, и находится какъ-бы въ помѣшательствѣ. Не долго переноситъ бѣдная медуза такое мучительное состояніе; часа черезъ

два движенія ея дѣлаются уже слабѣе. На другое утро животное умираетъ, хотя бы оно было пересажено въ большое ведро съ водой. Даже въ открытомъ морѣ замѣчалъ я въ медузахъ признаки сознанія и соображенія; явственно видѣлъ я, какъ онѣ избѣгали инструмента, которымъ я хотѣлъ поймать ихъ, и быстро опускались въ глубь моря. Извѣстно, что эти животныя имѣютъ обыкновенно восемь глазъ, чѣмъ и можно объяснить ихъ зоркость.

Впрочемъ медузы не совсѣмъ беззащитныя животныя. Многія изъ нихъ имѣютъ на тѣлѣ особенныя орудія, посредствомъ которыхъ производятъ въ постороннихъ предметахъ чувствительную боль, могущую даже имѣть вредныя послѣдствія. Этимъ свойствомъ особенно обладаютъ большія пузырчатыя медузы (Physaliæ), которыя встрѣчаются преимущественно между тропиками. На спинѣ ихъ выставляется родъ высокаго пера или гребня, который дѣйствуетъ какъ парусъ и подвигаетъ животное впередъ. Пучокъ длинныхъ нитей, или короткихъ трубокъ, опускается въ воду съ нижней стороны ихъ тѣла, имѣющаго видъ шароваго сегмента, и служитъ животному оружіемъ и вмѣстилищемъ пищи, такъ-какъ медузы не имѣютъ ни желудка, ни чего-либо подобнаго брюшнымъ внутренностямъ. На концѣ наибольшихъ трубокъ, которыя животное, будучи само не болѣе ле-

беднаго яйца, можетъ вытягивать до 8-ми футовъ длины, находятся маленькіе узлы, въ которыхъ помещаются такъ-называемые жалащіе органы. При прикосновеніи, изъ нихъ выходятъ тонкія нити, и посредствомъ маленькихъ крючечковъ цѣпляются такъ крѣпко за всѣ предметы, что часто невозможно оторвать животное, не разорвавъ его ногъ. Мнѣ хорошо было извѣстно жалащее дѣйствіе этихъ частей, поэтому я съ осторожностью обходился съ ними; но сынъ мой, котораго я не успѣлъ предупредить, неосторожно схватилъ медузу, и тотчасъ почувствовалъ сильнѣйшую боль, которая скоро распространилась до плеча, но черезъ нѣсколько часовъ постепенно исчезла. Этими жалащими органами медузы убиваютъ свою добычу, и медленно истребляютъ ее, высасывая всѣ жидкія или къ разжиженію способныя вещества. Я имѣлъ экземпляры, у которыхъ трубчатые сосательные рожки были большею частью наполнены слизью рыбъ. Слѣдовательно эти медузы не довольствуются маленькими животными, но одолеваятъ даже рыбъ, неуступающихъ имъ въ величинѣ, и превосходящихъ ихъ въ органическомъ устройствѣ. Наблюденіе этихъ большихъ плавающихъ пузырей, багряно-краснаго или темно-свѣтлаго цвѣта, особенно занимаетъ путешественника; онъ видитъ ихъ издали, когда море, довольно спокойно,

и небо ясно, — потому-что только въ такіе дни можно встрѣтить ихъ. Тогда ихъ гладкая натянутая оболочка качается на поверхности моря, и блеститъ на солнцѣ подобно алмазу. Приблизившись къ кораблю, животное быстро проходитъ мимо, и рѣдко приближается на столько, чтобы можно было поймать его.

Я могъ бы представить весьма обширное описаніе еще многихъ другихъ медузъ, еслибы считалъ необходимымъ привести здѣсь всѣ видѣнные мною виды; но я боюсь утомить моихъ читателей, слишкомъ большими подробностями. Я уже выше упоминалъ, о любопытномъ ночномъ сверканіи этихъ животныхъ. Блескъ ихъ совершенно особенный, онъ распространяетъ отъ себя только слабый свѣтъ, подобный свѣту раскаленнаго угля, между-тѣмъ какъ маленькіе свѣтляки блестятъ какъ пламя. Блескъ медузъ появляется и продолжается тогда только, когда животныя потревожены. Это свойство имѣютъ многія, хотя и не всѣ медузы; по-крайней-мѣрѣ отдѣленіе свѣта, бываетъ видимо у многихъ породъ. Когда мнѣ въ темную ночь принесли первую пойманную медузу, (это была *Pelagia cyanella*, Esch. (*P. noctiluca* Cham.)), то она мнѣ издали показалась раскаленнымъ металлическимъ шаромъ, который погасъ, когда животное было брошено въ воду.

Обратимся теперь къ другой группѣ морскихъ животныхъ, къ *полипамъ*: Это также правильно организованныя животныя, тѣло которыхъ представляетъ кубокъ, подобный бокалу шампанскаго. Оконечность тѣла около рта окружена бѣльшимъ или мѣньшимъ числомъ нитей или такъ-называемыхъ *щупальцевъ*. Животныя эти гораздо меньше медузъ и многія едва бываютъ видимы простымъ глазомъ. Они прикрѣпляются къ скаламъ или другимъ тѣламъ, и размножаются отростками или *почками*. Многіе изъ нихъ отдѣляютъ твердыя известковыя отложения, называемыя *полипниками*. Мы говорили о нихъ при описаніи земной поверхности *). Поэтому мы не станемъ теперь разсматривать ихъ, тѣмъ болѣе, что они находятся постоянно въ глубинѣ моря, и встрѣчаются на поверхности только случайно. Кромѣ-того, при разсмотрѣніи растений океана, мы и безъ того должны будемъ снова обратиться къ нимъ.

Растенія въ океанѣ?... съ любопытствомъ спросятъ читатели; какимъ же это образомъ?—Мы до сихъ поръ думали, что растенія свойственны только твердой землѣ и если существуютъ на днѣ моря, то лишь вблизи береговъ. Дѣйствительно, съ перваго взгляда это кажется страннымъ, однако есть растенія и въ откры-

*) См. статью: «Образованіе земной коры».

томъ океанѣ; они здѣсь всходятъ, цвѣтутъ и разрастаются, никогда не прикасаясь къ твердой почвѣ. Кто не слыхалъ о сказаніяхъ древнихъ Финикіянь, что море по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ имѣетъ плотный, студенистый видъ, и по этому почти недоступно для плаванія кораблей?

Въ сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ существуетъ явленіе, объясняющее это преданіе. По ту сторону Асорскихъ острововъ, подъ 15—20° къ западу отъ Ферро, поверхность моря занята необозримыми рядами пучковъ, особеннаго морскаго растенія (*Sargassum bacciferum* Agardt.) изъ семейства морскихъ водорослей, *фукуидъ*. Пучки этого растенія занимаютъ пространство 3—4°, и доходятъ къ югу до 20° с. шир., а къ сѣверу до 45° с. шир., продолжаясь здѣсь за западные Асорскіе острова. Постоянное присутствіе такихъ растеній въ этихъ частяхъ океана, приобрѣло имъ у моряковъ названіе *травянаго моря*; ученые путешественники называютъ ихъ *фукусовыми мелями*. На обратномъ пути, мы увидали первыя растенія 18-го февраля, подъ 21° къ западу отъ Ферро. Съ этого времени мы оставались въ области ихъ, до самыхъ Асорскихъ острововъ, между которыми мы проѣхали 3-го марта, не встрѣчая уже растеній. Курсъ нашъ шелъ сначала къ западу, отъ 19—21° д., и подъ 29° с. ш. поворотилъ къ востоку. По всей этой полосѣ

мы встрѣчали кусты саргассума отъ 22° до 33° с. ш.; здѣсь они кончились и море сдѣлалось снова чисто. Во время переменъ нашего курса къ востоку, вѣтеръ былъ преимущественно западный, то SW, то болѣе NW; отъ Асорскихъ острововъ онъ повернулъ къ востоку и съ-тѣхъ-поръ почти постоянно оставался намъ противнымъ. Поэтому направленіе вѣтра не могло имѣть большаго вліянія на мѣстоположеніе растеній; и описанія всѣхъ путешественниковъ показываютъ, что оно довольно постоянно *).

Фукусовыя растенія образуютъ круглыя пучки отъ $\frac{1}{2}$ —1 $\frac{1}{2}$ фута въ поперечникъ, которые иногда соединяются въ широкія массы, въ 10—12 футовъ ширины, и располагаются другъ за другомъ длинными рядами, на разстояніи 30, 50 и даже 100 футовъ. Такимъ образомъ покрываютъ они поверхность океана на нѣсколько миль, составляя полосы, которыя въ расположеніи своемъ слѣдуютъ направленію вѣтра. Отдѣльные пучки представляютъ полныя растенія, состоящія изъ одного или нѣсколькихъ маленькихъ стволовъ, соединенныхъ между собою внизу, а вверху

*) Тщательныя изслѣдованія А. фонъ-Гумбольдта (Reise 1, S. 303) и на этотъ предметъ бросили первый свѣтъ, и доказали, что кромѣ восточной главной мели существуетъ еще меньшая западная, передъ Антильскими островами, къ югу отъ Флориды, которая впрочемъ менѣе постоянна. Последней мы не имѣемъ здѣсь въ виду.

раздѣленныхъ на вѣтви, покрытыя ланцетовидными, сильно зазубренными листьями въ 1—2 дюйма длины и столько же линій ширины. Листья выходятъ изъ стебля по одиночкѣ и расширяются весьма равномерно. Изъ старыхъ вѣтвей вырастаютъ иногда отпрыски, имѣющіе видъ круглыхъ пузырьковъ, сидящихъ на ножкѣ въ $\frac{1}{2}$ дюйма длины; величиною они съ мелкой горохъ, сидятъ во множествѣ между листьями, на своихъ короткихъ стебляхъ. На вершинѣ растенія ихъ не бываетъ, видны только маленькія промежуточныя почки; на нижней части ствола они опадаютъ, оставляя только свои стебельки. Корней растенія эти вовсе не имѣютъ; стволъ ихъ оканчивается внизу простымъ гладкимъ остриемъ. Маленькія растенія образуютъ простой стволы, у большихъ растеній 3 и до 5-ти стволовъ соединяются внизу въ маленькій пучокъ. Последній стоитъ всегда въ водѣ прямо; вѣтви его поднимаются косо и распространяются въ видѣ лучей; листья также не плаваютъ на поверхности, а стоятъ подъ нею наклонно, такъ-что выдаются только вершины растеній. Когда такимъ-образомъ нѣсколько стволовъ соединяются въ одинъ кустъ, то онъ образуетъ въ водѣ воронку. Такія воронки, съ выдающимися изъ воды краями, видны тысячами на океанѣ; онѣ располагаются длинными рядами съ различными промежутками, или

плотно соединяясь, образуютъ мѣстами большія фукусовыя поля. Цвѣтъ ихъ свѣтло-коричневый, какъ цвѣтъ свѣжей кожи, съ легкимъ зеленымъ или желтымъ оттѣнкомъ; вѣрнѣе можно было бы назвать его свѣтло-желто-коричневымъ.

Относительно происхожденія этихъ растеній, встрѣчаемыхъ впродолженіи цѣлаго года постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ океана, существуютъ различныя мнѣнія, но не извѣстно еще ничего вѣрнаго. Большая часть естествоиспытателей, и между ними А. ф. Гумбольдтъ, принимаютъ, что они растутъ на подводныхъ скалахъ, отъ которыхъ отрываются и уносятся постоянными теченіями, пока не достигнутъ области спокойнаго моря, гдѣ и остаются. Несмотря на самыя тщательныя изслѣдованія, я однакоже никогда не могъ найти на нижнемъ концѣ этихъ растеній никакихъ слѣдовъ разрыва, и поэтому почти готовъ раздѣлить мнѣніе Гарднера, что растенія эти прозябаютъ, плавая въ морѣ и, слѣдовательно, произошли тамъ же, гдѣ находятся. Общее впечатлѣніе, производимое ими, весьма различна величина ихъ, при одинаковомъ основномъ видѣ, также противорѣчатъ мнѣнію. Однакоже не должно упускать изъ виду, что всѣ безчисленныя, плавающія въ океанѣ растенія *безплодны*. Это противорѣчитъ происхожденію ихъ въ самомъ океанѣ. И такъ приходится

принять, что они произошли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ (полагаютъ на берегахъ Нью-Фаундлэнда) и принесены постояннымъ морскимъ теченіемъ, въ спокойное мѣсто океана.

Плавающія растенія эти образуютъ растительное царство открытаго океана. Это его растительный нарядъ, который былъ уже извѣстенъ древнимъ Финикіянамъ, плававшимъ за Геркулесовы столбы. Недоступнымъ для плаванія море конечно никогда не было. Если и бывають случаи, что въ иныхъ мѣстахъ, покрытыхъ переплетенными и спутанными между собою растеніями, суда встрѣчаютъ нѣкоторыя препятствія, то все-таки вязкая, неподвижная поверхность моря есть ни что иное, какъ изобрѣтеніе хвастливыхъ мореплавателей. Небылица эта въ основаніи своемъ такъ же нелѣпа, какъ и всѣ прочія выдумки которыя долго пользовались вѣроятностью, и еще досихъ поръ кое-гдѣ находятъ себѣ защитниковъ.

Область фукусовыхъ растеній представляетъ кроме того богатое поле для зоологическихъ изслѣдованій; она заключаетъ въ себѣ множество животныхъ, весьма разнообразныхъ по внутреннему ихъ устройству. Я долго собиралъ этихъ животныхъ, и набралъ постепенно изъ фукусовыхъ пучковъ, до 25-ти различныхъ видовъ. Здѣсь не мѣсто подробно описывать ихъ, поэтому я упомяну только о группахъ, къ кото-

рымъ принадлежатъ они, и о мѣстахъ занимаемыхъ ими на растеніяхъ. Прежде всего нужно упомянуть о *полипахъ*, количество которыхъ въ плавающихъ растеніяхъ по истинѣ изумительно. Въ зоологическомъ отношеніи они являются здѣсь въ двухъ различныхъ группахъ, частью въ видѣ *бриозой* (Bryozoa) или моховиковъ, частью въ видѣ *антозой* (Anthozoa) или цвѣточныхъ животныхъ. Изъ первыхъ, семейство *флюстринъ* поражаетъ своимъ множествомъ; они образуютъ маленькія, продолговато-шестистороннія клѣточки, которыя своими шестью плоскостями прикасаются къ шести же смежнымъ клѣточкамъ, тѣсно соединяются съ ними и расширяются въ сѣтчатыя ткани. Онѣ или облекаютъ постороннія тѣла, или образуютъ на нихъ кусты. Флюстра совершенно облекаетъ густой известковой сѣтью нижній-конецъ стебля фукуса, листья глубже стоящіе въ водѣ и большіе пузырьки, такъ-что всѣ эти части заключаются въ твердой корѣ, черезъ которую просвѣчиваютъ только своимъ темнымъ цвѣтомъ. На молодыхъ или маленькихъ растеніяхъ они не встрѣчаются; на всѣхъ старыхъ напротивъ того являются во множествѣ. Изъ всего растенія, только самый нижній конецъ стебля остается отъ нихъ свободнымъ. Безчисленное множество этихъ маленькихъ животныхъ рѣшительно превосходитъ всякое воображеніе. Я насчи-

талъ на поверхности одного пузырька болѣе 400 клѣточекъ и на одномъ растеніи 20 такихъ совершенно обтянутыхъ пузырями. Это даетъ уже 8,000 педѣлимыхъ на однихъ пузыряхъ, кромѣ того навѣрное еще болѣе сидѣло на стволахъ, листьяхъ и стебляхъ. Если растеніе состоитъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ стволовъ, то число это удвоится или утроится, такъ-что при 3-хъ стебляхъ можно навѣрно считать до 20,000 клѣточекъ только на пузыряхъ. Какъ бы велико ни казалось это число, оно есть все-таки только единица, съ которой должны мы были бы считать далѣе, чтобы опредѣлить дѣйствительное количество флюстръ, въ цѣлой фукусовой мели. Для этого нужно было бы сначала опредѣлить число растеній хоть напримѣръ одной квадратной мили. Положимъ, что ряды растеній среднимъ числомъ отстоятъ другъ отъ друга на 200 футовъ, что будетъ довольно вѣрно, и отнесемъ на каждые 10 футовъ одного ряда по одному растенію; конечно, этого очень мало, но для нашей цѣли достаточно. Тогда пришлось бы 200 рядовъ на одну милю, и въ каждомъ рядѣ 2,000 растеній, такъ-что на одну квадратную милю приходится 400,000. Эта площадь заключала бы въ себѣ 8,000 милліоновъ флюстръ только на однихъ пузыряхъ. Такъ-какъ мель по наблюденіямъ мореплавателей простирается на 25° въ длину и 3° въ ширину, то она

занимаетъ 16,875 квадратныхъ миль. Умножая эту сумму на 8,000 милліоновъ, мы получимъ приближительное число недѣлимыхъ цѣлой мели, только на однихъ пузыряхъ. Число это будетъ 135 билліоновъ.

Хотя фукусовые *автозои*, принадлежащіе къ семейству *сертуляріи*, являются на растеніяхъ въ неменьшемъ числѣ, нежели флюстры, однакожь опредѣлить количество ихъ гораздо труднѣе, потому-что они распредѣлены по растеніямъ гораздо неправильно и состоятъ изъ множества различныхъ видовъ. Эти маленькія, весьма нѣжныя животныя, имѣющія видъ тонкихъ прозрачныхъ нитей, усаженныхъ шишечками, находятся преимущественно въ верхнихъ частяхъ растеній, и распространяются по листьямъ, вѣтвямъ и пузырямъ въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ флюстры. Я сначала принялъ ихъ за волоски растенія, такъ правильно и однообразно распредѣлены они, но когда я опустилъ вѣточку въ воду, и изслѣдовалъ еѣ подъ луною, то вскорѣ увидѣлъ, что изъ шишечекъ выходили звѣздообразныя полипы, со множествомъ лучей вокругъ рта. Наибольше выдавалась изъ нихъ *Sampanularia*, вѣроятно *Sampan. dichotoma*; потомъ слѣдовала *Certularia*, подобная *Cert. indivisa* Meyen. Кроме того замѣтилъ я также полипа, описаннаго Мейеномъ подъ названіемъ *Ascorchordium album* *), который есть ни что иное, какъ

*) Beiträge zur Zoologie. Reise um die Erde., III T., стр. 289. табл. 38, фиг. VIII.

незрѣлый младенческій видъ, *Cilicularia gracilis*. Стебельчатыя полипыя клѣточки сидятъ на зеленыхъ отпрыскахъ, которые плотно лежатъ на листьяхъ растеній.

Такъ-какъ *медузы* и большая часть *лучистыхъ животныхъ* постоянно находятся въ движеніи, плавающая или ползая по дну моря, то фукусовая мель не можетъ служить мѣстомъ собранія ихъ; животныя эти вовсе не встрѣчаются на кустахъ фукусовыхъ растеній.

Моллюски встрѣчаются на растеніяхъ рѣдко; на нѣкоторыхъ экземплярахъ я замѣтилъ густыя студенистыя массы маленькой *асцидии*, покрывавшей нижніе концы стеблей, и кромѣ того видѣлъ маленькую голую *улитку*, ползавшую по флюстрамъ, и кажется глодавшую выдававшихся изъ клѣточекъ полиповъ. Такъ-какъ весьма многія флюстриновыя клѣточки были пусты, то я приписываю это этой маленькой улиткѣ, истребившей ихъ обитателей.

Необыкновенное множество *ракообразныхъ животныхъ* (*Crustacea*) встрѣчается на всѣхъ фукусовыхъ растеніяхъ. На всякомъ кустѣ средней величины мнѣ всегда попадалось штуки двѣ *Palaemon natator*, M. Edw. (*P. fucorum* Fabr.). Это маленькое, красивое и весьма проворное животное, отличается прекрасными голубыми или бѣлыми узорами, по желтовато-бурому

полю, расположенными то въ видѣ полосъ, то въ видѣ крапшнокъ. Сравнительно рѣже попадается другой ракъ, по всей вѣроятности *Sesagina sinerea*. Несмотря на свою малую величину, это животное очень прожорливо, и часто нападаетъ на бойкахъ палеановъ. Красивѣйшимъ и наибольшимъ изъ раковъ встрѣчающихся въ травяной мели, можно назвать *Lupea hastata*, Fabr. (*L. diacantha*, M. Edw.), брахиура съ широкими задними плавниками, который, несмотря на свою тяжелую скорлупу, можетъ весьма искусно плавать. Такъ-какъ животное это имѣетъ около 2-хъ дюймовъ ширины и болѣе 1 дюйма длины, то уже издали могъ разсмотрѣть его, когда оно отдыхало на вершинахъ наибольшихъ фукусовыхъ группъ. Скорлупа животного снизу бѣлаго цвѣта, сверху желтовато-коричневаго съ бѣленькими крапинками, по которымъ легко отличить животное, отъ коричневыхъ листьевъ фукуса. Несмотря на мою осторожность, ракъ этотъ вѣроятно замѣтилъ мой ловительный инструментъ; онъ быстро погрузился внизъ и исчезъ изъ виду прежде, чѣмъ я приготовился поймать его. Изъ 20 — 25 видѣнныхъ мною недѣлимыхъ, я поймалъ только 5.

Всѣ упомянутые до сихъ поръ раки принадлежать къ группѣ *декаподовъ*, которая отличается особенной многочисленностью видовъ въ тропическихъ моряхъ;

вмѣстѣ съ ними встрѣтилъ я на фукусѣ только одного *копепода* и одного *амфипода*. Первый былъ извѣстный *Pontica atlantica*, пидгигово-синій ракъ, длиною въ 2 лини; втораго я не изслѣдовалъ; онъ былъ грязно-кармино-краснаго цвѣта и длиною едва въ 2 лини.

Вотъ зоологическая жатва, собранная мною на травяномъ полѣ океана. Не упоминая о множествѣ маленькихъ видовъ, описаніе которыхъ требуетъ особенной подробности, я въ болѣе части случаевъ, касаясь только тѣхъ сторонъ организаціи или жизни животныхъ, которыя могутъ быть понятны и любопытны наибольшему кругу читателей. Подъ вліяніемъ множества новыхъ предметовъ, съ которыми я познакомился въ мое двукратное плаваніе по океану, мое вниманіе находилось въ постоянномъ напряженіи, которое только изрѣдка, во время штиля, смѣнялось скукой и утомленіемъ. Я видѣлъ, какъ поучительна жизнь океана, если путешественникъ сумѣетъ вникнуть въ нее, и считалъ обязанностью познакомить читателей съ своими впечатлѣніями, желая побудить и другихъ къ изученію и наблюденію. Имѣя въ виду вѣрно передавать мои впечатлѣнія, я избѣгалъ въ моемъ описаніи всякихъ пышныхъ украшеній, не вдавался въ искусственный энтузіазмъ, котораго въ дѣйствительности вовсе не испытывалъ, и поэтому не

говориль объ волнахъ, которыя, подобно горамаъ, съ шумомъ и свистомъ, со всѣхъ сторонъ наступаютъ на корабль, и грозятъ опрокинуть его въ бездонную пропасть; не разсуждалъ о зловѣщихъ молніяхъ, освѣщающихъ горизонтъ, сопровождаемыхъ потрясающими звуками грома, паводящими страхъ и уныніе на мореплавателей — потому-что такія явленія составляютъ исключенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не обуславливаютъ естественнаго характера океана, и бѣльшей части путешественниковъ, остаются вовсе неизвѣстными. Я бы желалъ, чтобы описаніе мое убѣдило читателя, что хотя море въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и страшно, но вовсе не такъ, какъ обыкновенно думаютъ, и что въ тѣхъ счастливыхъ странахъ земли, гдѣ физическія явленія смѣняются одно за другимъ въ правильной послѣдовательности, и океанъ носитъ на себѣ отпечатокъ мирнаго характера, отличающаго тропическія страны отъ областей, подверженныхъ измѣнчивымъ атмосферическимъ явленіямъ.

III.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

«Познай самаго себя», такъ было написано на вратахъ дельфійскаго святилища. Здравый умъ греческаго народа давно уже поиялъ, что на познаніи самаго себя, основывается чувство самосознанія, дѣлающее человѣка внутренно свободнымъ, и достойнымъ пріобрѣтенія и удержанія за собою свободы внѣшней. Великій естествоиспытатель новаго времени, столь же остроумный какъ и проникательный, превосходившій всѣхъ своихъ ученыхъ современниковъ, въ ясности взгляда и вѣрности пониманія взаимныхъ отличій естественныхъ тѣлъ, нашъ общій учитель, Липней, пріялъ это изреченіе пифія, за главное отличіе человѣчества; потому-что въ немъ заключалось нѣмое признаніе способности человѣка къ саморазсмотрѣнію и самопознанію, отличающей его

отъ всѣхъ прочихъ существъ. Эта способность, от-казанная животнымъ, должна принадлежать чело-вѣку, выражать его особенное, чисто-человѣческое преимущество. *Nosce te ipsum*, говорило опредѣленіе, характеризовавшее во всѣхъ изданіяхъ *Systema naturae*, тотъ особенный *Species Animalium*, который называется *Homo sapiens*.

Призывъ къ самопознанію, съ которымъ отецъ нашей науки, въ ея настоящемъ видѣ, обращается къ естествоиспытателю, описывающему характеристику челоѣка, ограничивается на первый разъ только внѣшностью. Линней взываетъ къ своимъ собратьямъ по наукѣ: разсматривайте самихъ себя діагностическими взорами, и вы найдете, чѣмъ вы сами и все челоѣчество физически отличаетесь отъ животныхъ. Но такое простое различіе еще не достаточно. Наука ищетъ всесторонняго изслѣдованія существа и точнаго опредѣленія отношеній, въ которыхъ оно находится къ ближайшимъ подобнымъ ему видамъ. Разсматривая внѣшній видъ челоѣка съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, что онъ отличается отъ другихъ, подобныхъ ему, существъ, не абсолютно, а только относительно. Свойства челоѣческаго рода, отдѣльно взятая, встрѣчаются въ томъ же видѣ и у другихъ существъ; характеристическая особенность его заключается только въ особенныхъ видоизмѣненіяхъ

частей цѣлаго, и въ соединеніи этихъ различныхъ свойствъ въ одно цѣлое. Окенъ выразилъ это весьма удачно немногими словами, сказавъ: «по частямъ челоѣкъ подобенъ всякой твари; въ цѣломъ же только себѣ, природѣ и Богу!»

Мы не будемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе особенностей челоѣческаго тѣла. Въ одной изъ нашихъ статей *) мы представили подробное разсмотрѣніе одной изъ этихъ частей, и притомъ самой характеристической, именно *человѣческой ноги*. Изъ нея можно заключить, какой обширный объемъ должно имѣть всестороннее изслѣдованіе всей челоѣческой формы. Такое изслѣдованіе дѣлается тѣмъ интереснѣе для естествоиспытателя, чѣмъ сильнѣе многосторонность впечатлѣній, произведенныхъ на него различными челоѣческими формами, и чѣмъ болѣе эти изслѣдованія удовлетворяютъ вопросамъ прежнихъ ученыхъ статей. Въ время 14-ти-мѣсячнаго путешествія моего по Бразиліи, я видѣлъ ежедневно вокругъ себя, самыя разнообразныя челоѣческія формы; постоянно втеченіи всего этого времени, разсматривалъ я ихъ испытующимъ глазомъ естествоиспытателя, и вывелъ тѣ неизмѣнные результаты, которые намѣренъ изложить здѣсь, въ сравнитель-

*) См. статью: «Человѣческая нога, какъ характеристика челоѣчества».

номъ опытѣ характеристикъ, черной и бѣлой расы. Я постараюсь доказать, что цвѣтной человѣкъ, удаляясь отъ художественнаго идеала, болѣе нежели Европеецъ, хотя и не перестаетъ въ сущности быть человекомъ, но съ этимъ удаленіемъ получаетъ особыя свойства, которыя, какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, ставятъ его ниже бѣлой расы. Несмотря на то, мы однакоже не можемъ допустить, чтобы такое различіе оправдывало рабство, хотя глубоко вкоренившіеся въ обществѣ предрасудки и понятія, поставили господство сильнаго надъ слабымъ на степень кажущейся естественности. Пока свобода отдѣльныхъ лицъ и народовъ, будетъ зависетьъ лишь отъ силы и умѣнья ее защитить, до тѣхъ поръ положеніе вещей не измѣнится, несмотря на всѣ старанія филантроновъ. Только тогда, когда человечество возвысится до чувства уваженія личности человѣка, только потому что онъ человѣкъ, — рабство можетъ исчезнуть съ лица земли.

Ни въ одной странѣ земли, ни даже въ Африкѣ, нельзя наблюдать черную расу съ болѣшимъ удобствомъ и легкостью, чѣмъ въ Бразиліи; потому-что нигдѣ нѣтъ такого смѣшенія самыхъ различныхъ ея типовъ, какъ въ этой части американскаго материка. Въ Африкѣ путешественникъ видитъ только тотъ типъ негровъ, среди котораго онъ живетъ; при даль-

нѣйшемъ путешествіи, переходя медленно отъ одного чернаго народа къ другому, онъ долженъ обладать особенной наблюдательностью, чтобы подмѣтить національныя различія, въ общемъ одинаковомъ типѣ племени. Въ Бразиліи это дѣлается само собою. Здѣсь вниманіе путешественника поражается не столько общимъ видомъ негра, сколько необыкновеннымъ разнообразіемъ черныхъ фizioномій; онъ всюду надѣется встрѣтить, давно извѣстное черное лицо, съ его рѣзкими чертами, и приходитъ въ изумленіе, отъ необыкновеннаго разнообразія лицъ. Это сначала приводитъ его въ заблужденіе; онъ начинаетъ думать, что видитъ передъ собою не чистое, а выродившееся племя, пока наконецъ неоднократнымъ наблюденіемъ не дойдетъ до убѣжденія, что каждая особенная негритянская фizioномія, составляетъ особенное национальное видоизмѣненіе, отличающееся не только въ физическомъ отношеніи, но и согласующееся съ болѣе глубокими, духовными различіями племенъ. Тогда ему дѣлается ясно, что Африка заключаетъ въ себѣ столько же различныхъ коренныхъ племенъ, какъ и Азія, но что эти различія потому менѣе замѣтны для глаза, что въ Африкѣ онъ гораздо слабѣе нежели въ Азіи; причина этого заключается вѣроятно въ разнообразіи самой почвы Азіи и вышнихъ ея очертаній,

свойственныхъ странѣ, бывшей колыбелью рода чело-
вѣческаго.

Изслѣдованіе наше мало соотвѣтствовало бы своей
цѣли, если бы мы прямо начали съ разсмотрѣнія на-
ціональныхъ отличій черной расы, не ознакомившись
съ общими чертами ея. Сравненіе этой цѣлой расы съ
европейскимъ типомъ, едва ли было бы достаточно,
еслибы мы вдались въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ от-
личій и упустили общія черты. Поэтому желающихъ
ближе ознакомиться съ національными отличіями
различныхъ черныхъ племенъ, я отсылаю къ *Живо-
писному путешествію по Бразиліи, Ругенда* (Rugen-
das, malerische Reise in Brasilien), гдѣ съ образцовой
точностью и вѣрностью, воспроизведены типы раз-
личныхъ черныхъ племенъ. Здѣсь мы займемся толь-
ко общимъ описаніемъ негра, и обратимъ особенное
вниманіе на существенныя отличія физическаго у-
стройства его.

Уже самый бѣглый взглядъ замѣчаетъ въ на-
ружномъ видѣ негра, особенность его расы, рѣзко вы-
ражающуюся какъ въ относительныхъ размѣрахъ
частей тѣла, такъ и въ черномъ цвѣтѣ кожи и въ
мелко курчавыхъ, жесткихъ волосахъ. Весьма зна-
чительная длина рукъ негра, составляетъ особенное
его отличіе, которое замѣтно съ перваго взгляда. Но
не только въ одномъ этомъ заключается его особен-

ность; весьма короткое туловище и длинныя ноги,
также не мало способствуютъ отличію его отъ евро-
пейца. Для вѣрнѣйшаго опредѣленія этихъ очевид-
ныхъ признаковъ, я измѣрялъ нѣсколько лицъ обоого
пола, и могу доказать цифрами справедливость выше-
изложеннаго замѣчанія, но для удобнѣйшаго срав-
ненія считаю нужнымъ предпослать нѣсколько дан-
ныхъ, объ относительныхъ размѣрахъ частей чело-
вѣческаго тѣла вообще.

Признакомъ правильно организованной женской фи-
гуры, принимается длина ступни, составляющая *одну
седьмую* часть всей длины тѣла; при этомъ однакоже
нужно замѣтить, что нога низшихъ, рабочихъ сосло-
вій нѣсколько превосходитъ эту нормальную мѣру.
Мужская нога относительно больше *); увеличен-
ная въ $6\frac{1}{2}$ разъ, она даетъ мѣру всего роста,
но и здѣсь узкая обувь высшихъ сословій, нѣсколько
ограничиваетъ ея величину, и вслѣдствіе этого про-
изводитъ отношеніе, приближающееся къ женскому.
Въ остальномъ, мужчина и женщина различаются меж-
ду собою тѣмъ, что рука женщины отъ плеча до ки-
сти относительно длиннѣе, нога ея отъ бедра до ступ-

*) По Витрувій (Vitruv) въ древности мужская ступня прини-
малась въ одну шестую, а женская въ одну восьмую всей длины
тѣла; первое отношеніе служило основаніемъ колоннъ *дорическаго*,
второе *ионическаго* ордена.

ни относительно короче, нежели соответствующія части мужщины. Принимая нормальный женскій ростъ въ 63 дюйма, что конечно нѣсколько много для большей части женщинъ, получимъ для руки 29 дюймовъ, для ноги до лодыжки 31 дюймъ, для ступни 9 дюймовъ; у мужчины, при средней высотѣ 66 дюймовъ, рука составляетъ 30 дюймовъ, нога до лодыжки 34 дюйма, ступня 10 дюймовъ.

Измѣренныя мною негритянки, не достигали нормальной женской мѣры, 63-хъ дюймовъ, за исключеніемъ одной, считавшейся особенно высокой. Большая часть ихъ достигала 60 и 61 дюймовъ, что и можетъ быть принято средней величиной ихъ роста. Женщины ниже 60 дюймовъ кажутся малы, выше 61 высоки. У всѣхъ, даже у не достигавшихъ 60 дюймовъ, длина ступни была болѣе 9 дюймовъ; при ростѣ выше 60 дюймовъ, длина ступни была обыкновенно $9\frac{1}{2}$ дюймовъ, ниже 60 дюймовъ $9\frac{1}{4}$ дюймовъ. Нога отъ бедра до ступни была болѣе 31 дюйма, и слѣдовательно была длиннѣе ноги высокыхъ европейскихъ женщинъ, хотя измѣренныя мною негритянки далеко не достигали нормального роста хорошо сложенной европейской женщины. Напротивъ того, рука негритянокъ достигала средней длины 29 дюймовъ и болѣе; однажды даже $29\frac{1}{4}$, хотя ростъ былъ только $60\frac{1}{3}$ дюймовъ. Изъ этого ясно видно,

что руки негритянокъ относительно длиннѣе, нежели руки европейской женщины, и что нога ихъ также превосходить въ длинѣ европейскую, и слѣдовательно принимаетъ нѣкоторый мужескій типъ. Измѣряя части руки я нашелъ, что рука негритянки относительно короче, а кисть руки длиннѣе, нежели у европейской женщины. *Shadow* (Schadow) въ своемъ *Полклетъ*, даетъ для 3 отдѣловъ руки отношенія 13, 10 и 6; кисть руки низшихъ классовъ у насъ обыкновенно бываетъ больше; мнѣ кажется, что числа 12, 8 и 9, вѣрнѣе выражаютъ среднее отношеніе; мои негритянки всѣ имѣли 12, 10, 7. Въ ногѣ высокой женщины, бедренная кость отъ вертлуга на бедрѣ до колѣннаго сгиба вѣснчательно, имѣетъ 17 дюймовъ, голень отъ колѣна до лодыжки болѣе 15-ти дюймовъ; у негритянокъ я нашелъ для бедренной кости также 17 дюймовъ, для голени $15\frac{2}{3}$, такъ что женская нога черной расы, въ дѣйствительности только немного длиннѣе ноги бѣлой. Тѣмъ не менѣе негритянки все-таки кажутся коротконогими, по причинѣ необыкновенно плоской, сплюснутой ступни. У европейской женщины съ правильно организованной ступней, лодыжка поднимается отъ полу на $2\frac{1}{3}$ — $2\frac{1}{2}$ дюйма, у негритянки только на $1\frac{2}{3}$ — $1\frac{1}{2}$ дюйма, и эта плоская ступня уравниваетъ относительно большую длину бедра и голени.

При измѣреніи мужскихъ индивидуумовъ я получилъ результатъ, совершенно сходный съ вышеприведеннымъ. Вообще негры кажутся ниже европейцевъ, хотя и между ними попадаются люди весьма высокаго роста. Средній ростъ негровъ ниже 66 дюймовъ, онъ колеблется между 64 и 65. У одного негра, который показался мнѣ наиболѣе нормально сложеннымъ, ростъ простирался до 65 дюймовъ. Рука его имѣла въ длину 30 дюймовъ, а нога — $33\frac{3}{4}$ дюйма. Если принять во вниманіе, что субъектъ мой былъ ниже нормальнаго роста, то нога его была длиннѣе, чѣмъ ей слѣдовало быть. Въ отдѣльныхъ подраздѣленіяхъ оказываются тѣ же отношенія, какъ и у негрятянокъ; нормальное отношеніе, плеча, предплечія и кисти руки у мужчины, $12\frac{1}{2}$, $10\frac{1}{2}$ и 7; измѣренный мною негръ далъ $11\frac{4}{5}$, $9\frac{3}{5}$, $7\frac{1}{2}$, т. е. кисть руки гораздо длиннѣе, нежели у европейца, плечо и предплечіе короче, и сокращеніе относится болѣе къ плечу, совершенно такъ же, какъ у женщинъ. Отношеніе бедренной кости съ колѣннымъ сгибомъ, къ голени въ ногѣ того же негра, было 18 и $16\frac{3}{4}$, между-тѣмъ какъ нормальная мѣра европейца $17\frac{2}{3}$ и $16\frac{1}{3}$, т. е. у европейца различіе доходитъ до $1\frac{1}{3}$, у негра же только до $1\frac{1}{4}$, хотя вся нога послѣдняго нѣсколько длиннѣе. Это можетъ происходить только отъ относительно бѣльшей длины голени; бедренная кость негра, не-

смотря на большую длину, остается относительно короче европейской. Все сказанное мною о ступнѣ негрятянокъ, относится вполнѣ и къ неграмъ; ступня негра имѣетъ совершенно плоскій видъ, безъ малѣйшей выпуклости, она широка и похожа на лопату.

Прежде нежели перейдемъ къ дальнѣйшему, сравнительному разсмотрѣнію полученныхъ результатовъ остановимся нѣсколько времени на ближайшемъ разсмотрѣніи ступни негра; потому-что только её можно видѣть въ наготѣ, такъ какъ всѣ негры Бразиліи ходятъ одѣтыми. Только при тяжелой работѣ, невольникъ снимаетъ съ себя рубашку, и довольствуется одними штанами. Женщинъ весьма рѣдко можно видѣть въ такомъ туалетѣ; онѣ почти никогда не снимаютъ рубашки, и при всѣхъ движеніяхъ своихъ умѣютъ такъ искусно носить её, что не будучи застегнута на-глухо, рубашка однакоже закрываетъ грудь и спину. Поэтому для ближайшаго изслѣдованія тѣла негрятянокъ, нужно видѣть ихъ раздѣтыми, а на такую просьбу я не могъ рѣшиться, потому-что истинная цѣль моя едва ли была бы оцѣнена. Впрочемъ я нѣсколько разъ заставлялъ негрятянокъ купаться, и видѣлъ женщинъ во время мытья бѣлья, на рѣкѣ, съ высоко приподнятыми подолами, такъ что общая форма ноги, руки и шеи, весьма хорошо знакома мнѣ.

Ступня негра производитъ весьма непріятное впечатлѣніе. Совершенно плоскій видъ ея, широкая, кзяду выдающаяся, низкая пятка, плоскій наружный боковой край, толстый жирный наростъ на внутреннемъ краѣ, распяленные пальцы, все въ ней некрасиво. Только миниатюрность пальцевъ, можетъ ввести незнаतोка въ заблужденіе, на счетъ красоты ноги. Въ-особенности большой палецъ меньше нашего, кромѣ того у нихъ гораздо болѣе замѣтно, что второй палецъ величиною превосходитъ первый. Въ этомъ уже замѣчается животный характеръ, потому что именно особенная величина большого пальца, есть настоящій признакъ человѣческой ноги; въ ногѣ же негра, тонкость пераго пальца составляетъ приближеніе къ обезьянѣ. Положеніе этого пальца, отдѣленнаго отъ втораго большимъ промежуткомъ, поддерживаетъ это сходство. Но всѣ эти условія, которыя бросаются въ глаза только знатоку, могутъ гораздо легче ускользнуть отъ наблюденія, нежели плоскость ноги съ приплюснутой, совершенно ровной частью, пачинающей за пальцами, которая производитъ непріятное впечатлѣніе, находясь какъ-бы въ прямомъ противорѣчій съ красивыми пальцами. Одна сѣверо-американская народная пѣсня, описывающая особенности негра, весьма мѣтко выражается, говоря о немъ, что своей ногой онъ продавлиываетъ дыру въ

землѣ *). Злѣе и насмѣшливѣе нельзя было выразить безобразіе этой особенности. Дѣйствительно, вся тяжесть тѣла негра лежитъ именно на томъ мѣстѣ, которое у европейца наиболѣе приподнято и способствуетъ, какъ легкости походки, такъ и красотѣ ноги. Высокіе каблуки нашихъ сапоговъ, имѣютъ цѣлію облегчить походку, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ногу красивѣе. Каблукъ есть средство къ возвышенію красоты человѣческой ноги, и поэтому онъ является столь давно и повсемѣстно распространеннымъ средствомъ, и столь древнимъ въ исторіи обуви. Негръ совершенно лишенъ этого преимущества; у него нѣтъ такого выгнутого слѣда; слѣдъ его совершенно прямой,—глубочайшая часть его, какъ справедливо показываетъ народная пѣсня, находится въ срединѣ, тамъ гдѣ европейская нога вовсе не прикасается къ землѣ.

Безобразіе ступни негра еще болѣе возвышается обувью. Въ Бразиліи невольникъ не имѣетъ права носить сапоги; всѣ невольники ходятъ босыми, поэтому свободный негръ дорожитъ обувью, доказывающею его самостоятельность. Трудно представить себѣ что-нибудь безобразнѣе ступни негра, въ бѣлыхъ чулкахъ и красивыхъ башмакахъ; это рѣшитель-

*) The hollow of his foot
Make a hole in the ground.

но невыносимо. Во-первыхъ, бѣлый чулокъ придаетъ ногѣ рѣзкое очертаніе; очеркъ ноги въ бѣломъ чулкѣ дѣлается опредѣленнѣе, болѣе отдѣляется отъ темной почвы, чѣмъ при голой ногѣ. Башмакъ стѣсняетъ негра, а потому онъ ходитъ дома обыкновенно босикомъ или надѣваетъ весьма низкія туфли. Если же онъ надѣваетъ башмакъ, то послѣдній долженъ быть широкъ; онъ не обхватываетъ ногу, а только виситъ на ней и значительно увеличиваетъ ея естественную величину. Я зналъ одну хорошо сложенную негритянку, которая постоянно являлась въ самомъ современномъ туалетѣ; она носила только яркіе атласные башмаки, — высшее щегольство бразиліанки; но какъ только входила она въ комнату, сейчасъ же снимала ихъ и сгибала задки, потому-что находила невыносимымъ давленіе башмаковъ, и цѣпила ихъ не какъ обувь, а только какъ щегольство. Чулокъ принадлежитъ въ Бразиліи къ предметамъ высшей роскоши, поэтому его можно видѣть на ногѣ негра гораздо рѣже, нежели башмакъ. Башмакъ надѣтый на босую ногу, и плотно прилегающій къ ней, менѣе безобразитъ ее; онъ даже нѣсколько улучшаетъ ногу негра, сдавливая пальцы и жирный наростъ, и возвышая пятку, такъ что башмаки на голыхъ ногахъ негра, постоянно производятъ болѣе сносное впечатлѣніе, нежели чулки. Чрезвычайно красивыя ноги мулатокъ

получаютъ отъ хорошо сшитыхъ башмаковъ нѣчто необыкновенно привлекательное, усиливающее общую соблазнительность этихъ женщинъ. Нога ихъ конечно рѣдко бываетъ красивою, потому-что въ этомъ смѣшанномъ племени преобладаетъ плоское образованіе ноги, особенный видъ носа и губъ, характеризующихъ фizioномію негра.

Отъ ступни кверху, непривлекательность негра не только не уменьшается, но еще увеличивается, потому-что тощія ноги, безъ икры, имѣютъ конечно отвратительный, непріятный видъ, а такова нога негра, и въ-особенности негритянки. Если смотрѣть на голень спереди, то узкое и сухое сложеніе ея особенно замѣтно; икры обозначаются весьма слабо, и не отдѣляются такъ рѣзко, какъ у европейца; нога кажется какъ-бы сдавленною съ боковъ. Часть ея отъ икры до пятки также весьма худа; вся нога кажется деревянной, почти безъ всякихъ мускуловъ, жесткой, потому-что подъ кожей нѣтъ должной округлости, и она кажется натянутой на ровную плоскость. У большихъ и стройнѣе сложенныхъ негровъ, этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ, и производитъ весьма непріятное впечатлѣніе. Слуга мой, котораго я временно нанималъ, былъ очень небольшого роста и довольно плотнаго сложенія, потому нога его казалась круглѣе, но кухарка того дома, въ которомъ я

жилъ, проходя по двору, или занимаясь въ домѣ мытьемъ, ежедневно показывала мнѣ свои непріятныя тощія члены. Видя передъ собою черныя ноги, обнаженныя до колѣнъ, сжатыя съ боковъ, и неимѣющія никакой округлости, я невольно вспоминалъ обезьянъ, и чѣмъ болѣе всматривался, тѣмъ болѣе убѣждался въ этомъ сходствѣ, потому-что и въ бедренной части видѣлъ то же отсутствіе полноты, которая должна быть ей свойственна. Всѣ эти недостатки тѣмъ болѣе бросаются въ глаза, чѣмъ выше ростъ негра, потому-что нога его, будучи относительно длиннѣе европейской, особенно возрастаетъ въ непропорціональности. Въ длинной ногѣ женщины выражается что-то мужское, кажущееся какъ-бы принадлежностью негритянокъ; все существо ихъ поражаетъ недостаткомъ пѣжности, женственности и чувствительности. Негритянка кажется наглою, между-тѣмъ какъ въ сущности она вовсе не такова; весьма многія изъ нихъ дѣйствительнѣе и строже соблюдаютъ цѣломудріе, нежели многія бѣлыя и большая часть мулатокъ; страхъ, въ которомъ ихъ держатъ, сильно развиваетъ въ нихъ чувство стыдливости.

Рука и грудь негра вообще мясистѣе ноги, потому-что постоянная тяжелая работа много способствуетъ развитію мускуловъ и рѣдко позволяетъ неграмъ полнѣть. Худоба негровъ зависитъ впрочемъ болѣе отъ

дурной пищи, нежели отъ недостатка расположенія къ полнотѣ. Во время моего прибыванія въ Рио, тамъ показывалась за деньги одна весьма толстая креолка, а въ домѣ, гдѣ я жилъ нѣкоторое время, находилась кормилица рѣдкой полноты; но все это исключенія, которыя попадаются очень рѣдко. Вообще рука женщинъ болѣе худа, нежели мужская, не только потому, что онѣ исполняютъ болѣе легкую работу, но и потому, что въ женскомъ тѣлѣ мускулы вообще слабѣе, а образование жира сильнѣе. Именно поэтому рука негритянки имѣетъ въ себѣ что-то непріятное; короткое плечо и длинная кисть руки тѣмъ болѣе бросаются въ глаза, что руку служанокъ приходится болѣею частью видѣть въ согнутомъ положеніи, во время прислуживанія, отчего длинная кисть руки дѣлается болѣе замѣтною. Я никогда не упускалъ случая наблюдать ихъ пальцы, когда негритянки подавали мнѣ стаканъ воды, чашку кофе или подносъ съ фруктами, и первое время постоянно удивлялся ихъ необыкновенно красивымъ ногтямъ, на длинныхъ, узкихъ пальцахъ. Кисть руки ихъ хотя и длиннѣе европейской, однако не кажется велика, потому-что ширина ея не увеличивается въ той же пропорціи; ладонь не широка и каждый палецъ красиво утончается къ концу. Широкіе ногти рѣдкость на рукъ негра. Всѣ негры имѣютъ узкіе, кпереди

нѣсколько расширяющіеся, изящные, выпуклые и на концѣ красиво закругленные ногти. Они тѣмъ болѣе замѣтны, что свѣтлый цвѣтъ ихъ рѣзко отдѣляется отъ прочаго тѣла, не только на рукахъ, но и на ногахъ; они ярко выдаются на темномъ фонѣ своимъ нѣжно-розовымъ цвѣтомъ и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе наблюдателя. Но хотя ногти и хороши сами по себѣ, однакожь видъ ихъ на черной рукѣ нельзя назвать пріятнымъ; черная рука при свѣтлыхъ ногтяхъ казалась мнѣ грязною, но я скоро убѣдился, что она именно тѣмъ чище, чѣмъ опредѣленнѣе различіе между ногтемъ и пальцемъ. Послѣдній однакожь сильно черенъ только сверху, бока его свѣтлѣютъ по мѣрѣ приближенія къ ладони, которая довольно свѣтла и иногда совершенно такая же мясисто-розовая, какъ ладонь европейца. Ладонь негрятянки равно напоминаетъ руку привыкшей къ работѣ европейской женщины, снаружи же вся рука и половина пальцевъ до ногтя совершенно черны. То же самое можно сказать и о ногѣ; пятка, подошва, бока и низъ пальцевъ красноваты, но кажутся темнѣе руки, потому что отсутствіе обуви чрезвычайно утолщаетъ кожу, и лишаетъ ее прозрачности. Постоянно обутыя ноги негра, были бы вѣроятно на подошвѣ такъ же свѣтлы, какъ и наши.

Въ длинной рукѣ черной расы, заключается глав-

ная причина того безобразія, которое тяготѣетъ надъ нею. Эта длинная рука придаетъ движениямъ негра такую же неловкость, неповоротливость, какъ и неуклюжая, тяжелая походка, зависящая отъ плоскаго устройства ноги. Негръ инстинктивно сознаетъ этотъ недостатокъ своихъ рукъ, и поэтому постоянно старается скрыть длину ихъ. Никогда не стоитъ онъ передъ своимъ господиномъ съ опущенными руками, какъ солдатъ передъ офицеромъ; если онъ ничего не несетъ и вообще ничѣмъ не занятъ, то онъ обыкновенно скрещиваетъ руки на груди. Такое положеніе, которое показалось бы унасъ дерзкимъ со стороны слуги къ господину, и принимаетъ каждый черный невольникъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, когда онъ становится во время обѣда за стуломъ господина или гостей его. Это производитъ на европейца весьма странное впечатлѣніе, въ-особенности если не одинъ, не два, а цѣлый рядъ негровъ выстраивается въ такомъ видѣ за обѣденнымъ столомъ. Я сначала считалъ это дѣйствительно за дерзость, за внутреннее сдерживаемое негодованіе, которое какъ-будто дѣйствительно проглядывало на мрачныхъ черныхъ лицахъ невольниковъ, но впоследствии убѣдился, что это есть ничто иное какъ инстинктивное стараніе скрыть сколько возможно отъ наблюденія безобразіе длинныхъ, болтающихся, рукъ.

Мы прослѣдили особенную форму устройства руки и ноги негра, и дошли до результата, что та и другая относительно длиннѣ европейской, и что это увеличиваніе выражается не въ удлинненіи верхняго члена (плеча до локтя и бедренной части), но преимущественно въ длинѣ какъ (средняго предплечія отъ локтя до кисти и голени), такъ и нижняго члена (кисти руки и ступни). Мы видѣли далѣе, что съ удлинненіемъ этихъ частей соединена большая худоба, твердые мускулы бедренной части и голени, и совершенное отсутствіе выпуклости въ подъемѣ ступни. Всѣ эти отличія негра отъ европейца составляютъ ни что иное, какъ приближеніе къ типу обезьянъ, какъ это сейчасъ будетъ показано.

Обезьяны отличаются отъ человѣка, между прочимъ относительно длиннѣйшими руками и короткими ногами. Рука наиболѣе человѣкоподобной обезьяны, *орангъ-утанга* длиннѣе ноги; у прочихъ отношеніе измѣняется нѣсколько болѣе въ пользу ноги, у *гibbonовъ* рука одинаковой длины съ ногой, у *семнопитекусовъ* нога длиннѣе, у прочихъ это отношеніе хотя и болѣе приближается къ человѣческому, но никогда не достигаетъ его вполне. Обыкновенно бедренная часть обезьянъ нѣсколько длиннѣе верхней части руки плеча; у *чimpanзе* обѣ эти части имѣютъ почти одинаковую длину, у *орангъ-утанговъ* и *шб-*

бонновъ бедро короче верхней части руки. Такъ-какъ у негра различіе между длиною руки и ноги, меньше нежели у европейца, то этимъ типъ его и приближается къ типу обезьянъ. Это приближеніе дѣлается еще очевиднѣе при сравненіи отдѣльныхъ членовъ между собою. У наиболѣе человѣкоподобныхъ обезьянъ плечевая кость имѣетъ почти одинаковую длину съ предплечіемъ, или только незначительно превосходитъ его; примѣръ тому мы видимъ у *орангъ-утанга*, *гibbonа*, *павіана*, *ревуна*; у прочихъ обезьянъ, напр. у *мартышекъ*, предплечіе постоянно длиннѣе плеча. Въ ногѣ замѣчается то же самое, т. е. бедренная кость равна голени; у *орангъ-утанговъ*, *гibbonовъ*, *павіановъ* и *ревуновъ* бедро никогда не бываетъ длиннѣе голени, между-тѣмъ какъ у *мартышекъ* оно замѣтно короче ея. Изъ этого мы видимъ, что относительное сокращеніе плеча есть болѣе животная принадлежность, нежели сокращеніе бедренной части, и что по этому рука негра рѣшительно приближается къ типу обезьянъ. Я не буду говорить здѣсь о длинныхъ кистяхъ рукъ, съ узкими тонкими пальцами, и о совершенно плоскихъ ступняхъ; я могу указать только на то, что уже было сказано мною по этому предмету въ статьѣ о человѣческой ногѣ. Кто наблюдалъ когда-нибудь въ звѣринцѣ руку обезьяны, тотъ вѣроятно замѣтилъ ея тонкіе пальцы, съ узкими

длинными ногтями, пусть вспомнить онъ также отвратительную плоскую заднюю руку ея и тогда онъ скоро убѣдится въ сходствѣ ея съ ногою негра. Недостатокъ выпуклости, подошва, всею плоскостью своею прикасающаяся къ землѣ, маленькій отдѣленный большой палецъ составляютъ такіе же полные признаки обезьянъ, какъ голень, лишенная икръ и сдавленная, заостренная бедренная кость.

Переходя къ другимъ частямъ тѣла негра, мы можемъ сократить наше описаніе, потому что все существенное въ этомъ отношеніи неоднократно было уже замѣчено и описано прежними изслѣдователями. Уже Зёммерингъ *) доказалъ, что устройство черепа негра напоминаетъ обезьяну. Онъ показалъ, что мозговая полость черной расы меньше, а лицо, носовая полость и полость рта больше, нежели у европейца. Этотъ точный анатомъ и остроумный наблюдатель, справедливо придаетъ большое значеніе, сплюснутому виду носовыхъ костей негра, и не выдающемуся, а закругленному нижнему костяному краю носоваго отверстия; у всѣхъ обезьянъ замѣчается этотъ недостатокъ заостренія края, необходимой опоры правильного носа. Нигдѣ не увидите вы въ такой степени

*) Ueber die körperliche Verschiedenheit des Neger's vom Europäer. Frankfurt a. M. 1785. 8.

выдающихся зубовъ, какъ у черной расы; прибавьте къ этому узкую, заостренную кверху, голову, низкій лобъ и плоскій затылокъ. Зёммерингъ упоминаетъ и объ этомъ обстоятельствѣ и говорить, что затылочное углубленіе негра лежитъ гораздо ниже, нежели у европейца; я полагаю однакожь, что выдающійся затылокъ послѣдняго, производитъ кажущееся, выше лежащее положеніе этого углубленія. Въ сильныхъ затылочныхъ мускулахъ негровъ, я замѣчалъ нѣкоторое сходство, съ такимъ же развитіемъ этой части, въ статуѣ Геркулеса Фарнезскаго, и влѣдствіе этого, относительно толстую шею; въ дѣйствительности же не столько развитіе мускуловъ, сколько короткій задъ головы, служить причиной этого сходства. Кромѣ того обыкновенная привычка черныхъ, носить на головѣ всѣ тяжести, усиливаетъ мышечное развитіе затылка.

Утолщеніе затылка у негра замѣтно тѣмъ болѣе, что оно соединено съ укороченіемъ шеи. У всѣхъ измѣренныхъ мною черныхъ, разстояніе между вершиной головы и вершиной плеча доходило до $9\frac{1}{4}$ или $9\frac{1}{4}$ дюйма. У европейца средняго сложенія это разстояніе рѣдко бываетъ менѣе 10 дюймовъ; я находилъ его обыкновенно въ 11 дюймовъ у женщинъ, и въ 12 у мужчинъ. Изъ этого $7\frac{1}{2}$ дюймовъ у женщинъ, и $8\frac{1}{4}$ дюймовъ у мужчинъ, приходятся на голову,

остальные же $3\frac{1}{2}$ у первыхъ и $3\frac{3}{4}$ дюйма у вторыхъ, на шею съ затылкомъ; у негра же вышина головы только около 7 дюймовъ, а длина шеи едва $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ дюймовъ, что чрезвычайно мало. Зёммерингъ ничего не говоритъ объ этомъ; онъ упоминаетъ только о незначительномъ объемъ черепной полости, не касаясь шеи. Однакожь, какъ короткую шею, такъ и незначительность мозгового вмѣстителя и величину лица, можно считать приближеніемъ къ типу обезьянъ, потому-что всѣ обезьяны короткошеи. Въ короткой шеѣ негра заключается объясненіе его привычки и способности, носить всѣ тяжести на головѣ, что менѣе доступно европейцу, при его длинной и слабой шеѣ.

Маленькая голова негра находится какъ-бы въ согласованіи съ узкимъ тазомъ его. Отношенія этого органа къ прочимъ частямъ тѣла вообще весьма различны, но тѣмъ не менѣе онъ находится въ известной зависимости отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ служитъ главнѣйшею опорою всего туловища и въ особенности его внутреннихъ органовъ; вмѣстѣ съ нижними конечностями, онъ служитъ основаніемъ всѣхъ естественныхъ движеній человѣческаго тѣла, и какъ вмѣститель дѣтородныхъ органовъ, находится въ ближайшемъ отношеніи съ этими частями организма. Три вышеупомянутыя части организма послужатъ намъ впоследствии, для узнанія племенныхъ

отличій черной расы. Значительное развитіе ноги негра заставляетъ предполагать у него относительно-большій тазъ; между-тѣмъ измѣренія Зёммеринга показываютъ, что органъ этотъ у негра менѣе, нежели у европейца. Въ тазѣ человѣка особенно важенъ размѣръ поперечника, такъ-называемаго малаго таза, потому-что величина его служитъ у женщины однимъ изъ существеннѣйшихъ условій счастливыхъ и легкихъ родовъ. По этому линія эта у женщинъ гораздо болѣе, нежели у мужчинъ; у послѣднихъ прямой діаметръ спереди къ задѣ имѣетъ 4 дюйма, у женщины $4\frac{1}{4}$ дюйма, поперечный слѣва на-право, у первыхъ $4\frac{3}{4}$, у послѣднихъ 5 дюймовъ. Таковы нормальные размѣры въ европейской расѣ, но у негра діаметръ этотъ значительно сокращается; прямой имѣетъ у него только $3\frac{3}{4}$, поперечный $4\frac{1}{4}$ дюйма длины, и недостигаетъ у негритянокъ даже мужской мѣры европейца. Хотя такое сокращеніе существенно зависитъ отъ величины головы негра, которая уже съ ранней юности уступаетъ европейской, но съ другой стороны въ этомъ снова выражается сходство съ обезьяной, потому-что всѣ обезьяны имѣютъ относительно болѣе узкій тазъ, нежели человѣкъ. Эта аналогія приобрѣтаетъ еще болѣе значенія отъ замѣчанія Зёммеринга, подтвержденнаго Блуменбахомъ, что весь тазъ у негра выше, нежели у европейца, и вслѣдствіе этого

бёдра его гораздо площе. Такое устройство находится въ связи съ слабымъ развитіемъ мускуловъ бедренной части, о которомъ я говорилъ уже. Для слабыхъ, малоразвитыхъ мускуловъ достаточны меньшія плоскости прикрѣпленія; тазъ, служащій бедреннымъ мускуламъ существенною опорой, можетъ быть тѣмъ тоньше, тѣмъ изящнѣе, чѣмъ меньше мускулы выходятъ изъ него. Такимъ же образомъ и тонкая, низкая подвздошная кость должна стоять круче, чтобы представлять лучшую опору для давящихъ книзу брюшныхъ внутренностей, что бываетъ слѣдствіемъ узкой и тонкой формы всего таза. Этимъ объясняется нѣсколько раздутый, висящій животъ негровъ, о которомъ упоминаютъ всѣ путешественники, и который замѣтенъ даже при одеждѣ. Особенно поражалъ онъ меня въ совершенно голыхъ дѣтяхъ. Противное, раздутое брюхо orangъ-утанга можно видѣть на каждомъ изображеніи этого отвратительнаго животнаго; въ негрѣ черта эта особенно выказываетъ все безобразіе, или лучше сказать всю животность, физическаго устройства его.

Главнѣйшимъ органомъ, характеризующимъ достоинство человѣческаго организма, служитъ *мозгъ*, и по этому сравненіе его у различныхъ расъ, весьма важно для опредѣленія ихъ признаковъ и взаимныхъ отно-

шеній. Свойства мозга негра были тщательно изслѣдованы Зёммерингомъ, который нашелъ себѣ въ послѣдствіи преемника въ Тидеманнъ (1837). Результатъ этихъ наблюденій согласуется со всѣми нашими данными. Мозгъ негра относительно меньше европейскаго, въ-особенности передняя, наибольшая часть его, называемая *большимъ мозгомъ*. Поверхность мозга какъ у человѣка, такъ и у всѣхъ высшихъ животныхъ, имѣетъ изгибы, различающіеся по числу и величинѣ. Число этихъ изгибовъ у негра меньше, величина каждаго больше, и это обстоятельство кажется мнѣ весьма важно. Тидеманнъ опровергаетъ его, но если взглянуть на изображенія мозга негровъ, представленныя имъ же, то незначительное развитіе изгибовъ замѣтно бросается въ глаза. Зёммерингъ оставилъ безъ вниманія это важное отличіе; онъ разсматриваетъ преимущественно отношеніе мозга къ выходящимъ изъ него нервамъ, и приходитъ къ результату, что нервы негра относительно больше и толще, нежели нервы европейца. Въ связи съ этимъ находится тонкость чувствъ, какъ полагаетъ Зёммерингъ, которая свойственна многимъ дикимъ племенамъ. Но если вспомнить, что мозгъ бываетъ тѣмъ меньше, а выходящая изъ него нервная масса тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе животное удаляется отъ человѣка, по совершенству своей организаціи, то мо-

жио безъ сомнѣнія принять, что и въ устройствѣ духовнаго органа негръ имѣеть сходство съ обезьяной, неподлежащее сомнѣнію.

Я распространилъ бы это изслѣдованіе еще на нѣкоторые органы, которые до сихъ поръ остались нетронутыми, еслибы не боялся утомить моихъ читателей повтореніемъ однихъ и тѣхъ же результатовъ, или затруднить ихъ тѣми, частью не совсѣмъ деликатными предметами, къ которымъ привело бы насъ такое разсмотрѣніе. Поэтому я обращаюсь къ другой сторонѣ моего изслѣдованія, и приступаю къ описанію лица негра въ его особенностяхъ, и въ выраженіи его, какъ знака внутренней духовной жизни.

Если разсматривать правильное лицо европейца en face, или сдѣлать очеркъ его на бумагѣ, то можно замѣтить, что оно раздѣляется горизонтальными линиями на *четыре* равныя части, изъ которыхъ первую занимаетъ темя, покрытое волосами, вторую — лобъ, третью — носъ и уши, четвертую губы и подбородокъ. Въ античныхъ статуяхъ, красота которыхъ по истинѣ заслуживаетъ удивленіе, размѣры всѣхъ этихъ частей почти одинаковы; въ дѣйствительности встрѣчаются легкія измѣненія, но чѣмъ красивѣе, благороднѣе и совершеннѣе образованіе лица, тѣмъ болѣе приближаются отдѣленія его къ математическому равенству. Три четверти этой длины представляютъ

ширину лица; узкія головы такъ же не хороши, какъ и широкія; въ первыхъ выражается слабость, во вторыхъ неуклюжесть, какъ слѣдствія уклоненія отъ нормальной мѣры.

Сравнивая образованіе головы черной расы съ этимъ идеаломъ, мы приходимъ къ тому результату, что не только неравенство отдѣловъ, но и возрастаніе размѣровъ ихъ сверху книзу, составляетъ характеристическій признакъ черныхъ лицъ. Измѣренія, которыя я производилъ при помощи рисунковъ, показываютъ, что съ годами неравенство это возрастаетъ. Всѣмъ зоологамъ извѣстно большое различіе въ устройствѣ головы стараго и молодаго орангъ-утанга; оно такъ велико, что даже самъ Кювье принялъ стараго орангъ-утанга за панго. Это различіе состоитъ преимущественно въ быстромъ увеличеніи всего лица, въ особенности же челюсти, сравнительно съ полостью черепа. У молодаго орангъ-утанга объемъ черепа превосходитъ объемъ лица, у стараго же на оборотъ, потому что колоссальный рядъ зубовъ замѣняетъ мѣсто прежнихъ молочныхъ зубовъ, совершенно сходныхъ съ человѣческими. Хотя у всякаго человѣка отношеніе между полостью черепа и лицомъ измѣняется съ лѣтами, но такого значительнаго увеличенія, какъ у негра, никогда не бываетъ у европейца. Передо мной лежитъ весьма вѣрный

рисунокъ профиля негра-мальчика, въ которомъ при высотѣ всей головы отъ темени до подбородка въ 4 дюйма, высота верхней части оказывается около 9 линій, второй 1 дюймъ, третьей 13 линій и четвертой $14\frac{1}{4}$ линій. Рисунокъ сдѣланъ въ три четверти естественной величины, такъ-что дѣйствительное возростаніе размѣровъ должно быть значительнѣе, нежели показываютъ эти числа. Выразительная физиономія взрослога кафра, маска котораго хранится въ берлинскомъ анатомическомъ музеѣ, представляетъ гораздо большія различія. Я имѣю вѣрный рисунокъ этой маски въ двѣ трети настоящей величины, въ которомъ нахожу для перваго отдѣла 11 линій, для втораго 13, для третьяго 15 и для четвертаго 18 линій высоты; слѣдовательно въ дѣйствительности, при всей высотѣ головы въ $7\frac{3}{4}$ дюйма, получимъ для темянной части $15\frac{3}{4}$, для лба $19\frac{1}{2}$, для носовой части $22\frac{1}{2}$, и для челюстной 27 линій; между-тѣмъ какъ у европейца, при всей высотѣ головы въ $8\frac{1}{4}$ дюймовъ, высота каждой части можетъ быть принята въ 2 дюйма, а излишняя четверть дюйма раздѣлена между всеми четырьмя частями. Если же и бываютъ у европейцевъ измѣненія въ величинѣ этихъ отдѣловъ, то всё-таки онѣ ограничиваются только нѣсколькими линіями, и никогда почти не достигаютъ различія въ 1 дюймъ, какъ у этого кафра. Я не хо-

чу этимъ сказать, что такое значительное различіе составляетъ общее правило для черной расы; напротивъ, готовъ согласиться, что кафры обладаютъ можетъ-быть самымъ рѣзкимъ чернымъ типомъ, и по этому не могутъ служить образцомъ цѣлой расы; но если принять нормальное различіе хотя бы только въ половину этой величины, то оно все-таки будетъ значительно больше нормальнаго европейскаго; а это есть безъ сомнѣнія весьма важный и значительный результатъ физическаго различія обѣихъ расъ, который долженъ быть принятъ во вниманіе при сравненіи ихъ духовныхъ сторонъ.

На различіи четырехъ отдѣловъ головы, основывается особенное выраженіе физиономіи негра. Узкое, мало выпуклое темя, низкій, сильно покатый лобъ, короткій, большею частью плоскій, книзу весьма расширяющійся носъ, выдающіяся, но тѣмъ не менѣе только слабо приподнятыя, болѣе толстыя нежели выпуклыя губы, подавшійся назадъ низкій подбородокъ, лишенный у мужчинъ густой бороды, наконецъ узкіе глаза, чрезвычайно маленькіе, толстыя уши, въ соединеніи съ короткими, курчавыми, шерстистыми волосами и чернымъ цвѣтомъ кожи, составляютъ характеристическія особенности лица негра. Ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей его обнаруживаетъ множество національныхъ различій,

столь же свойственныхъ черной расѣ, какъ и европейскому типу. Мы коснемся здѣсь главнѣйшихъ изъ нихъ. Западныя племена негровъ изъ Гвинеи и Конго имѣютъ весьма короткіе, сильно сплюснутые, широкіе носы, чрезвычайно маленькія уши, и не толстыя, но сильно приподнятыя губы. Они вообще весьма безобразны, и представляютъ наиболѣе чистый типъ негровъ. Южныя племена, населяющія Лоанду и Бенгуэлу имѣютъ болѣе длинный носъ, съ приподнятымъ переносьемъ; они отличаются довольно высокими, закругленными губами и сильной растительностью волосъ. Нѣкоторые индивидуумы этихъ племенъ бываютъ даже довольно благообразны. Этимъ племенамъ свойственна особенная выпуклость передней части головы. На восточной сторонѣ южной Африки, вмѣсто впалаго, встрѣчается болѣе или менѣе выгнутое переносье, соединенное съ весьма толстыми, плоскими, вовсе не выпуклыми губами и большими ушными раковинами. Восточные негры вообще свѣтлѣе цвѣтомъ, нежели западные, переходятъ болѣе въ коричневый, нежели въ черный цвѣтъ, и имѣютъ болѣе узкія ноздри. Обитатели Мозамбика являются главными представителями этого племени, распространяющагося далѣе къ югу. Къ нему принадлежатъ кафры, носъ которыхъ короче и шире, но переносье сохраняетъ свой изгибъ. Короткіе, курчавые волосы

нигдѣ не претерпѣваютъ существеннаго измѣненія, такъ же какъ темно-карій зрачокъ; даже бѣлокъ въ глазахъ негровъ имѣетъ нѣсколько желтоватый оттѣнокъ. Цвѣтъ губъ никогда не бываетъ чисто-красный, но красно-коричневый; оттѣнокъ ихъ только немного отличается отъ кожи; къ внутреннимъ краямъ онѣ дѣлаются свѣтлѣе и постепенно переходятъ въ темный мясисто-красный цвѣтъ полости рта. Зубы большіе, бѣлые, блестящіе; языкъ отличается толщиной и величиной. У всѣхъ негровъ изгибъ ушныхъ завитковъ весьма рѣзокъ, особенно къ задѣ; этотъ признакъ въ строеніи уха составляетъ характеристическую черту челоуѣчества. Уши негра ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы красивыми, стѣнки ихъ слишкомъ толсты сравнительно съ величиной.

Волосъ негра при ближайшемъ изслѣдованіи представляетъ много особеннаго; это безъ сомнѣнія одна изъ самыхъ неизмѣнныхъ принадлежностей его тѣла. Общія свойства волоса не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ; онъ постоянно одинаково угольно-черенъ, одинаково блестящъ, курчавъ и толстъ, и гораздо толще европейскаго, въ особенности свѣтлаго волоса германскихъ народовъ. Кудрявость его очень мелка; каждый волосъ описываетъ рядъ круговъ, имѣющихъ въ діаметрѣ не болѣе 3—4 линій и рѣдко достигаетъ болѣе 3—4 дюймовъ длины. Тѣмъ не менѣе слой

волосъ на головѣ негра бываетъ не толще полудюйма, по причинѣ весьма густой кудреватости и взаимнаго переплетенія отдѣльныхъ волосъ. Хотя и встрѣчаются иногда индивидуумы съ болѣе длинными волосами, но это болѣею частью креолы, негры рожденные въ Америкѣ, происхожденія которыхъ положительно опредѣлить нельзя, потому что цвѣтъ кожи часто бываетъ весьма обманчивъ. Всѣ занимающіяся собою негрятяки также весьма заботятся объ удлинненіи волосъ; онѣ тщательно расчесываютъ ихъ, мажутъ масломъ, перевязываютъ, и всячески стараются устроить себѣ нѣчто въ родѣ прически; если это имъ удастся, то онѣ съ большою гордостью и видимымъ самодовольствомъ являются всюду на показъ съ своей куафюрой. Нѣкоторые свободные негры употребляютъ каждое утро по два, по три часа, чтобы придать желаемый видъ своимъ упрямымъ, непокорнымъ волосамъ. Многіе носятъ ночныя головныя повязки, чтобы сколь возможно уменьшить свою естественную кудрявость. Въ волосѣ негра особенно замѣчательнъ продолговато-эллиптическій видъ его разрѣза. Волосъ этотъ не круглый, какъ нашъ, но овальный, и по этому, при разсматриваніи его съ различныхъ сторонъ, онъ является неравномерно толстымъ, почему можетъ-быть и скручивается съ такой легкостью. Фактъ этотъ, впервые замѣченный

сколько мнѣ извѣстно, Гейзингеромъ, легко подтверждается наблюденіемъ волоса подъ сильной лупой. Скручиваніе волоса происходитъ такимъ образомъ, что широчайшія его стороны лежатъ въ плоскостяхъ круга, описываемаго волосомъ, а узкія по внѣшнему и внутреннему краю окружности.

При разсмотрѣніи тѣла негра, я не могу оставить безъ вниманія непріятнаго запаха, производимаго его испариной. Онъ не въ одинаковой степени свойственъ всѣмъ неграмъ, и соблюденіемъ чистоты можетъ быть уменьшенъ, но не уничтоженъ. Чѣмъ сильнѣе потѣеть негръ, тѣмъ явственнѣе запахъ. Конечно негры въ жаркомъ климатѣ менѣе подвержены испаринѣ нежели мы, но нельзя думать, что они вовсе не потѣютъ. Я видѣлъ невольниковъ, посившихъ большія тяжести на головѣ; они были совершенно покрыты потомъ; платье ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было насквозь проникнуто имъ. Отъ этого пота кожа негра получаетъ нѣкоторый блескъ, вообще же она имѣетъ матовый видъ, весьма нѣжна и мягка на ошупь, какъ самая нѣжная кожа европейца. Прикосновеніе ея имѣетъ нѣчто пріятное, бархатистое, чего не имѣетъ менѣе упругая кожа бѣлаго. Такому ощущенію много способствуетъ почти совершенное отсутствіе мелкихъ волосъ на поверхности кожи.

Въ заключеніе физическаго разсмотрѣнія негра дол-

жно упомянуть о цвѣтѣ его кожи,—потому—что умолчать объ этомъ, какъ о предметѣ общеизвѣстномъ, было бы не соотвѣтственно полнотѣ нашего описанія. Рѣдко можно встрѣтить негровъ цвѣта угольно-чернаго; большая часть ихъ имѣетъ нѣсколько коричневыи оттѣнокъ, въ которомъ является какъ-бы просвѣчиваніе мясно-краснаго цвѣта сквозь темную верхнюю кожу. Кожа негра имѣетъ пріятный видъ, когда красноватость дѣлается довольно замѣтной; я часто съ удовольствіемъ наблюдалъ полуобнаженные, мускулистыя, почти атлетическія формы работающихъ негровъ въ ихъ различныхъ оттѣнкахъ, и съ особенной пріятностію останавливался на красновато-темно-коричневыхъ. Этотъ цвѣтъ, наблюдаемый вблизи, при нѣжномъ бархатистомъ свойствѣ кожи, пріятно дѣйствующей на осязаніе, заключаетъ въ себѣ что-то особенно пріятное, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе естествоиспытателя. Въ этихъ фигурахъ красивыхъ негровъ ясно видна пламенная натура людей, созданныхъ для тропическаго зноя. Предполагая такую же страстность духовной стороны, я часто пробовалъ расшевелить негра. Я завязывалъ съ нимъ разговоръ; мнѣ хотѣлось изслѣдовать его тѣло, заглянуть къ нему и въ душу; но стараніе мое всякій разъ было безуспѣшно. Всегда приходилъ я къ одному результату, что духовной жизни

въ негрѣ весьма мало, и всѣ его помыслы и желанія вращаются около предметовъ, занимающихъ низшую степень въ ряду человѣческихъ понятій. Пріятный цвѣтъ кожи, тонкія руки, великолѣпные зубы или необыкновенно стройный станъ иногда невольно наводили меня на мысль, что въ этой красивой внѣшности можетъ быть встрѣтится и лучшая душа, но я разочаровывался въ моихъ идеальныхъ понятіяхъ, какъ только приступалъ къ ближайшему изслѣдованію.

Извѣстно, что кожа человѣка состоитъ изъ двухъ слоевъ: верхняго (epidermis), образующагося изъ сросшихся клѣточекъ, и нижняго (cutis) болѣе твердаго, составленнаго изъ переплетенныхъ между собою пучковъ волоконъ. Послѣдній одинаково безцвѣтенъ, какъ у негра, такъ и у европейца; причина цвѣта кожи негра заключается въ нижнихъ глубочайшихъ частяхъ эпидерма, гдѣ клѣточки тѣснѣе соединены между собою, и образуютъ такъ называемую *слизистую пятночку*. Здѣсь находится у негра множество темныхъ клѣточекъ, и онѣ-то, своей численностью и нѣсколько разнообразнымъ цвѣтомъ, обуславливаютъ цвѣтъ кожи негра. Новорожденное дитя негра весьма мало отличается отъ европейскаго, но скоро темнѣетъ и въ нѣсколько дней дѣлается уже коричневымъ. Однакожь маленькіе дѣти бываютъ обыкно-

венно свѣтлѣе родителей; темный цвѣтъ ихъ образуется постепенно, и только съ годами развивается вполне. Даже волоса груднаго ребенка не курчавы и не черны; они имѣютъ каштановый цвѣтъ и шелковистую тонкость. Съ удлинненіемъ, они дѣлаются темнѣе, толще и кудрявѣе, и наконецъ къ тому времени, когда дитя начинаетъ бѣгать, они дѣлаются совершенно шерстисты. Я вспоминалъ при этомъ пухъ птицъ, потому-что волоски цыпленка относятся къ перьямъ курицы, какъ тонкіе волосы негра-ребенка къ шерстистымъ волосамъ его матери. Еще лучше можно ихъ сравнить съ мягкимъ, коричневымъ мѣхомъ молодыхъ лисицъ, извѣстнымъ всякому охотнику, или съ почти косматою шкурою жеребятъ, совершенно отличающейся отъ покрытой твердыми волосами шкуры лошади. Маленькій негръ только тогда дѣлается чистымъ негромъ, когда начинаетъ стоять на ногахъ, т. е. когда пріобрѣтаетъ внѣшніе признаки человѣка.

Заключая этимъ обзорѣніе физической стороны негра, мы полагаемъ, что не оставили безъ вниманія ни одной изъ главнѣйшихъ частей ея. Нисколько не сомнѣваясь, и не отрицая человѣчества негра, мы должны однакожь принять за основательный научный фактъ, что въ отличіяхъ негра отъ европейца заключается сходство съ обезьяною, а слѣдовательно и съ

животными. Въ 1785 году подобный же результатъ былъ выведенъ Зѣммерингомъ. Онъ не старается умышленно возвысить духовное достоинство негровъ, но не умалчиваетъ о ихъ способностяхъ, ясно доказывающихъ ихъ право на названіе человѣка. Нѣкоторыя качества негровъ, по его мнѣнію, заслуживаютъ лучшаго обращенія со стороны бѣлой расы. Дѣйствительно, всѣ безпристрастные наблюдатели согласны съ тѣмъ, что негръ такой же человѣкъ, какъ и европеецъ, и что если право свободы и самостоятельности человѣка заключается въ способности къ самосознанію, то негръ не долженъ быть исключеніемъ. Рабство есть такое явленіе, которое можно назвать не иначе какъ злоупотребленіемъ высшаго духовнаго развитія. Если бы черная раса воспользовалась своими силами и способностями для достиженія высшаго человѣческаго развитія, то она была бы свободна отъ рабства, и даже достаточно сильна для противодѣйствія насилию европейцевъ. Но она кажется къ тому несклонною, даже въ нѣкоторой степени неспособною; она терпѣливо переноситъ свою участь, которую припяла не вызывая ее и не противопоставляя ей энергическаго сопротивленія. Многія племена и націи исчезли съ лица земли, не будучи въ состояніи, или не будучи способны противостоятъ натиску могущественнѣйшихъ народовъ;

мы не жалѣемъ исчезновенія кельтовъ, потому-что они уничтожены нами, германцами; мы равнодушно смотримъ на постепенное уничтоженіе первобытныхъ народовъ Америки, будучи единственною причиною ихъ исчезновенія; весь міръ согласенъ въ томъ, что рабство—преступленіе и зло, противъ котораго должны быть приняты мѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удивляется стремленію демократіи къ независимости, и даже членамъ нашей расы отказываетъ въ правѣ выступить на арену, высказать свои убѣжденія и свои политическія мнѣнія; повсемѣстно господствуетъ анти-гуманное начало, потому-что сила, а не право повелѣваетъ людьми.

Не желая защищать рабства, я однакожь постараюсь здѣсь объяснить его сущность и продолжительность; я пойду еще нѣсколько далѣе, и постараюсь доказать, что черной расѣ едва ли удастся когда-нибудь возвыситься самостоятельно до степени цивилизованныхъ человѣческихъ обществъ. Таковъ по-крайней-мѣрѣ результатъ моихъ наблюдений, относительно духовныхъ способностей, нравственныхъ свойствъ и потребностей черной расы, на сколько успѣлъ я ее изучить въ Бразиліи. При этомъ стоитъ вспомнить о Гаити; предоставленная здѣсь самой себѣ втеченіи цѣлаго столѣтія, окруженная цивилизаціей, достигла ли здѣсь черная раса разви-

тія; выработала ли она цвѣтущую, полезную или по-крайней-мѣрѣ хотя удовлетворительную, государственную и народную жизнь? едва ли кто-нибудь будетъ утверждать это. Но я не остановлюсь на этомъ; я хочу познакомить моихъ читателей съ духовными качествами черной расы, такъ же какъ и съ физическими, и тогда предоставить имъ отвѣтъ на вопросъ о будущности ея.

Переходя къ разсмотрѣнію духовныхъ качествъ черной расы, не будетъ лишнимъ подвести ихъ подъ различныя общія категоріи, которыя могутъ служить точками опоры, для лучшаго изслѣдованія и сравненія. Въ этомъ отношеніи первое право на вниманіе заслуживаютъ *умственные способности*. Негръ вообще не лишенъ способностей, но онѣ ограничиваются у него подражаніемъ, заучиваніемъ извѣстнаго; ихъ не хватаетъ на собственное изобрѣтеніе и даже всякое самостоятельное сужденіе. Большую часть негровъ можно назвать понятливыми, переимчивыми, но немногихъ можно назвать искусными. Такимъ образомъ даже въ духовной сферѣ мы находимъ въ нихъ нѣкоторую аналогію съ обезьянами, передразниванье которыхъ вошло въ пословицу. Эта аналогія выражается у негра не только въ способности, но и въ охотѣ къ подражанію, и объясняетъ тѣ нерѣдко замѣчательные мимическіе таланты, ко-

торыми обладают многие из них. Подражательная способность есть следствие наблюдательности, которая в высшей степени свойственна неграм. Некоторые из них необыкновенно искусно умѣют подражать голосамъ животныхъ и большая часть артистически копируетъ извѣстныхъ имъ личности, въ-особенности ихъ комическія стороны. Все это доказываетъ, что негры должны имѣть большія способности къ сценическому искусству, и дѣйствительно въ настоящее время одинъ изъ членовъ этой расы г. Эйръ Ольриджъ (Ira Aldridge) приводитъ въ удивленіе знатоковъ, превосходнымъ сценическимъ исполненіемъ нѣкоторыхъ ролей, но такая рѣдкая способность далеко не есть достояніе цѣлой расы. Изображеніе великихъ личностей, рѣзко выходящихъ изъ обыкновеннаго круга, каковы Отелло или Макбетъ, требуетъ для вѣрнаго пониманія, оцѣнки и сценическаго воспроизведенія, высшаго дара, противъ того, какимъ обладаетъ обыкновенный негръ. Тѣмъ не менѣе однакожь остается справедливымъ, что если натура негра возвысилась, какъ у вышеупомянутаго артиста до степени пониманія такихъ личностей, то воспроизведеніе ихъ особенно облегчается общими способностями расы. Къ-сожалѣнію, я не видалъ Ольриджа въ главной его роли, въ Отелло; я могу судить о немъ только по исполненію Макбета и Мун-

го, и долженъ сознаться, что иногда замѣчалъ въ Макбетѣ нѣкоторую ненатуральность, которая однакожь легко объясняется гиперболическимъ, постоянно склоннымъ къ преувеличенію характеромъ черной расы. Произительный крикъ артиста, даже при звѣрствѣ Макбета, былъ слишкомъ рѣзокъ, напримѣръ въ сценѣ послѣ убійства снящей стражи короля, и это бросало нѣкоторую тѣнь на исполненіе, превосходное въ общемъ. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ Ольриджъ въ роли Мунго; хотя мѣстами онъ и превосходитъ, но вообще не выражаетъ всей полноты увлеченія, свойственной настоящему негру, и именно въ мѣстахъ, когда раздается его произительный смѣхъ, напр. когда онъ замѣчаетъ хитрость съ деревянной ногой, онъ издаетъ звуки, которые хотя и поражаютъ неприятно европейскій слухъ, но далеко не достигаютъ рѣзкости тѣхъ звуковъ, которыми негръ обыкновенно выражаетъ свои чувства. Тѣмъ господамъ, которые говорятъ объ утрированіи, я пожелалъ бы быть свидѣтелями изумленія, въ которое я привелъ цѣлую группу негровъ, окружавшихъ меня, бѣгло набросавъ на бумагу одного изъ нихъ. Ликование толпы не имѣло конца, и радостное изумленіе выражалось такими звуками, которые далеко превосходили звуки Ольриджа на сценѣ. Артистъ очевидно старался смягчить негра сколь возможно бо-

лѣе, чтобы не сдѣлать его отвратительнымъ для глаза и уха европейца; но могу увѣрить, что онъ нисколько не преувеличилъ его. Впрочемъ, говоря объ Ольридждѣ, должно принять во вниманіе, что онъ принадлежитъ къ племени *фула*, самому сѣверо-западному племени черной расы, которое, по отзыву путешественниковъ, можно отнести къ лучшимъ типамъ, болѣе всѣхъ другихъ черныхъ племенъ приближающимся къ коричневымъ народамъ кавказской расы, послѣдними, остающимися представителями которыхъ служатъ копты и кабилы. Даже цвѣтъ его замѣтно свѣтлѣе, красновато-коричневѣе, нежели у видѣнныхъ мною негровъ Бразиліи, средне- или южно-африканскаго происхожденія. Ступня его не имѣетъ также настоящаго плоскаго вида ступни негровъ, но кисть руки относительно велика и сейчасъ же бросилась мнѣ въ глаза, какъ признакъ расы. Свѣтлые ногти весьма замѣтны, и вся физіономія, несмотря на довольно густую бороду, — негрообразна.

Способность черной расы къ раздражительности особенно выражается въ томъ, что ремесленное сословіе Бразиліи почти исключительно состоитъ изъ негровъ или мулатовъ. Сапожники, портные, слесаря, кузнецы, каменьщики и плотники пополняются болѣею частью цвѣтнымъ населеніемъ; между-тѣмъ какъ женскій полъ его доставляетъ превосходныхъ

прачекъ и швей. Нигдѣ не имѣлъ я лучшаго сѣбля, какъ въ Рио-ди-Жанейро. Въ Сагоа-Санта видѣлъ я голую женскую фигуру, въ $1\frac{1}{2}$ фута высоты, вырѣзанную изъ дерева негромъ для украшенія лодки. Человѣкъ этотъ никогда не учился скульптурѣ, былъ простымъ плотникомъ, и при всемъ томъ былъ въ состояніи вырѣзать статуэтку, которая достаточно удовлетворяла всѣмъ правиламъ искусства, хотя конечно не изобличала художественнаго творчества. Она носила на себѣ несомнѣнные признаки черной расы, и, оказывая, что мастеръ вырѣзывалъ ее не на удачу, но приготавлиаяся, изучая формы, и его способность помогла ему выразить изученное. Я твердо убѣжденъ, что обыкновенный нѣмецкій плотникъ былъ бы не въ состояніи сдѣлать такую удовлетворительную фигуру. Въ Рио-ди-Жанейро я жилъ около весьма красивой дачи, украшенной балкономъ на коринтскихъ столбахъ и куполомъ, служившимъ для освѣщенія внутреннихъ комнатъ; строеніе это во всѣхъ своихъ частяхъ вполне удовлетворяло правиламъ архитектуры. Я долго съ удивленіемъ разсматривалъ это красивое и чистенькое зданіе, и наконецъ спросилъ моего хозяина, кто построилъ этотъ хорошенькій домъ. Невольникъ владѣльца — получилъ я въ отвѣтъ. Владѣлецъ сдѣлалъ рисунокъ, не входя ни въ какія подробности, показалъ невольнику нѣ-

сколько рисунковъ красивыхъ зданій, и за тѣмъ поручилъ ему постройку, какъ старшему мастеру. Дѣйствительность превзошла все ожиданія, и невольникъ видимо радовался удовольствію господина; онъ просилъ себя, какъ милости, позволенія откупиться на волю, но безчеловѣчный господинъ, радуясь обладанію такимъ невольникомъ, еще болѣе нежели новому дому, отказалъ ему. Бѣдный негръ зарѣзался; онъ выбралъ послѣднее, вѣрнѣйшее средство освобожденія — смерть.

Какъ ни способенъ вообще негръ къ работѣ, онъ однакожъ рѣдко находитъ въ ней удовольствіе. Я согласенъ, что отвращеніе къ труду многихъ изъ нихъ, происходитъ отъ того, что они работаютъ по неволѣ, не по собственному выбору и безъ всякой пользы для себя; однакожъ и свободные цвѣтные работаютъ не по внутреннему побужденію, а только для того, чтобы добыть себя работою средства къ жизни. Негръ по природѣ лѣнивъ; онъ обыкновенно работаетъ съ небрежностью и равнодушіемъ, и не имѣетъ никакого понятія о точности и внимательности, служащихъ главнымъ основаніемъ цѣлности труда. Негръ вообще готовъ къ услугѣ; надежда на награжденіе привлекаетъ его, но онъ не понимаетъ, что исполненіе въ-время удваиваетъ цѣну услуги; онъ тянетъ работу нѣсколько часовъ, тогда какъ могъ бы

выполнить ее въ нѣсколько минутъ, и потомъ удивляется упрекамъ въ медленности. Многіе невольники не скрываютъ, что они, между прочимъ, ходили гулять, или заходили въ гости, или сидѣли гдѣ-нибудь въ трактирѣ, и даже рассказываютъ, что имъ необходимо было сначала исполнить это, а потомъ уже приняться за работу. Негръ думаетъ вообще, что достаточно одного исполненія услуги; когда, какъ, скоро ли, тихо ли, это ему все равно и если его не принуждаютъ, то онъ сначала сдѣлаетъ то, что ему нравится, и потомъ уже вспомнить о томъ, что долженъ исполнить.

Особенно выдающаяся черта въ характерѣ негра, есть страсть исполнять каждую работу въ тѣхъ формахъ, которыя ему удобны и пріятны, т. е. во время работы по возможности забавляться пѣніемъ, пляской или какимъ-либо другимъ пріятнымъ развлеченіемъ. Если это для него невозможно во время самой работы, то онъ по-крайней-мѣрѣ все-таки позабавится вслѣдъ за ней. Невольникъ, проработавшій въ полъ съ восхода и до заката солнца, непременно поетъ или попляшетъ часокъ съ своими пріятелями, вокругъ огня, который разложить передъ своей хижиной, ради собственнаго удовольствія, или въ холодное время для тепла. Невозможно равнодушно видѣть важность, съ которою негры выполняютъ са-

мыя обыкновенныя взаимныя услуги, тысячи гримасъ, которыя они строятъ безъ всякаго намѣренія, во время разговоръ, и въ-особенности чрезвычайную вѣжливость, съ которой они обходятся между собою. Они не иначе называютъ другъ друга, какъ «*господинъ*», и никогда не отвѣчаютъ просто *да* или *нѣтъ*; Si Senhor или No Senhor безпрестанно слышится въ разговорѣ одного невольника съ другимъ. Прибавка *Ваша милость* (vos Merces) рѣдко упускается въ разговорѣ между равными бѣлыми, и точно такъ же титулуютъ другъ друга мулаты, свободные цвѣтные и невольники.

Но всего страннѣе видѣть негра, идущаго одиноко по дорогѣ, съ тяжестью на головѣ. Негръ и тогда не бываетъ одинъ, онъ всегда имѣетъ спутника, свое собственное я, съ которымъ всю дорогу разсуждаетъ или споритъ, при чемъ разговоръ ведется громко и безъ всякаго вниманія къ окружающимъ предметамъ. Въ такія минуты негръ, и въ-особенности невольникъ, находится совершенно въ своей сферѣ; онъ даетъ полную волю своей натурѣ и забавляется отъ всей души, хотя страшно потѣветъ и крихтитъ подъ ношей. Обыкновенно предметомъ разсужденій служатъ прошедшія или предстоящія событія; молодой негръ любезничаетъ или ссорится съ своей возлюбленной; старикъ разсуждаетъ о господинѣ, обращается къ

нему, хвалитъ его, жалуется, проситъ милости, и все это поется однимъ и тѣмъ же однообразнымъ тономъ, причемъ палкой выбивается тактъ по тяжести, находящейся на головѣ, или встряхивается въ тактъ жестяная гремушка. Если ноша тяжела, то негръ бѣжитъ рысью, шумитъ и стучитъ безпрестанно, и поетъ съ акомпаниментомъ тяжкихъ вздоховъ. Легкія ноши песуются обыкновенно медленно; негръ выступаетъ важнымъ мѣрнымъ шагомъ, говоритъ громко, необыкновенно скоро, высокими, болѣею частью пронзительными звукамъ; потомъ вдругъ останавливается, жестикулируетъ рукою и посылаетъ поклонъ встрѣчному товарищу, который такъ же громко и важно отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Такъ-какъ голова не можетъ пошевелиться, то движенія сопровождаются только мимикой; глаза моргаютъ, ротъ искривляется и обезьяна проглядываетъ всюду, съ которой стороны ни посмотрѣть на занимательнаго актѣра. Мелодія пѣнія весьма проста, она повторяется безъ малѣйшихъ измѣненій, и состоитъ постоянно изъ высокихъ, часто пронзительныхъ фальсетныхъ звуковъ; тонъ болѣею частью *moll*-ный, рѣдко *dur*-ный и каждая строфа оканчивается продолжительнымъ пѣжнымъ звукомъ, единственнымъ выраженіемъ нѣкоторой свободы и разнообразія. Густыя и низкія ноты неприятны неграмъ; они стараются поднять свой голосъ

какъ можно выше, и даже при смѣхѣ звуки ихъ можно скорѣе назвать свистомъ, нежели смѣхомъ. Рѣзкое, протяжное *хи*, издаваемое ими въ знакъ радости, или удивленія, слишкомъ ясно напоминало мнѣ рѣзкіе провзительные звуки обезьянъ.

Въ общей вѣсѣмъ неграмъ чертѣ бесѣдованія съ самимъ собою, замѣчается отвращеніе къ уединенію, и постоянная страсть къ развлеченію, къ разговору и разсѣянію, обличающія въ высшей степени общительный характеръ черпаго племени. Никакое наказаніе не можетъ сравниться для негра съ уединеннымъ заключеніемъ; ни одинъ невольникъ не можетъ его долго вывести, — онъ обыкновенно умоляетъ лучше хорошенько побить его, нежели запираетъ одного. Общительность и проистекающая изъ нея разговорчивость, составляютъ главнѣйшія потребности негровъ; они не могутъ молчать, они должны говорить и молчаливый или нерасположенный къ разговору сосѣдъ или слушникъ, ставить въ тяжелое положеніе каждаго цвѣтнаго. Я самъ нѣсколько разъ весьма ясно замѣчалъ чрезвычайное смущеніе негровъ, желавшихъ вступить со мной въ разговоръ, когда я объявлялъ имъ о моемъ нежеланіи разговаривать. Эта страсть къ бесѣдѣ есть впрочемъ только часть общей страсти, свойственной черной расѣ.

Забавляться цѣлый день какимъ бы то ни было

образомъ, вотъ къ чему направлены всѣ желанія, всѣ мысли негра. Страсть эта проявляется весьма различнымъ образомъ, даже у однѣхъ и тѣхъ же личностей; главнѣйшее стремленіе составляетъ не одно какое-нибудь извѣстное удовольствіе, но удовольствіе во что бы то ни стало. Высочайшимъ наслажденіемъ для невольника служить полное бездѣйствіе; это для него гораздо пріятнѣе хорошей пищи или вина. Желскій полъ преданъ преимущественно щегольству; любить особенно серьги, цѣпочки, кольца, но нисколько не заботится объ изяществѣ или опрятности. Отъ природы опрятный невольникъ составляетъ вообще большую рѣдкость и высоко цѣнится; бѣльшей частью они не только неопрятны, но и неряшливы въ одеждѣ, и гораздо болѣе дорожатъ какимъ-нибудь блестящимъ кольцомъ, нежели чистой рубашкой или хорошими панталонами. Наряжаться въ мишуру, надевать на себя яркія ленты, цвѣты или какія-нибудь блестящія бездѣлки, вотъ къ чему черные и особенно негритянки, направляютъ всѣ свои помыслы, вмѣсто того, чтобы чище мыться, держать опрятнѣе тѣло, имѣть неизорванное платье или приберегать его. То, что онѣ имѣютъ, онѣ носятъ постоянно, и что получше, то всегда сначала, чтобы имѣть возможность отличиться, пощеголять; потому-что бережливость такъ же мало свойственна имъ, какъ и опрятность.

Свободные негры нисколько не лучше; они любят золотыя кольца, часы, запонки, цѣпочки, серебряныя шпоры, короче сказать, всё бросающіяся въ глаза цѣнныя вещи, и постоянно носятъ ихъ на себѣ. Платье ихъ также отличается щегольствомъ; шелковый галстукъ, лакированные башмаки или даже элегантная круглая шляпа составляютъ не рѣдкость; но негры вовсе не имѣютъ привычки беречь эти вещи, держать ихъ въ чистотѣ или приберегать къ праздникамъ; все тотчасъ же изнашивается, и если нѣтъ средствъ пополнять гардеробъ, то негръ изнашиваетъ свое платье до послѣдней нитки, предпочитая изорванное цѣлому, но обыкновенному платью. Его утѣшаетъ сознание, что оно было когда-то красиво. Если же онъ имѣетъ возможность, то охотно мѣняетъ платье, надѣваетъ новое, не износивши стараго, и при всякомъ случаѣ старается всѣми возможными средствами выказать свое богатство. Расчетливость вовсе не въ природѣ негра; онъ врожденный мотъ, и мотаетъ не только изъ одной страсти къ блеску, но и потому, что подобно многимъ бѣднякамъ, не знаетъ цѣны деньгамъ. Если же завелись деньги, то на первый планъ выступаютъ не истинныя потребности, но какое-нибудь рѣдкое, еще не испытанное удовольствіе. Страсть поглощаетъ средства, которыя должны были служить къ уменьшенію нужды, и созна-

ніе одного совершенно весело проведеннаго дня, вознаграждаетъ за многіе грустные прошедшіе или будущіе.

Между-тѣмъ какъ щегольство есть страсть молодости негровъ, пьянство дѣлается ихъ страстью въ старости. Многіе черные обоюго пола съ годами всё болѣе-и-болѣе предаются вину и находятъ въ немъ для себя высшее удовольствіе. Вообще этотъ порокъ особенно распространенъ между невольниками, вывозимыми изъ Африки; между свободными цвѣтными, рожденными въ Бразиліи и выросшими подъ вліяніемъ лучшей среды, пьяницы попадаются гораздо рѣже; здѣсь табакъ заступаетъ мѣсто водки; кто не пьяница, тотъ непремѣнно страстный курильщикъ, и въ этомъ случаѣ женщины не уступаютъ мужчинамъ. Склонность невольниковъ къ вину можетъ быть объяснена тѣмъ, что водка представляетъ легчайшее каждому доступное средство, приводить себя въ веселое состояніе, при которомъ забывается весь гнѣтъ обыденной жизни. При ея помощи это состояніе одурѣнія достигается всего скорѣе и легче. Ограниченныя денежныя средства, недостатокъ другихъ удовольствій, и увѣренность въ достиженіи желаемой цѣли, невольно привлекаютъ негра къ водкѣ, и съ годами онъ совершенно предается этой страсти. У меня былъ слуга негръ, отпущенный на волю, родомъ

онъ былъ изъ Африки; этотъ человѣкъ былъ очень хорошъ во многихъ отношеніяхъ, но напивался всякій разъ, какъ только получалъ деньги, не переставая до тѣхъ поръ, пока не пропивалъ все до послѣдней полушки. Тогда онъ успокоивался и казался совершенно довольнымъ и счастливымъ, но какъ-только попадались ему въ руки деньги, онъ опять принимался за вино. Пожилыя, вольноотпущенныя, незамужнія женщины, обыкновенно нанимающіяся въ кухарки, также подвержены пьянству; я зналъ трехъ такихъ кухарокъ, которыя смѣнялись одна за другой въ домъ, гдѣ я жилъ, и всѣ три чрезвычайно любили водку. Относительно пищи бѣлая часть черныхъ вовсе не прихотливы; они рѣдко имѣютъ случай ѣсть что-нибудь другое кромѣ своего обыкновеннаго кушанья изъ жира, бобовъ и маниоковой муки. Въ этомъ случаѣ они похожи на животныхъ, которыя постоянно ѣдятъ одно и то же. Свою обыкновенную пищу предпочитаютъ они всякой другой; не вкусъ, а количество пищи имѣетъ для негра значеніе. Съѣсть побольше въ одинъ присѣсть, вотъ въ чемъ состоитъ главное его удовольствіе. Европейецъ съ удивленіемъ глядитъ на тарелку, до-верху нагруженную вышеупомянутыми тремя снадобьями, которую приготовилъ для себя негръ и не постигаетъ, какъ можно проглотить такое количество пищи; но отсутствіе

другихъ наслажденій дѣлается главною причиною обжорства, а впослѣдствіи, благодаря долготѣйшей привычкѣ, такое большое количество пищи дѣлается настоящею потребностью. За исключеніемъ уединенія и заключенія въ темную комнату, самое тяжелое наказаніе для невольника есть голодъ; средство это дѣйствительное всякой плети, къ которой негры скоро привыкаютъ и перестаютъ ее бояться. Непосредственное чувство боли такъ же скоро притупляется привычкой, какъ привычкой же возбуждается страсть къ водкѣ или къ обильной пищѣ. Если человѣкъ вырастаетъ подъ постояннымъ страхомъ плети, то онъ обращается почти въ животное, и долженъ быть дрессируемъ, подобно ему. Это вполне относится къ рабамъ черной расы. Негры-невольники настоящія машины, которыя со-временемъ совершенно отрываются отъ своей воли и уподобляются домашнимъ животнымъ, которыхъ все наслажденіе жизнью состоитъ въ томъ, чтобы въ опредѣленное время получать хорошій и обильный кормъ. Кого лишаютъ этого послѣдняго преимущества рабства, тотъ теряетъ послѣднее удовольствіе въ жизни: онъ дѣлается упрямъ, непослушенъ, и если чувствуетъ въ себѣ достаточно силы, то открыто возмущается.

Обратимся къ другому проявленію духовной жизни черныхъ, къ ихъ *нраву*, и постараемся и съ этой

стороны изслѣдовать основныя черты и особенности расы. Въ этомъ отношеніи негръ является стоящимъ гораздо ниже бѣлаго; африканецъ отъ природы кажется гораздо грубѣе европейца, но при этомъ однако же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что образованіе и религія особенно содѣйствуютъ облагороженію нрава человѣка, и недостаточное знакомство негра съ этими двумя сторонами человѣческаго развитія, очевидно служить главною виной малаго развитія его сердца и характера. Наконецъ на него особенно сильно дѣйствуетъ примѣръ бѣлыхъ, которые съ намѣреніемъ и съ сознательнымъ пренебреженіемъ, жестоко обращаются съ нимъ, и этимъ отгалкиваютъ его отъ себя; онъ невольно поступаетъ съ другими такъ же, какъ поступаютъ съ нимъ и такимъ образомъ впадаетъ во всѣ тѣ пороки, которые замѣчаются въ немъ.

Негръ вообще склоненъ подчиняться бѣлому; онъ чувствуетъ, и молча сознаетъ превосходство европейца и видитъ, что уступаетъ ему въ познаніяхъ и способностяхъ. Отсюда можетъ-быть и происходить трусость негровъ, о которой упоминаютъ всѣ наблюдатели черной расы. Всѣмъ извѣстно, что черные, даже при численномъ превосходствѣ, легко уступаютъ бѣлымъ поле сраженія, и даже до начала битвы считаютъ уже себя побѣжденными. Поэтому, если

попытки возстаній черныхъ встрѣчаютъ серьезное противодѣйствіе, то кончаются неудачей. Черное населеніе въ открытомъ полѣ всегда бываетъ побѣждено бѣлымъ, потому что не имѣетъ ни мужества, ни стойкости, необходимыхъ для выдержанія битвы, счастливо начатой. Только въ минуты отчаянія негръ одушевляется, и умираетъ съ презрѣніемъ къ смерти, видя что ему не остается другаго исхода. Въ то же время черная раса склонна къ тиранніи, и достигши власти дѣлается жестокою. Въ состояніи рабства черта эта принимаетъ характеръ злобы, коварства, она побуждаетъ негра къ множеству плутней, которыя тѣмъ болѣе возмутительны, что охотнѣе и съ особеннымъ удовольствіемъ направляются на беззащитнаго. При удобномъ случаѣ негръ дѣлается мстительнымъ, и чѣмъ легче и безнаказаннѣе можетъ онъ отомстить, тѣмъ болѣе дѣлается склоненъ къ удовлетворенію своего чувства. Поэтому негры всегда готовы къ тайнымъ убійствамъ, кражѣ, поджогамъ и т. п.; но у нихъ недостаетъ рѣшимости напасть открыто на своего противника и вступить съ нимъ въ борьбу лицомъ къ лицу; въ-особенности если противникъ этотъ бѣлый. Съ своимъ братомъ, съ негромъ, они менѣе осторожны и при ссорѣ тотчасъ хватаются за ножъ. Въ-особенности въ припадкѣ ревности, этой общей основной чертѣ харак-

тера всей черной расы, не знают они никакихъ границъ своему гнѣву и убиваютъ соперника по одному подозрѣнію, или же преслѣдуютъ его открыто, ничѣмъ не стѣняясь. Бѳльшая часть убійствъ въ Бразиліи происходитъ вслѣдствіе ревности. Ни что не въ состояніи такъ взволновать негра, какъ чувственная любовь. Поводы къ ревности довольно часты, такъ-какъ негритянки не слишкомъ цѣломудренны, а негры всегда чувственны; однакожь негритянка снисходительна только пока она не замужемъ; замужняя женщина рѣдко бываетъ податлива. Поэтому между женатыми такія сцены составляютъ исключенія. У черной расы мужъ имѣетъ слишкомъ большую власть и слишкомъ неограниченное право надъ женой, чтобы такой проступокъ остался безнаказаннымъ. За то въ безбрачномъ состояніи негритянка ведетъ весьма свободный образъ жизни; она не пренебрегаетъ ни однимъ обожателемъ, и никому не отказываетъ изъ-за цѣломудрія. Любовникъ знаетъ, что только уничтоженіе всѣхъ соперниковъ можетъ доставить ему нераздѣльное обладаніе милымъ сердцу предметомъ, и поэтому, когда страсть его дойдетъ до апогея, онъ убиваетъ соперника или возлюбленную. Въ этомъ отношеніи Отелло есть полнѣйшее воспроизведеніе типа своей расы; такъ же подозрительно, легковѣрно и слѣпо приходящій въ ярость,

какъ и всѣ его соплеменники, онъ становится истымъ негромъ съ той самой минутой, какъ Яго отравляетъ его душу. Геніальная рука Шекспира такъ превосходно и вѣрно изобразила эту страсть негровъ, что мнѣ не остается болѣе ничего сказать объ ней.

Несмотря на всѣ эти дурныя качества, негръ можетъ быть добръ. Онъ бываетъ искренно привязанъ къ дѣтямъ, обыкновенно даже болѣе нежели къ женѣ. Охотно дѣлится онъ своими средствами съ тѣми изъ соплеменниковъ, которые обращаются къ нему въ нуждѣ, и вообще не скупъ съ своими пріятелями, хотя страсть къ пріобрѣтенію глубоко въ немъ вкоренена. Видя, какъ всѣ стремятся къ богатству, онъ старается тщательно припрятывать накопленные имъ деньги, и никому не скажетъ, что у него есть и много ихъ, потому-что постоянно боится, чтобы у него не украли или не отняли его денегъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ негръ скорѣе умретъ, нежели покажетъ то мѣсто, куда онъ спряталъ свое сокровище; впрочемъ упорство это онъ выказываетъ только относительно тѣхъ людей, которые кажутся ему подозрительными, въ которыхъ онъ предполагаетъ желаніе его обидѣть; тотъ же, кто его проситъ, можетъ разсчитывать на участіе. Вообще негръ во многихъ отношеніяхъ двоякій человекъ; онъ столь же скрытенъ, остороженъ, лукавъ и золъ относительно же-

стокихъ или ненавистныхъ ему господъ, при кажущейся наружной преданности, какъ прямъ, откровенъ, добръ и услужливъ къ страждущему другу, обращающемуся къ его добротѣ. По этому просьба всегда оказываетъ на него свое дѣйствіе, и онъ не упрямъ, относительно своего господина, пока расположенъ къ нему. Вообще негръ болѣе склоненъ къ лжи, къ обману, нежели къ открытому сопротивленію, при чемъ оказывается изобрѣтательнымъ и искуснымъ въ разныхъ мелкихъ плутняхъ, если надѣется на безнаказанность. Всѣ эти качества, которыя не легко истребляются въ неграхъ-невольникахъ, дѣлаютъ много неприятностей даже добрымъ владѣльцамъ; они заставляютъ держать негра по возможности строже, и не довѣрять ему, потому-что мягкое обращеніе онъ принялъ бы непременно за глупость, и скоро пустился бы на разныя продѣлки. Въ природѣ негра, такъ же какъ и обезьяны, лежитъ что-то живое, дерзкое, что дѣлаетъ невозможнымъ хорошее обращеніе съ нимъ; кто не говоритъ съ ними грубо и рѣзко, того онъ перестанетъ бояться, а кого онъ не боится, того уже и не слушается.

Относительно религіозности негръ вообще суевѣренъ и набоженъ; онъ довольно скоро и строго подчиняется церковнымъ постановленіямъ, и находитъ удовольствіе въ торжественности, поклонахъ и дру-

гихъ обрядахъ католицизма. Но во всемъ этомъ онъ видитъ только одинъ обрядъ, нисколько не сознавая истинной сущности его. Каждое воскресенье онъ отправляется въ церковь, и для этого одѣвается почище; но тотчасъ же забываетъ правила проповѣди, если они кажутся ему трудными. Даже по приказанію онъ не рѣшится ѣсть мясо въ постный день, но при случаѣ никакъ не откажется напиться пьянымъ въ этотъ день, какъ и во всякій другой. Впрочемъ въ этомъ отношеніи любой бразилецъ не лучше негра; каждый носитъ свой талисманъ, имѣетъ своего святаго, ежеминутно взываетъ Nossa Senhora, и аккуратно ходитъ въ церковь, потому-что это составляетъ единственное развлеченіе въ однообразной жизни народа; но никто не имѣетъ понятія объ истинной гуманности, основанной на нравственности, объ обязанностяхъ, относительно ближняго и самаго себя. Каждый дѣлаетъ то, что надѣется сдѣлать безнаказанно, обманываетъ, обсчитываетъ, проводитъ и вообще эксплуатируетъ другаго сколько можетъ, въ томъ убѣжденіи, что и съ нимъ поступаютъ не лучше. Тотъ, кто не идетъ по этой дорогѣ, считается глупцомъ и простякомъ. Что человѣкъ можетъ имѣть истинное стремленіе къ правдѣ, что онъ можетъ дѣлать добро изъ любви къ нему, объ этомъ большая часть обитателей новаго свѣта не имѣетъ никакого

понятія; они бы сочли чистымъ дуракомъ каждаго, кто поставилъ бы подобное желаніе цѣлью своей жизни. Полятно, что въ такой средѣ даже свободный негръ, несмотря на крещеніе и христіанство, не только не возвысился до нравственности, но еще болѣе укрѣпился въ своихъ необузданныхъ качествахъ.

Въ заключеніе моего описанія негра, я не могу не упомянуть о сочиненіи миссъ Бичеръ—Стоу, обратившемъ на себя всеобщее вниманіе. Конечно, весьма похвально порицать рабство, и поэтому позволительно описывать его самыми черными красками; но несправедливо искажать дѣйствительность такъ, какъ она представлена въ романѣ *Хижина дяди Тома*. При описаніи черной расы слѣдуетъ выводить представителями не лучшихъ членовъ ея, составляющихъ исключеніе; не слѣдуетъ возводить на степень племеннаго типа эти исключенія, которыя въ томъ видѣ, какъ они представлены въ романѣ, вѣроятно и не существуютъ. По моимъ наблюденіямъ, большая часть негровъ вовсе не такъ терпѣливы, снисходительны, великодушны, какъ дядя *Томъ*; едва ли встрѣтятся гдѣ-нибудь такой талантливый и въ то же время такой безукоризненно-добродѣтельный молодой негръ, какъ *Георгъ*, или такая хорошенькая, привлекательная и притомъ цѣломудренная и скромная, какъ *Лиззи*, — мулатка. Мои наблюденія надъ

этой смѣшанной расой въ Бразиліи, показываютъ совершенно противное, и я не думаю, чтобы при тѣхъ общественныхъ соблазнахъ, которые свойственны населеннымъ полосамъ Сѣверной Америки, такая привлекательная натура избѣжала бы общей судьбы, которой поднадаетъ въ Бразиліи каждая, далеко не столь привлекательная мулатка. О бѣлыхъ дѣйствующихъ лицахъ я умалчиваю; пусть они будутъ такими, какъ они описаны и обладаютъ всевозможными качествами, но главныя лица цвѣтнаго общества такъ сильно идеализованы, что фактически, по-крайней-мѣрѣ въ Бразиліи, не похожи на существующихъ въ дѣйствительности. Мы убѣдимся въ этомъ ближайшимъ разсмотрѣніемъ мулатовъ.

Наибольшую часть всего цвѣтнаго населенія Бразиліи составляютъ смѣсь черной и бѣлой расы, такъ называемые *мулаты*. Можно утвердительно сказать, что низшіе слои свободнаго общества состоятъ преимущественно изъ этихъ людей, и что если когда-нибудь исполнится стремленіе многочисленной партіи, старающейся о преобразованіи Бразиліи въ федеративную республику, по образцу Сѣверной Америки, то все ремесленное и рабочее сословіе образуется со временемъ изъ цвѣтнаго населенія. Какъ въ Англіи норманское дворянство и англо-саксонское среднее сословіе, такъ и въ Бразиліи бѣлая аристократія и

цвѣтная демократія сдѣлаются двумя главными, составными элементами народонаселенія. Уже въ настоящее время въ каждой маленькой деревнѣ, въ каждомъ небольшомъ городѣ цвѣтное населеніе беретъ перевѣсъ, и путешественникъ приходитъ въ большее прикосновеніе съ мулатами, нежели съ бѣлыми, которые удаляются въ свои уединенныя помѣстья, или рѣдко въ городахъ содержать гостиницы. Большая часть гостиницъ находятся въ рукахъ мулатовъ. Такимъ-образомъ невольно приходится входить въ близкія сношенія съ цвѣтными людьми, и при нѣкоторой внимательности, видѣть ихъ недостатки и достоинства. Опишемъ тѣхъ и другихъ, въ соединеніи съ характеристикой ихъ физическихъ особенностей, мы заключимъ наше описаніе черной расы.

Наблюденіе мулата представляетъ для естествоиспытателя особенный интересъ въ Бразиліи. Онъ ежедневно имѣетъ возможность сравнивать качества этихъ метисовъ съ качествами другаго представителя смѣшанной расы, *мула*; въ высшей степени поучительно то, что смѣшеніе породъ какъ у людей, такъ и у животныхъ происходитъ по совершенно одинаковымъ законамъ, при этомъ прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ смѣшанныхъ породахъ, рѣзко выдающіяся свойства расъ смягчаются одно

другимъ, и грубое превращается въ тонкое и изящное. Вотъ основаніе, почему все незаконные дѣти имѣютъ въ себѣ нѣчто граціозное. Явленіе это не подлежитъ сомнѣнію, и легко объясняется ближайшимъ изслѣдованіемъ. Для полнаго, взаимнаго обмѣна качествъ двухъ участвующихъ въ рожденіи дитяти лицъ, — необходима долгая привычка, самое близкое знакомство, и тѣснѣйшая взаимная связь; если же не произошло совершенно близкихъ взаимныхъ отношеній, то природа или даетъ перевѣсъ которому-нибудь изъ участвующихъ, или же производитъ дѣтей не столь совершенныхъ. Въ этомъ можно убѣдиться, наблюдая дѣтей, происшедшихъ отъ одного и того же брака. При ближайшемъ наблюденіи можно вообще замѣтить, что первый ребенокъ бываетъ обыкновенно красивѣе, нѣжнѣе и въ нравственномъ отношеніи болѣе другихъ похожъ на отца или на мать; при этомъ любопытно, что первые сыновья бываютъ болѣе похожи на мать или на ея отца, первыя же дочери на отца или на его мать. Дѣти рождающіеся впоследствии, дѣлаются постепенно крѣпче, физически сильнѣе и при этомъ болѣею частью безобразнѣе, неуклюжѣе; качества родителей выступаютъ на нихъ въ болѣе смѣшанномъ видѣ, и рѣзкое повтореніе родителей или прародителей встрѣчается рѣже.

У мулатовъ законъ о смѣшеніи породъ показы-

вается резко на перворожденныхъ, уже потому, что родители имѣютъ весьма малое сходство между собою, и тѣсное сближеніе ихъ характеровъ не такъ легко. Обыкновенно въ ребенкѣ беретъ перевѣсъ сначала мать, а впоследствии отецъ, при позднѣйшихъ родахъ свойства родителей передаются попеременно дѣтямъ или же выступаютъ въ смѣшеніи на одномъ и томъ же ребенкѣ. Въ одномъ и томъ же бракѣ встрѣчаются одни дѣти съ кудрявыми, другіе съ гладкими волосами; одинъ ребенокъ свѣтло-коричневый, другой темно-коричневый, и нерѣдко черная мать имѣетъ болѣе свѣтлыхъ дѣтей, нежели коричневая. Вообще у мулатовъ преобладаетъ черная раса, потому-что большая часть дѣтей происходятъ отъ негрятки и бѣлаго отца, между-тѣмъ какъ метисы бѣлой матери и чернаго отца, попадаютъ гораздо рѣже. Цвѣтъ тѣла мулата болѣе или менѣе темно-коричневый, часто мало отличающійся отъ оттѣнка свѣтлаго негра. Волосы и глаза постоянно черные, но первые такъ же часто бываютъ курчавые, какъ и гладкіе, хотя они никогда не бываютъ такъ густы, и совершенно гладки какъ прекрасные волосы бразиліанокъ. Замѣчательно, что у мальчиковъ вообще преобладаютъ курчавые, у дѣвочекъ же гладкіе волосы. Если же волосъ кудрявъ, то онъ такъ же шерстистъ, мелко-курчавъ и коротокъ, какъ волосъ негра; гладкіе

волосы бываютъ волнисты, но настоящей густоты достигаютъ только во второй или третьей степени смѣшенія, когда участіе бѣлаго человѣка дѣлается значительнѣе. Мулатки особенно дорожатъ своими прекрасными, совершенно черными, слегка волнистыми волосами; онѣ тщательно ухаживаютъ за ними, украшаютъ ихъ цвѣтами, и болѣе всего занимаютъ ими, потому-что волосы вѣрнѣе всего обозначаютъ степень смѣшенія расъ, и всѣ стремятся къ тому, чтобы имѣть сколь возможно гладкіе волосы, какъ доказательство наибольшаго участія крови бѣлыхъ. По формѣ головы мулатъ приближается болѣе къ негру, нежели къ европейцу; лобъ его обыкновенно низокъ, темя мало выпукло, задъ головы коротокъ и вся мозговая полость мала, что особенно легко замѣтить у женщинъ. Глаза у нихъ обыкновенно больше, нежели у негра, и исполнены огня; въ нихъ ясно видѣнъ пылъ страстей, дремлющихъ въ душѣ мулата. Носъ вообще больше нежели у негра, и книзу уже; въ этомъ отношеніи встрѣчаются впрочемъ большія отличія, смотря по преобладанію того или другаго чернаго племени. Широкіе, короткіе носы негровъ Золотога Берега, западной части сѣверной Гвиннеи, придаютъ лицу мулата что-то грубое, напротивъ, тонкіе, согнутые носы восточныхъ мозамбикскихъ негровъ, нѣчто умное и тонкое. Я зналъ одного мулата почти

съ римскимъ профилемъ, который тѣмъ не менѣе былъ весьма темнаго цвѣта, и имѣлъ совершенно курчавые, короткіе негритянскіе волосы; между-тѣмъ какъ у его жены, имѣвшей прекрасныя гладкіе волосы и цвѣтъ лица свѣтлый, бресался въ глаза короткій, широкій носъ. Губы обыкновенно соотвѣтствуютъ носу; при преобладаніи чернаго типа, онѣ обыкновенно широки и толсты, при преобладаніи европейскаго тоньше и выпуклѣе. Подбородокъ обыкновенно коротокъ и болѣе негрообразенъ, но борода у мужчинъ густа. Губы сохраняютъ коричневый цвѣтъ губъ негровъ, но все-таки нѣсколько свѣтлѣе. Всѣ мулаты такъ же тщательно занимаются бородой, какъ мулатки волосами; многіе брѣются ежедневно, чтобы походить на европейцевъ; другіе носятъ окладистыя бакенбарды и бороды; усы же носятъ рѣдко, потому-что они вообще не въ употребленіи въ Бразиліи. Бразильцы брѣютъ усы и подбородокъ, и оставляютъ волосы только на щекахъ и шеѣ.

Тѣлосложеніе мулата весьма красиво. Нѣсколько короткія руки съ чрезвычайно красивыми оконечностями, полная прекрасно округленная грудь, весьма стройная талія, и чрезвычайно-маленькія, красивыя ноги придають имъ, особенно женщинамъ, необыкновенную привлекательность, и сообщаютъ всему существу ихъ какую-то обаятельную прелесть, противъ

которой не можетъ устоять европеецъ. Я жилъ нѣсколько времени въ одномъ домѣ съ молодой, двадцатилѣтней женщиной, которая, по общему отзыву, принадлежала къ числу самыхъ хорошенькихъ мѣстныхъ мулатокъ, и имѣлъ случай вполне оцѣнить ея любезность, и изучить ея характеръ. Рожденная въ бѣдности и незнатная по происхожденію, она держала себя однакожь съ нѣкоторымъ достоинствомъ, была въ высшей степени осторожна въ обращеніи, и не позволяла себѣ ни малѣйшей нескромности. Меня какъ бѣлаго, она однакоже отличала особеннымъ вниманіемъ, и часто, улыбаясь, позволяла мнѣ то, чего не позволила бы другимъ, конечно въ надеждѣ на подарочекъ отъ времени до времени. Часто, когда она присутствовала при моихъ занятіяхъ, что ей особенно при рисованіи доставляло большое удовольствіе, мнѣ приходило на мысль мѣфистовельское замѣчаніе, что «плутовки эти иногда слишкомъ аппетитны», и при этомъ случаѣ я вполне оправдывалъ европейцевъ, которыхъ упрекаютъ за сближеніе съ подобными женщинами. Я долженъ былъ призывать на помощь весь мой врожденный стоицизмъ, чтобы сохранить собственную *alpha*. Нѣтъ никакого сравненія между бѣлыми, анатическими, равнодушными бразиліанками и этими живыми, веселыми до безумія, и замѣчательно-красивыми мулатками. Кому предоставленъ выборъ,

тотъ недолго будетъ колебаться, кому отдать предпочтеніе.

Я не вижу необходимости, входить въ ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей тѣла мулатовъ. Здѣсь также нѣтъ совершеннаго однообразія; можно однакожь сказать, что всѣ органы мулатовъ тоньше и красивѣе соотвѣтствующихъ органовъ не только негровъ, но и европейцевъ. Такихъ маленькихъ, красивыхъ рукъ, такихъ необыкновенно-привлекательныхъ ногъ, я нигдѣ не видалъ въ Бразиліи, даже у *пурисовъ* (Puris) *), которые казались мнѣ идеаломъ красиваго сложенія рукъ и ногъ. Европейецъ приходитъ въ немалое изумленіе, видя въ первый разъ маленькія руки и ноги *пуринокъ*, впрочемъ вообще вовсе не красивыхъ, и удивляется особенно тому, что несмотря на грубую работу, исполняемую этими индіанками, онѣ такъ хорошо сохраняютъ свои природныя красивыя формы. Какая разница, если сравнить съ ними большія неуклюжія руки и ноги нашихъ сельскихъ дѣвушекъ. Еще красивѣе, потому-что относительно нѣсколько короче, кажутся руки и ноги мулатокъ, въ особенности пальцы рукъ и ногъ, самая ступня мѣше красива, потому-что она не можетъ совершенно освободиться отъ плоскаго типа негровъ. Я замѣ-

тилъ, что маленькія ножки мулатокъ нѣсколько теряютъ отъ бѣлыхъ чулковъ, потому-что при этомъ основной типъ негра, недостатокъ выпуклости ноги, выступаетъ съ большей ясностью. Верхнія мясистыя части рукъ и ногъ мулатокъ не такъ худы, какъ тѣ же части у негровъ; вообще мулаты склонны къ полнотѣ, и нѣкоторыя пожилыя мулатки бываютъ необыкновенно тучны. Можетъ-быть это свойство они получили по наслѣдству отъ португальцевъ, у которыхъ оно въ крови? Полнота считается однимъ изъ главныхъ условій красоты въ понятіяхъ бѣлой бразиліанки, она особенно цѣнится въ пожилыхъ женщинахъ. По ихъ мнѣнію нѣтъ ничего непріятнѣе тощей матроны; въ старости полнота по понятіямъ, бразильцевъ, считается такимъ же украшеніемъ какъ стройность въ молодости. Поэтому бѣлая часть женщинъ высшихъ сословій, при своемъ сидячемъ, спокойномъ образѣ жизни, при безстрастномъ, равнодушномъ темпераментѣ, и невозмутимо-пріятномъ существованіи, съ годами полнѣетъ довольно значительно, и вообще съ успѣхомъ достигаетъ того украшенія, которое составляетъ цѣль ихъ желаній.

Наблюдая пріятныя формы мулатовъ, и понимая истинную красоту каждаго организма, можно вскорѣ убѣдиться въ совершенно подобныхъ же условіяхъ организаціи муловъ. Уже самое названіе мулатъ не-

*) Одно изъ индѣйскихъ племенъ провинціи Минасъ-Жираэсъ.
Переводч.

вольно указываетъ на сравненіе обѣихъ породъ; потому-что слово мулатъ производится отъ слово мула, общаго названія лошака или мула. Мулъ, по своему наружному виду, не только облагороженный осель, онъ во многихъ отношеніяхъ даже облагороженная лошадь, въ чемъ можно убѣдиться при сравненіи его съ обыкновенными лошадьми Бразиліи. Извѣстно, что осель превосходитъ лошадь въ изяществѣ копытъ; всѣ мулы имѣютъ такія же красивыя копыта. Я не хочу этимъ сказать, что лучшія породы лошадей не могутъ также имѣть весьма красивыхъ копытъ. Копыто лошади легко портится, копыто мула неизмѣнно при хорошемъ и дурномъ уходѣ; потому-что это не приобрѣтенная, а врожденная красота его. Точно также и нога, — граціозность ноги осла переходитъ къ мулу: у этой породы толстая нога лошади, о которой можно сказать то же что и о копытѣ, облагораживается. Мулъ, подобно мулаткѣ, сохраняетъ свою врожденную красоту даже при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, потому-что она составляетъ его необходимую принадлежность, а не результатъ самаго тщательнаго надзора. Какъ легко пропадаетъ живость и веселость хорошенькой европейской дѣвушки, подъ вліяніемъ горя и заботъ, какъ-скоро увядаетъ красота ея, когда, въ состояніи замужства, ей приходится бороться съ исполненіемъ тяжелыхъ

обязанностей ея призванія. Мулатка все это выноситъ лучше, она никогда не покажется такъ блѣдна и изнурена, потому-что цвѣтъ лица ея коричневый; лицо ея никогда не можетъ такъ опастъ, потому-что нѣжныя кости его выдаются слабѣе; рука ея кажется полнѣе, потому-что весь костяной остовъ ея гораздо изящнѣе, наконецъ характеръ ея гораздо легче, веселѣе характера бѣлой женщины; мулатка никогда не принимаетъ слишкомъ близко къ сердцу неприятности жизни, и благодаря своему легкомыслію не падаетъ духомъ. Таковъ и мулъ; онъ имѣетъ не только наружныя качества осла, но и часть его характера; онъ осмотрителенъ, остороженъ, равнодушенъ и очень выносливъ; довольствуется малымъ, ничѣмъ не пренебрегаетъ и поэтому удовлетворяетъ требованіямъ такого безпощаднаго и строгаго господина, какъ бразилецъ. Лошадь въ Бразиліи, какъ и вездѣ, требуетъ травы и хлѣбныхъ зеренъ; осель ѣстъ капусту, листья, даже свѣжую древесную кору и не худѣетъ, если при этомъ получаетъ небольшое количество зерна; тѣло его сохраняетъ должную полноту и округлость, въ то время когда у лошади уже давно обозначаются ребра. Но безобразная голова съ большими длинными ушами, замѣтятъ мнѣ, ее уже никакъ нельзя назвать красивой! Позволь мнѣ, любезный читатель, вступить и за нее; взглядишь

въ нее хорошенько, сравни сотни лошадей съ тысячами муловъ въ Бразиліи, и ты скоро придешь къ другому взгляду. Голова осла конечно велика, но голова лошади почти мала для животнаго; это ясно видно, при сравненіи ея съ головой красивыхъ муловъ. У насъ, гдѣ не имѣется настоящаго вѣрнаго масштаба, трудно придти къ такому заключенію; намъ извѣстны только лошадиныя и ослиныя головы, и вопросъ о преимуществѣ одной передъ другой, разрешается безъ всякаго труда; но если присмотрѣться нѣкоторое время къ головамъ муловъ, то можно придти къ совершенно другому мнѣнію. Красивая лошадиная голова вообще составляетъ рѣдкость и скоро портится; лобъ ея бываетъ то слишкомъ выпуклъ, то слишкомъ впалъ; выдающійся носъ, всякія губы, высокія скулы, все это весьма обыкновенно въ лошади; голова же мула, смягченная вліяніемъ лошади, хотя и остается во всѣхъ размѣрахъ своихъ больше лошадиной, но получаетъ болѣе постоянную форму; почти всегда красивый прямой лобъ, болѣе красивый ротъ (причемъ и удила для мула дѣлаются меньше, но толще, по причинѣ упрямаго нрава животнаго), и въ-особенности открытые веселые глаза, въ которыхъ видно болѣе жизни, нежели въ глазахъ обыкновенной, не слишкомъ тщательно-содержимой лошади. Наконецъ уши мула хотя и велики, и

значительно болѣе лошадиныхъ, но они нисколько не безобразятъ его головы, а еще даже болѣе украшаютъ ее, нежели относительно слишкомъ маленькія уши лошади. Если сравнить величину лошади съ величиной другихъ животныхъ, и при этомъ обратить вниманіе на ея уши, то прежде всего можно замѣтить ихъ несоразмѣрность. Корова, олень, овца, всѣ они имѣютъ уши, болѣе гармонирующія съ величиной животнаго, нежели уши лошади. Мулъ болѣе подходитъ къ этой пропорціи, и поэтому кажется нисколько не безобразитѣ, а напротивъ, нормальнѣе сложеннымъ, нежели лошадь. Уши его хотя и неправильно сложены, и при этомъ велики, но, находясь въ должной пропорціональности съ величиною тѣла, онѣ существенно способствуютъ украшенію животнаго. Величина ушей муловъ подвержена впрочемъ весьма значительнымъ измѣненіямъ; бываютъ различія, доходящія почти до $\frac{1}{4}$ всей длины, смотря по тому, лошадиное или ослиное ухо преобладаютъ въ мулѣ. У меня было два мула именно съ такими значительными отличіями. Сравнивая ихъ уши, я былъ весьма удивленъ, что тотъ, который былъ больше, красивѣе, и въ которомъ преобладала лошадь, имѣлъ большія уши, а маленькій съ короткими ногами и длиннымъ туловищемъ, въ которомъ болѣе выказывался осель, отличался относительно маленькими ушами.

У муловъ, также какъ и у мулатовъ, смѣшеніе расъ не совершается по одному постоянному закону. Въ одномъ животномъ преобладаетъ то лошадь, то осель въ разныхъ частяхъ его тѣла, въ другомъ животномъ наоборотъ. Отсюда и происходятъ различныя степени красоты этихъ животныхъ; потому-что не всегда основаніемъ красоты служитъ только преобладаніе лошади.

Я былъ въ высшей степени пораженъ, замѣтивши въ ухахъ мулатовъ то же самое явленіе. Явленіе это также рѣзко, потому-что различія бѣлаго и чернаго уха весьма значительны. При нормальномъ смѣшеніи породъ, очень маленькое ухо негра должно бы быть увеличено бѣлымъ ухомъ и принять лучшій видъ, такъ по-крайней-мѣрѣ слѣдовало бы по правилу. Но въ дѣйствительности ухо мулата оказывается или вовсе не увеличеннымъ, а только утонченнымъ, или весьма увеличеннымъ, но при этомъ столь же толстымъ, какъ и ухо негра. Природа видоизмѣняетъ формы, при различныхъ степеняхъ смѣшенія породъ, и вообще подчиняясь основному закону, въ частности иногда отступаетъ отъ него, одаряя съ избыткомъ однихъ и давая мало другимъ,—она въ рѣдкихъ случаяхъ придерживается счастливой середины смѣшенія. Какъ у мулатовъ, такъ и у муловъ самые красивые экземпляры рождаются въ тѣхъ рѣдкихъ

случаяхъ, когда при смѣшеніи расъ недостатки обѣихъ породъ взаимно уничтожаются, а красоты и достоинства сохраняются.

Мулаты извѣстны своею любезностію въ обращеніи, такъ что постоянно приходится слышать похвалы ловкости и общительности ихъ. По моимъ наблюденіямъ, первое изъ этихъ качествъ особенно свойственно женщинамъ, второе мужчинамъ; но тѣ и другіе не дѣлаютъ хорошаго употребленія изъ этихъ качествъ. У мулатокъ, страсти негритянокъ нисколько не смягчены присутствіемъ крови бѣлыхъ: напротивъ того, дѣлая ихъ болѣе независимыми, оно сдѣлало ихъ болѣе требовательными, и дало имъ средство, явственнѣе стремиться къ удовлетворенію своихъ побужденій. Столь же склонныя къ щегольству, какъ и негритянки, онѣ стараются походить на бѣлыхъ дамъ, и, даже если возможно, превосходить ихъ въ изяществѣ туалета. Особенную цѣну въ ихъ глазахъ имѣютъ дорогія украшенія, серьги, ожерелья, золотыя или даже осыпанныя брилліантами кольца; мулатка постоянно носитъ на себѣ всѣ свои драгоценности, потому-что эти украшенія служатъ средствомъ выказать свою зажиточность, даже богатство. Какъ бы небрежно и неопрятно ни была одѣта дома мулатка, она никогда не забудетъ надѣть свои серьги, цѣпочки и кольца. Выходя изъ дому она старается по-

казываться какъ можно чаще въ новыхъ платьяхъ, и для верховой ѣзды имѣть непремѣнно самый модный костюмъ. Если же она не имѣетъ средствъ къ такимъ нарядамъ, то она лучше остается дома; потому-что ей не столько удовольствія доставляетъ общество, сколько сознание возбужденной въ другихъ зависти. У хозяйки моей не было щегольской мантили, и по этому она не ходила въ церковь, такъ-какъ ходить въ церковь безъ мантили не принято. Когда я спросилъ ее однажды, какое самое сильное ея желаніе, она отвѣчала мнѣ «имѣть возможность надѣвать каждое воскресенье новое платье». Въ другой разъ завелъ я разговоръ о мужчинахъ, говорилъ о томъ, о другомъ, и спросилъ при этомъ, который ей больше всѣхъ нравится; она, не указывая лично ни на кого, отвѣчала, что ей нравится больше тотъ, у котораго въ карманѣ больше денегъ. Таковъ настоящій взглядъ мулатки. У кого есть деньги, тотъ и пользуется благосклонностію ея, но только до тѣхъ поръ, пока имѣетъ или пока даетъ деньги. Кончились подарки, кончилась и любовь, потому-что только интересъ поддерживаетъ связь двухъ лицъ. Нечего и говорить, какова должна быть нравственность, происходящая изъ такихъ понятій. Послѣ денегъ, мулатка выше всего ставитъ цвѣтъ любовника. Если ей предоставленъ выборъ между богатымъ чернымъ и менѣе достаточнымъ бѣлымъ

то она все-таки предпочтетъ послѣдняго, потому-что такой мужъ поставитъ ее выше въ обществѣ. Если бы даже она знала, что черный желаетъ жениться на ней, а бѣлый вовсе не имѣетъ такого намѣренія, она все-таки предпочла бы бѣлаго, частью потому, что Бразильцы не слишкомъ строго смотрятъ на безбрачную любовь, частью потому, что свѣтлыя дѣти доставятъ ей болѣе почета въ жизни, нежели богатство чернаго мужа. Всюду тщеславіе ставится выше дѣйствительной потребности; кто удовлетворилъ первому тотъ и хорошъ. Впрочемъ мулатки не такъ лѣнны, какъ бѣлыя женщины, и не такъ безпечны, какъ черныя. Онѣ заботятся о домашнемъ хозяйствѣ, наблюдаютъ до нѣкоторой степени порядокъ и чистоту, занимаются домашней работою, до чего бѣлыя вовсе не охотницы; онѣ сильно привязаны къ дѣтямъ, и стараются приучая ихъ къ работѣ, доставить имъ независимое положеніе въ жизни. Мужу своему онѣ вѣрны, пока онѣ удовлетворяетъ ихъ тщеславію, и въ-особенности если онѣ съ нимъ не обвѣнчаны; онѣ боятся его равнодушія, и стараются привязать его къ себѣ постоянной покорностію, и вѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, чтобы отвлечь его отъ мысли, избрать себѣ другую подругу. Этотъ страхъ руководитъ всѣми ихъ поступками, и если только мужъ дастъ новыя платья, изрѣдка подаритъ

какую-нибудь цѣнную вещь и не скупится на нѣкоторыя удовольствія, то ему не найти болѣе приятной, веселой и вѣрной подруги жизни, какую найдетъ онъ себѣ въ живой, никогда не унывающей, терпѣливой и заботливой мулаткѣ. По этому онъ скорѣе составятъ счастье европейца средняго состоянія нежели бѣлыя, которыя болѣею частью весьма притязательны, и, при богатствѣ, считаютъ свое согласіе на бракъ съ иностранцемъ за особенную милость, которая должна его осчастливить на всю жизнь.

Мулаты имѣютъ многія качества женщинъ своей расы и особенно страсть къ вышнему блеску и къ сближенію съ бѣлыми, но онъ къ этому присоединяетъ еще особенныя качества, которыя хотя и встрѣчаются въ женщинахъ, но менѣе замѣтны въ нихъ. Къ хорошимъ сторонамъ его относится способность къ различнымъ искусствамъ, легкость въ усвоеніи познаній, наблюдательность и въ-особенности мимическіе таланты. Большая часть мулатовъ имѣютъ красивый почеркъ, что довольно рѣдко между неграми; читаютъ съ выраженіемъ и съ толкомъ; съ искусствомъ играютъ на нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментахъ, напр. на скрипкѣ, гитарѣ и цимбалахъ, кромѣ того вообще хорошіе игроки въ карты; но во всѣхъ своихъ страстяхъ они столь же неистовы, и чувственны, какъ и черные. Объ истинной нравственности они рѣдко имѣ-

ютъ ясное понятіе; они стремятся къ своей цѣли, но въ выборѣ средствъ для достиженія ея бываютъ очень неразборчивы. Ихъ считаютъ вообще людьми ненадежными, лицемерными, себялюбивыми, въ случаѣ оскорбленія злопамятными, мстительными, а при удобномъ случаѣ и жестокими.

Въ обхожденіи съ посторонними они любезны и предупредительны, кажутся всегда готовыми къ услугамъ, но никогда не забываютъ прежде всего подумать о себѣ, и изъ каждаго затруднительнаго положенія своего ближняго извлечь для себя какъ можно болѣе выгоды. Во время одной изъ моихъ поѣздокъ, передній мулъ палъ, и я долженъ былъ дожидаться на дорогѣ, пока не придутъ изъ сосѣдняго селенія люди съ носилками; одинъ мулатъ вызвался тотчасъ доставить мнѣ все необходимое, съ условіемъ, распоряжаться наймомъ людей. Сынъ мой безпрекословно согласился, и желалъ только поскорѣе получить помощь. Впослѣдствіи я узналъ, что мой услужливый мулатъ далъ бездѣлицу на водку четыремъ неграмъ, которые меня несли, а носилки досталъ даже даромъ, между-тѣмъ какъ съ меня потребовалъ 5 милльрейсовъ, которые я ему немедленно и уплатилъ. Я упоминаю объ этомъ случаѣ, какъ объ новой чертѣ для характеристики мулатовъ; но долженъ прибавить, что и всякій бѣлый Бразилецъ вѣроятно

поступилъ бы совершенно также. Открытый обманъ встрѣчается рѣже, потому-что каждый держитъ, себя осторожно, но тайными выгодами, которыми можно воспользоваться подъ видомъ дружбы, мулаты и вообще Бразильцы никогда не пренебрегаютъ. Когда я хотѣлъ продать свой дорожный экипажъ, сдѣлавшійся для меня неудобнымъ, ко мнѣ не являлся ни одинъ покупатель, пока я самъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ; но когда я поручилъ мулату обдѣлать это съ тѣмъ чтобы все, вырученное имъ, свыше опредѣленной суммы, будетъ раздѣлено между нами пополамъ, то карета была продана черезъ нѣсколько дней. Онъ устроилъ дѣло такъ, что излишекъ доходилъ только до 10 милльрейсовъ, и по видимому получилъ 5 милльрейсовъ барыша; между-тѣмъ соотечественники мои увѣряли меня, что онъ получилъ по-крайней-мѣрѣ 25 — 30 милльрейсовъ свыше назначенной мною цѣны, потому-что такимъ незначительнымъ барышомъ, какъ 5 милльрейсовъ, мулатъ никакъ бы не удовольствовался. Подобныя порученія они исполняютъ охотно, успокоивая совесть тѣмъ, что довѣритель долженъ быть доволенъ получивъ удовлетвореніе въ своемъ требованіи, и что все излишне-вырученное, по всѣмъ правамъ должно принадлежать имъ, такъ-какъ онъ не ожидалъ получить болѣе. Можетъ-быть и въ Европѣ

найдутся и некоторые услужливые комисіонеры, которые, поступая такъ, нисколько не воображая, что они этимъ обманываютъ своего поручителя, но въ сущности поступокъ ихъ все-таки остается обманомъ. Однакоже: *mundus vult decipi, ergo decipiatur*. Немногіе мулаты не признали бы этого выраженія своимъ принципомъ, еслибы знали его, потому-что не самаго обмана боятся они, а только разглашенія его. Пока все скрыто, обманъ не есть преступленіе; такъ думаютъ не только въ одной Бразиліи, но и во всемъ новомъ свѣтѣ.

При безпристрастномъ взглядѣ на условія и положеніе дѣлъ въ Южной Америкѣ, скоро приходишь до убѣжденія, что не столько патріотизмъ, сколько эгоизмъ былъ главною причиною смѣлыхъ возстаній противъ деспотизма метрополіи. Подъ вліяніемъ требовательной, корыстолюбивой, часто жестокой администраціи, каждый былъ лишаемъ тѣхъ выгодъ, которыя предоставлялъ новый свѣтъ своимъ обитателямъ. Уже въ самыхъ древнихъ пришельцахъ, *конквистадорахъ*, мы видимъ только измѣну, жестокость, насиліе и эгоизмъ; исторія ихъ, несмотря на всѣ геройскіе подвиги, соединенные съ ней, остается ужаснымъ, презрѣніи достойнымъ фактомъ. Все, что власть и сила встрѣчали на пути, все было ниспровергаемо, и только съ помощію насилія, грабежа, крови и

труповъ, завоеватели завладѣли роскошными полями нынѣшнихъ европейскихъ поселеній. Когда такими путями авантюристъ утвердился въ новомъ свѣтѣ, за нимъ явилось правленіе метрополи, и стало отнимать у него тѣ выгоды, которыми онъ началъ пользоваться послѣ усиленныхъ трудовъ, или неимовѣрныхъ лишеній. У него отнимали его золото, облагали его алмазы огромными пошлинами, и отправляли ихъ потомъ какъ регалии, въ королевскія сокровищницы; ему препятствовали въ дешевомъ удовлетвореніи его потребностямъ, заставляя его получать европейскіе товары только изъ метрополи, и наконецъ ограничили его собственный сбытъ, дозволивъ вывозить мѣстныхъ произведеній только въ метрополию. Когда наконецъ пробудилось ясное сознаніе такого насилія, колонія отпала отъ метрополи; жестокими битвами она отстаивала свою независимость, но не возвысилась этимъ до гуманности, и у себя начала примѣнять ту систему насилія и угнетенія, которой прежде подвергалась. Каждый сталъ стремиться поживиться на счетъ общества; то что считалъ онъ прежде позволительнымъ, относительно своекорыстнаго и жестокаго управленія, то началъ считать дозволеннымъ относительно своихъ согражданъ. Никто не рѣшался отказаться отъ вошедшей въ нравы привычки къ обману и насилію. Сильный имѣетъ право на все, въ чемъ не можетъ ему препятство-

вать слабый, это правило осталось въ американскихъ колоніяхъ основнымъ закономъ общества, и останется имъ до тѣхъ поръ, пока общество не очистится само собою. Рабство, различіе расъ, вліяніе богатства, все это не исчезнетъ въ американскомъ обществѣ до тѣхъ поръ, пока оно не усвоитъ себѣ истинной республиканской добродѣтели Бруга, той добродѣтели, которая въ высшей степени строга къ самой себѣ. Въ настоящее же время никакая сила не будетъ въ состояніи уничтожить въ Америкѣ торгъ людьми.

III.

ТРОПИЧЕСКІЙ ПЕРВОБЫТНЫЙ ЛѢСЪ.

Съ чѣмъ можно сравнить изумленіе Европеѣца, привыкшаго къ шуму городовъ, при видѣ священной вѣковой рощи, въ которой живутъ вмѣстѣ существа различнаго рода, — человѣкъ, животное и растеніе въ ихъ первобытномъ состояніи. Тысячелѣтія прошли, не оставивъ слѣда, и умъ отказывается здѣсь вѣрить въ исторію человѣчества.

Не всѣ явленія представляемая тропическими странами одинаково отрадны; многія тяжелы, непріятны, даже отвратительны. Человѣкъ вступающій въ борьбу съ природой, ежеминутно, не размышляя о послѣдствіяхъ, о будущемъ, употребляетъ прежде всего тѣ средства, которыя вѣрнѣе и легче приводятъ его къ цѣли. По этому всюду въ окрестностяхъ европейскихъ поселеній, путешественникъ встрѣчаетъ сначала только

разрушеніе; глазъ его, не привыкшій еще къ подобнымъ сценамъ, видитъ всюду слѣды разоренія. Здѣсь передъ нимъ жалкая пашня, съ разбѣянными по ней обугленными пнями деревьевъ, съ сѣрой почвой, рѣзко отдѣляется отъ лѣса съ его роскошною растительностью; тамъ крутой дикій обрывъ, покрытый колючимъ кустарникомъ, между которыми мѣстами выдаются старыя, полузасохшія, частью еще покрытыя листьями вершины деревьевъ, а рядомъ съ нимъ по другую сторону ручья, простирается нетронутая, густая, лѣсная чаща. Куда ни помотришь, вездѣ видишь слѣды красоты, какъ послѣдній остатокъ минувшихъ, лучшихъ временъ, и впечатлѣніе, производимое видомъ этихъ разоренныхъ лѣсовъ, высохшихъ деревьевъ, истощенныхъ луговъ, заброшенныхъ пашень, развалившихся бѣдныхъ жилищъ, слабо осѣняемыхъ скудными, полузасохшими бананами, все это такъ жалко, такъ бѣдно, въ сравненіи съ нетронутыми, роскошными, лѣсными чащами, что путешественникъ невольно видитъ себя разочарованнымъ въ своихъ ожиданіяхъ. Съ замираніемъ сердца вступаешь опять въ страну, и не нашелъ въ ней до сихъ поръ ни одной изъ тѣхъ величественныхъ, роскошныхъ, возвышенныхъ и вдохновляющихъ картинъ, которыя ожидалъ встрѣтить.

Но природы во всей красотѣ ея нужно искать не

тамъ, гдѣ поселился человѣкъ. Пользуясь ею для своихъ надобностей, онъ разоряетъ ее; только при разившейся потребности къ эстетическому наслажденію, онъ начинаетъ ее беречь, украшать и искусственно облагороживать. Приятно впечатлѣніе, производимое чистымъ, изящнымъ англійскимъ паркомъ, но оно неизмѣримо разнится отъ поразительнаго чувства, возбуждаемаго первобытнымъ тропическимъ лѣсомъ; между ними не можетъ быть никакого сравненія. Всего что служить украшеніемъ сада, порядка, изящества, чистоты, нѣтъ въ первобытномъ лѣсу; — здѣсь во всей природной суровости выступаетъ все дикое, суровое величіе природы. Чтобы гармонировать съ этой дѣвственной природой, нужно самому быть грубо и неприхотливо одѣтымъ. Неприятно видѣть оборваннаго нищаго, въ чистомъ, красивомъ паркѣ, но не менѣе неприятнымъ показался бы въ дикомъ первобытномъ лѣсу, какой-нибудь элегантнѣйшій денди, на манежномъ конѣ. И тотъ и другой одинаково дисгармонируютъ съ окружающей ихъ обстановкой.

Трудно выразить всѣ чувства, охватывающія мыслящаго наблюдателя, при входѣ въ первобытнѣйшій лѣсъ. Влажный воздухъ, пропитанный особеннымъ запахомъ растений, пріятно освѣжаетъ его, но сырая, грязная, часто совершенно покрытая водой тропинка, производитъ неприятное впечатлѣніе, и невольно за-

ставляетъ покрѣпче сидѣть въ сѣдлѣ. Кругомъ тишина; не слышно ни одного звука; только шлепаніе по грязи лошадиныхъ ногъ нарушаетъ таинственность лѣснаго сумрака, да изрѣдка стая попугаевъ, занятыхъ щелканьемъ орѣховъ на вершинахъ деревьевъ, замѣтивши путешественника улетаетъ съ громкимъ крикомъ, подобно стаѣ воронъ. Одинокимъ видѣть себя путникъ среди окружающей его природы, лишь изрѣдка, долетитъ до него незнакомый, неприятный голосъ птицы, или какое-нибудь испуганное животное быстро перебѣжитъ его дорогу; уединеніе, въ которомъ онъ находится, наводитъ на серьезные мысли; погруженный въ самага себя, невольно размышляетъ онъ о величій и могуществѣ силъ природы, являющихся передъ нимъ во всей своей ихъ красотѣ. Въ нѣмомъ благоговѣніи предъ этимъ дикимъ величіемъ, исполненный чувствомъ истиннаго наслажденія, я съ изумленіемъ глядѣлъ на гордыхъ колоссовъ первобытнаго лѣса; съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ тихой радости и умиленія, смѣнившимъ первое впечатлѣніе, я всё болѣе-и-болѣе любовался мракомъ, окружавшимъ меня. Ни съ какимъ другимъ чувствомъ не могу я лучше сравнить мои впечатлѣнія, въ тѣнистыхъ лѣсахъ Бразиліи, какъ съ тѣмъ, которое овладѣвало мною въ соборахъ Кельна, Магдебурга, Парижской Богоматери или Уэстминстера; тамъ я видѣлъ передъ собою выс-

шее произведеніе человѣческаго искусства; здѣсь меня окружала полвая таинственности, дѣятельность живыхъ силъ природы въ исполинскихъ проявленіяхъ ея.

Напрасно сталъ бы я стараться, велерѣчивымъ описаніемъ, возбудить въ душѣ читателя испытанныя мною ощущенія; ихъ можно чувствовать, а не описывать. Здѣсь мы можемъ только описать особенности тропическаго первобытнаго лѣса, сравнительно съ лѣсами умѣреннаго пояса. Не ищите здѣсь того гармоническаго сумрака, къ которому мы привыкли въ нашихъ лѣсахъ, на примѣръ въ свѣжихъ, зеленыхъ березовыхъ рощахъ, или въ вѣковыхъ дубовыхъ или наконецъ въ темныхъ, хвойныхъ лѣсахъ. Въ моемъ описаніи я постараюсь передать видимое выраженіе таинственнаго сумрака тропическаго лѣса, и прослѣдить его особенности на столько, сколько потребно для яснаго уразумѣнія его характера. Если я этого достигну, то предоставляю читателю, судить о тѣхъ чувствахъ, которыя могутъ быть возбуждены въ душѣ зрителя; съ своей же стороны я буду при случаѣ обращать особенное вниманіе читателя на такія стороны, которыя безъ моего указанія прошли бы можетъ-быть незамѣченными.

Уже издали тропическій лѣсъ производитъ впечатлѣніе, совершенно отличное отъ общаго характера лѣсовъ умѣреннаго пояса. Въ нашихъ странахъ

гдѣ лѣсъ состоитъ преимущественно изъ какой-нибудь одной породы деревьевъ, общее выраженіе его, несмотря на различіе въ величинѣ отдѣльныхъ деревьевъ, принимаетъ всегда нѣкоторый извѣстный характеръ; по опушкѣ, такъ же какъ и по цвѣту лѣсной чащи, вскорѣ можно различить, видишь ли передъ собой березовый, дубовый или хвойный лѣсъ, и уже заранѣе уяснить себѣ весь его особенный характеръ. Не таково впечатлѣніе, производимое лѣсами тропическаго пояса; ни по очертаніямъ вершинъ деревьевъ, ни по цвѣту зелени, невозможно вывести заключенія о составѣ лѣса, потому-что въ составныхъ частяхъ его нѣтъ никакого однообразія. Здѣсь одно дерево выдается выше другихъ, тамъ легкая и свѣтлая вершина, возвышается надъ цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ, непроницаемыхъ деревьевъ, ее окружающихъ. Мѣстами острия пирамиды выступаютъ изъ общей массы зелени, далѣе тѣлятся другъ къ другу широкія, плоскія, едва выдающіяся верхушки. Съ приближеніемъ къ лѣсу разнообразіе его еще болѣе возрастаетъ; одна верхушка кажется темно-зеленой, другая сѣрой, какъ-бы запыленной, третья уже издали блещетъ яркимъ бѣлымъ цвѣтомъ, четвертая свѣтло-зеленая, пятая желтая, шестая даже красная. Такимъ-образомъ съ приближеніемъ къ лѣсу, возрастаетъ и многочисленность его видоизмѣненій; все яснѣе-и-яснѣе выступаютъ но-

вые отличія, и сколько прежде было замѣтно различныхъ очертаній, столько теперь является различныхъ цвѣтовъ. Вскорѣ глазъ пріобрѣтаетъ возможность и различать характеръ образованія листьевъ и деревьевъ и разнообразіе увеличивается еще болѣе. Тогда вся гармонія совершенно исчезаетъ; на одномъ деревѣ видишь нѣжные, перистые, на другомъ большіе, широкіе листья; то они зеркально гладки, то тусклы и покрыты тонкими волосками. Большую частью только одна сторона имѣетъ этотъ особенный волосаной покровъ; когда вѣтеръ играетъ листьями, цвѣтъ зелени измѣняется, смотря по тому которой стороною, нижней ли свѣтлой, или верхней тусклой, оборачиваются листья. Свѣтлый, желтый или розовый цвѣтъ происходитъ не отъ листьевъ, а отъ цвѣтовъ. Весьма странно видѣть то желтыя, то красныя деревья среди зеленыхъ; сравнительно съ этими деревьями украшенными яркими цвѣтами, являющимися во всей роскошной красотѣ своей, прочія деревья кажутся какъ-бы дремлющими и недѣятельными. И въ нашемъ поясѣ мы съ удовольствіемъ видимъ весною цвѣтную одежду, если не лѣсовъ, то по крайней мѣрѣ садовъ нашихъ; но нашъ глазъ привыкаетъ видѣть одновременное цвѣтеніе всѣхъ деревьевъ, одинаковымъ бѣлымъ цвѣтомъ. По этому насъ тѣмъ болѣе поражаетъ отдѣльное цвѣтущее дерево между множествомъ отцвѣтшихъ. Привыкшіе къ нашимъ

однообразно-окрашеннымъ лѣсамъ, мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія объ этомъ странномъ явленіи, не выдавши его въ дѣйствительности.

Таковъ истинный и въ высшей степени отличительный характеръ каждаго тропическаго лѣса, сущность котораго зависитъ не только отъ листьевъ и вершинъ, но въ то же время отъ стволовъ и вѣтвей, потому-что онъ основывается на разнородности породъ деревьевъ. Нѣтъ ни одного растенія, которое бы являлось здѣсь въ массѣ ему подобныхъ, всѣ перемѣшаны между собою самымъ пестрымъ образомъ, и если мѣстами встрѣчаются группы стволовъ однородныхъ растеній, то это болѣею частью отпрыски одного стараго ствола, поднявшіеся изъ корней его. Такъ можно иногда встрѣтить группы *пальмъ* и нѣкоторыхъ другихъ *одноствольныхъ* растеній; но большія, *двуствядольныя* деревья почти всегда попадаютъ въ лѣсу поодиначкѣ. Нашедши дерево какой нибудь породы, рѣдко можно встрѣтить по близости другой экземпляръ той же породы, такъ сильно они перемѣшаны; это уже видно изъ того, какъ самыя разнообразныя по виду и величинѣ деревья, перепутываются между собою своими тонкими и толстыми стволами. Если мѣстами возвышается старый, толстый стволъ, 6-ти и болѣе футовъ въ діаметрѣ, то можно быть увѣреннымъ, что близъ него не встрѣтится второй, подобный ему; онъ какъ-бы

завоевалъ себѣ эту область, и допускаетъ близъ себя только низшія формы. Деревья, окружающія его, вообще весьма тонки и слабы; нѣкоторыя изъ нихъ и даже бѣльшая часть, не стоятъ отдѣльно, но прилоняются другъ къ другу, и соединяются вершинами съ своимъ большимъ сосѣдомъ. Далѣе стволы дѣлаются нѣсколько толще, они стоятъ отдѣльно; за ними уже слѣдуютъ огромныя деревья въ 1—2 фута въ діаметрѣ. Въ такомъ порядкѣ деревья идутъ далѣе, измѣняясь въ толщинѣ, пока не покажется снова какой-нибудь старій исполинъ и, подобно первому, не уничтожитъ вокругъ себя всѣ крупныя породы. Различіемъ толщины стволовъ, еще не оканчивается разнообразіе деревьевъ; оно простирается на листья, сучья, словомъ на всѣ части дерева, такъ-какъ каждое маленькое дерево, не есть отпрыскъ большаго, но экземпляръ совершенно отдѣльной породы. Тропическій лѣсъ есть смѣсь тысячъ деревьевъ, различныхъ породъ и формъ; между-тѣмъ какъ у насъ деревья лѣса различаются только по возрасту и величинѣ.

При всемъ своемъ разнообразіи, деревья первобытнаго лѣса не лишены съ другой стороны и нѣкоторой наружной однородности. Станнымъ кажется видѣть почти одинаковую высоту какъ самыхъ тонкихъ, такъ и самыхъ толстыхъ деревьевъ, поддерживающихъ на своихъ мощныхъ стволахъ относительно малыя верши-

ны. Особенность эта кажется столь же странною, какъ и разнообразіе въ образованіи листьевъ, дающее возможность легко отличать вершины различныхъ деревьевъ, несмотря на одинаковую высоту и почти одинаковый видъ. Причина этого свойства лѣса вскорѣ дѣлается ясною, если обратить вниманіе на близость стволовъ, растущихъ тѣсно другъ возлѣ друга. Давленіе вѣтвей одного дерева на другое препятствуетъ распространенію ихъ; деревья стремятся въ высоту, и стараются достигнуть верхней границы лѣса, единственнаго мѣста, въ которомъ они могутъ пользоваться свѣтомъ, и свободно раскидывать свои листья. Такимъ-образомъ объясняется не только относительно чрезвычайное возвышеніе ствола, но и незначительное развитіе вершины, вслѣдствіе близости множества деревьевъ стремящихся къ той же цѣли. Первобытній лѣсъ получаетъ отъ этого характеръ какъ-бы малолетности, несмотря на исполинскую свою величину. Кажущаяся низкость деревьевъ удивляетъ гораздо болѣе, нежели дѣйствительная величина ихъ, и наводитъ на мысль, что наши старые дубы, широко раскидывающіеся своими вѣтвями и вершинами, выше этихъ исполиновъ тропическаго лѣса, превосходящихъ однакоже стволы нашихъ дубовъ, вдвое въ толщину, и втрое или вчетверо въ вышину. Стволы деревьевъ первобытнаго лѣса, при одинаковой толщинѣ, постоя-

но бываютъ гораздо длиннѣе нашихъ и имѣютъ относительно меньшую вершину. Оба эти условія приводятъ въ заблужденіе глазъ наблюдателя, придавая всему дереву характеръ слабого и тонкаго растенія, хотя отдѣльно взятое, каждое изъ нихъ будетъ толще самаго огромнаго дуба нашихъ странъ.

Вслѣдствіе этого разнообразія трудно точно опредѣлить дѣйствительную толщину стволовъ первобытнаго лѣса, и еще труднѣе вѣрно опредѣлить ихъ вышину. Къ этому нужно присоединить еще то, что лѣса различныхъ мѣстностей показываютъ большое разнообразіе въ этомъ отношеніи. На горныхъ отлогостяхъ возвышающихся на 2000—3000 ф. надъ уровнемъ моря, никогда не встрѣчаются такія толстыя огромныя деревья, какъ въ вязкой тинистой почвѣ долинъ, по берегамъ большихъ рѣкъ, русло которыхъ лежитъ только на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ океана. Впечатлѣніе производимое лѣсомъ много зависитъ отъ того, какого рода лѣсъ мы видимъ въ первый разъ; вслѣдствіе этого, впечатлѣнія испытываемыя наблюдателемъ весьма различны, и нерѣдко приходится испытывать какъ удивленіе такъ и разочарованіе. Такъ лѣсистая мѣстность близъ Ріо де Жанейро, на склонахъ *Корковадо* (Corcovado) и *Тижукка* (Tijuca), принадлежащая къ области первобытныхъ лѣсовъ, растущихъ на высотахъ, далеко не производитъ того впечатлѣнія,

которое производитъ густой лѣсъ, растущій близъ устьевъ безчисленныхъ рѣкъ, изливающихся въ море, между Ріо-де-Жанейро и Багіа. Въ этихъ мѣстахъ тропическій первобытный лѣсъ достигаетъ колоссальнѣйшаго своего развитія, и только здѣсь можно вполне почувствовать все величіе его.

Во многихъ описаніяхъ приходится встрѣчать весьма много преувеличенныхъ рассказовъ о толщинѣ стволовъ тропическихъ деревьевъ. Я нигдѣ не встрѣчалъ стволовъ, которыхъ прямой поперечникъ превосходилъ бы 5—6 футовъ; большая часть огромныхъ стволовъ имѣютъ толщину между 3—4 футами, и за средній діаметръ большей части деревьевъ можетъ быть принята толщина въ 2 фута. Я разумью подъ этимъ толщину дерева въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, тамъ гдѣ стволъ принимаетъ видъ настоящаго цилиндра, а не непосредственно надъ почвой, гдѣ опускающіеся въ грунтъ корни придаютъ самому нижнему концу ствола звѣздообразную форму. Здѣсь конечно стволы могутъ имѣть въ діаметръ отъ 18—20 футовъ, но было бы ошибочно принимать эту толщину за толщину древеснаго ствола. Не всѣмъ деревьямъ свойственны такіе огромные корни, но большая часть и именно самыя высокіе имѣютъ ихъ, что производитъ поразительное впечатлѣніе. Высокіе, кверху суживающіеся, подобно стволу покрытые потрескавшеюся корою, эти

огромныя подпоры поднимаются изъ земли, утолчаясь прислоняются къ стволу, какъ-бы нарочно поставленные заботливымъ строителемъ для поддержки этой башни и звѣздообразно окружаютъ нижній конецъ ствола въ числѣ 7, 8, 10. Эти корни имѣютъ треугольную форму и очень ясно видны въ разрѣзѣ срубленнаго дерева. Возвышаясь на 6 — 10 футовъ надъ землею, они образуютъ родъ пещеръ или комнатъ, не рѣдко доставляющихъ путнику убѣжище отъ дождя, принимая подъ свою кровлю не только человѣка, но и лошадь.

Изъ неоднократныхъ наблюденій я убѣдился, что эти подпоры суть ничто иное какъ корни, съ возрастомъ дерева всё болѣе-и-болѣе поднимающіеся изъ земли. На молодыхъ деревьяхъ они являются въ видѣ толстыхъ круглыхъ наростовъ, въ незначительномъ разстояніи отъ почвы; въ послѣдствіи они дѣлаются выше, остроугольнѣе. Съ утолщеніемъ ствола и корни достигаютъ большей высоты, толщина ихъ при этомъ хотя и увеличивается, но не въ такой же пропорціи. При сравненіи различныхъ деревьевъ можно убѣдиться, что корни не углубляются въ землю по мѣрѣ возрастанія дерева, но удерживая первоначальное свое положеніе, они приобрѣтаютъ болѣе крѣпости и утолщаются особенно вверху. Каждый новый древесный слой, образуемый деревомъ на этихъ корняхъ,

всё болѣе-и-болѣе поднимаетъ ихъ изъ земли, потому-что нарастающіе подъ корою слои ложатся преимущественно на верхней сторонѣ корня, къ свѣту. Корень ограничиваемый внизу весьма небольшимъ пространствомъ, въ слѣдствіе сосѣднихъ, по бокамъ его растущихъ, корней, вверху не встрѣчаетъ никакого препятствія; онъ стремится своею древесною массою туда, куда стремится цѣлое дерево, чтобы воспользоваться благодѣтельнымъ вліяніемъ свѣта, теплоты и другихъ атмосферическихъ условій, благоприятствующихъ прозябанію растеній. То же самое можно наблюдать на деревьяхъ нашихъ лѣсовъ, хотя не столько на ихъ корняхъ, сколько на стволѣ, годовые слои древесины бываютъ обыкновенно на южной сторонѣ сильнѣе нежели на сѣверной, потому-что дѣйствіе солнца на стволъ способствуетъ развитію древесины. Эти причины должны еще сильнѣе обнаруживаться на корняхъ, у которыхъ одна сторона совершенно не подвержена вліянію солнечнаго свѣта, въ-особенности если дерево, по своимъ свойствамъ, находится въ большой зависимости отъ дѣйствія солнца, что особенно можетъ быть отнесено къ тропическимъ деревьямъ, на которыхъ отвѣсно падающіе лучи солнца вообще сильно дѣйствуютъ. Вѣроятно на этомъ основаніи, *ходульные растенія* составляютъ столь обыкновенное явленіе въ тропическихъ стра-

нахъ. Въ этомъ случаѣ дерево вовсе не касается почвы нижнимъ концомъ ствола, но поддерживается надъ землею толстыми корнями, которые утолщаясь и удлинняясь постепенно подняли его изъ земли. Мы впоследствии будемъ имѣть случай ближе рассмотреть этотъ родъ растений, весьма свойственный лѣсамъ Бразиліи.

Повыше толстыхъ корней, свойственныхъ во всемъ большимъ старымъ деревьямъ первобытнаго лѣса, стволъ принимаетъ цилиндрическую форму и тогда только достигаетъ своего настоящаго діаметра. На нѣкоторомъ пространствѣ онъ почти неизмѣнно удерживаетъ эту толщину и поднимается подобно искусственному столбу совершенно перпендикулярно, какъ бы вытянутый по шнуру до высоты 50, 60, иногда 80 и даже 100 футовъ. По всей этой длинѣ, онъ только незначительно уменьшается въ толщину; каждый стволъ вверху почти такъ же толстъ какъ и внизу, неровности бываютъ на немъ только тогда, когда удержались слѣды старыхъ отпавшихъ вѣтвей. На концѣ стволъ раздѣляется на нѣсколько толстыхъ сучьевъ, которые сначала идутъ болѣе вертикально нежели горизонтально, поднимаясь на значительное пространство безъ развѣтвленія, и уже впоследствии даютъ отъ себя отпрыски. До сихъ поръ дерево все еще остается лишеннымъ листьевъ; даже главныя

вѣтви ихъ не имѣютъ и стремятся болѣе вверхъ, нежели въ сторону. Образование листьевъ начинается тамъ, гдѣ главные сучья раздѣляются на меньшія вѣтви, листва дѣлается кверху гуще и постепенно образуетъ небольшую, шарообразную вершину, въ высшей части которой, зелень листьевъ достигаетъ наибольшаго и полнѣйшаго своего развитія. Въ отдѣльно стоящихъ деревьяхъ случается, что вершина раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, но во внутренности лѣса она постоянно сохраняетъ нераздѣльный, даже неживописный видъ, весьма мало разнообразящийся частными, хотя нерѣдко весьма значительными, видоизмѣненіями листьевъ. Какъ стволы несмотря на значительное разнообразіе деревьевъ, все прямо стремятся въ вышину, отличаясь между собою только толщиной и свойствомъ коры, такъ и все вершины одинаково густы, сжаты, малы и не соответствуютъ высотѣ дерева. Но однако можно замѣтить нѣкоторыя отличія, въ ихъ очертаніяхъ, однѣ имѣютъ видъ плосковыпуклый, другіе болѣе кругловыпуклый, пирамидальный или цилиндрической, не рѣдко также встрѣчаются весьма большія различія въ листьяхъ.

Если на основаніи этихъ данныхъ мы захотѣли бы составить себѣ ясное понятіе объ общемъ видѣ деревьевъ первобытнаго лѣса, то мы должны были бы опредѣлить взаимныя отношенія частей дерева. Для

этого мы должны знать, какую часть цѣлаго составляютъ корни, сколько приходится на стволъ, на безлиственные вѣтви, на вершину, и выразить эти отдѣлы численными отношеніями. Совершенно вѣрной нормы подходящей ко всѣмъ случаямъ конечно нельзя представить, но на основаніи моихъ наблюденій, мнѣ кажется что довольно вѣрно можно раздѣлить дерево на 10 равныхъ частей, изъ которыхъ 1 часть приходится на корни, 6 частей на стволъ, 1 часть на безлиственный отдѣлъ вѣтвей и 2 части на листовую вершину. Положимъ, что цѣлое дерево имѣетъ высоту въ 160 футовъ, тогда 16 футовъ приходилось бы на корни ствола, 96 футовъ на гладкій стволъ, 16 футовъ на вѣтви ниже вершины и 32 фута на листовую вершину. При этомъ нужно принять во вниманіе, что оба верхніе отдѣла, по причинѣ высоты, на которой они находятся отъ наблюдателя, кажутся значительно меньше, нежели въ дѣйствительности; вершина дерева по видимому меньше трети высоты ствола, если даже въ дѣйствительности и равняется ей. Въ моемъ раздѣленіи показано дѣйствительное, а не кажущееся отношеніе между отдѣлами, потому что вершина дерева въ сущности гораздо больше, нежели кажется снизу.

Наконецъ упомянемъ еще объ томъ замѣчательномъ обстоятельстве, что деревья первобытнаго лѣса имѣютъ далеко не одинаковую высоту; многія изъ

нихъ вмѣстѣ съ верхушками стоятъ подъ листовымъ сводомъ большихъ деревьевъ, и никогда не поднимаются выше. Стволъ такихъ деревьевъ всегда бываетъ тоньше чѣмъ у большихъ, и они не имѣютъ ни толстыхъ корней, ни густыхъ вершинъ, но зато превосходятъ большія деревья красотой и относительной длиной ствола. Эти низкія деревья имѣютъ относительно длиннѣйшіе и тончайшіе стволы. Я измѣрилъ одно изъ нихъ въ 3—4 дюйма толщины, и нашелъ его длиною въ 31 футъ, что составляетъ безпримѣрное отношеніе для нашихъ лѣсовъ. Вершина такого тонкаго стройнаго дерева естественно должна имѣть мало сучьевъ и весьма нѣжную, прозрачную зелень, никогда не соединяющуюся въ густую верхушку; въ общемъ видѣ она похожа на цвѣтную метелку, а все растеніе напоминаетъ собою колось, который не долго простоялъ бы прямо, въ открытомъ полѣ, если бы множество сосѣднихъ колосьевъ не подпирали и не поддерживали бы его. Таковы же и эти тонкія, нѣжныя, лѣсныя деревья, число которыхъ безспорно преобладаетъ между деревьями первобытнаго лѣса. Въ прямомъ положеніи они поддерживаются только близстоящими толстыми деревьями; лѣсъ составленный изъ однихъ тонкихъ деревьевъ непременно былъ бы помятъ бурями, подобно хлѣбной пивѣ, колосья которой не могутъ устоять отъ напора дождей и вѣтра.

Теперь мы знаем видъ отдѣльныхъ деревьевъ тропическаго первобытнаго лѣса, но этого не достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производитъ его внутренность. Внутренность первобытнаго лѣса не есть простое сборище деревьевъ, подобно внутренности нашихъ лѣсовъ; это въ высшей степени пестрая смѣсь самыхъ разнообразныхъ растеній, опутывающихъ стволы, и скрывающихъ наибольшую часть ихъ отъ глаза наблюдателя. Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ этой смѣси самыхъ разнородныхъ видовъ растеній, придающихъ особенный характеръ тропическому первобытному лѣсу, необходимо подвести ихъ подъ нѣкоторую норму и подвергнуть каждое отдѣльному разсмотрѣнію. Только тогда можно будетъ представить себѣ видъ первобытнаго лѣса.

Всѣ растенія первобытнаго лѣса, по различному своему строенію, и по мѣсту въ которомъ растутъ, могутъ быть раздѣлены на четыре большія группы. Двѣ изъ нихъ состоятъ изъ древовидныхъ растеній, остальные группы заключаютъ въ себѣ травянистыя растенія. Первые растенія распадаются на *самостоятельныя* и на ползущія растенія. Последнія не способны сами по себѣ удерживаться въ воздухѣ; онѣ извѣстны въ Бразиліи подъ общимъ названіемъ Сіро, въ другихъ мѣстахъ называются ліанами. *Травы первобытнаго лѣса*

растутъ или на деревьяхъ, и носятъ довольно неточное названіе *паразитныхъ растеній*, или прозябаютъ на почвѣ подъ деревьями. Ихъ можно назвать *почвенными травами*, въ отличіе отъ растеній воздушныхъ, растущихъ на деревьяхъ и получающихъ питаніе изъ атмосферы. Такъ-какъ только эти четыре, существенно отличныя, категоріи растеній первобытнаго лѣса попадаютъ почти всюду, распредѣляясь впрочемъ различно, смотря по мѣстности, то они и обуславливаютъ съ одной стороны безконечное разнообразіе тропическаго лѣса, а съ другой стороны придаютъ ему тотъ въ высшей степени оригинальный видъ, которымъ они отличаются отъ лѣсистыхъ мѣстностей нашихъ странъ.

Приступая къ ближайшему разсмотрѣнію этихъ категорій, начнемъ съ большихъ деревьевъ, составляющихъ существенную и главнѣйшую часть первобытнаго лѣса; при этомъ мы не будемъ описывать общаго впечатлѣнія, производимаго ихъ наружнымъ видомъ. Все, что было сказано до сихъ поръ о растительномъ характерѣ тропическаго лѣса, относится исключительно къ этимъ отдѣльнымъ деревьямъ. Но мы еще не знаемъ что это собственно за деревья, какія имѣютъ особенности, и къ какимъ группамъ растительнаго царства принадлежатъ; намъ извѣстно только что они представляютъ весьма значительныя отличія по величинѣ, виду, по образованію ствола и

листьевъ. И такъ дѣло въ томъ, чтобы подробнѣе опредѣлить эти различія. Эта задача весьма трудна, потому-что разнообразіе необыкновенно велико. Читатели мои не будутъ требовать отъ меня подробнаго описанія, которое не могъ бы составить специалистъ-ботаникъ, потому-что только небольшая часть деревьевъ первобытнаго лѣса известна въ ботаникѣ. Непреодолимые затрудненія являются при ихъ изученіи, на каждомъ шагу; едва есть возможность достаточно изучить какое-нибудь отдѣльное дерево, а не деревья цѣлаго лѣса, при ихъ огромномъ разнообразіи; такъ на-примѣръ: какъ достать листья, высоко поднимающіеся надъ головой?—влѣзть на верхъ по толстому стволу невозможно, срубить его еще труднѣе, сорвать вѣтку, также не легко, потому-что самая нижняя изъ нихъ виситъ на высотѣ 100 футовъ надъ почвой; развѣ поднять какой-нибудь сучокъ оторванный бурей. Но какая отъ него польза! цвѣтовъ на немъ нѣтъ, плодовъ тоже нѣтъ, а если и есть, то нѣтъ цвѣтка, которой одинъ можетъ дать вѣрное понятіе о родѣ и видѣ дерева? Такія и подобныя имъ трудности, дѣлаютъ невозможнымъ точнѣйшее изслѣдованіе деревьевъ первобытнаго лѣса. Изъ нихъ изслѣдованы тѣ, плоды, цвѣты и листья которыхъ по счастливому случаю попадали въ руки путешественника, но наибольшее число известно столь же мало, какъ и въ первыя

времена открытія Америки. Только низкія травы и кустарники доступны наблюдателю, отъ изученія же большихъ лѣсныхъ деревьевъ онъ собственно долженъ отказаться.

Итакъ говоря о деревьяхъ бразильскихъ лѣсовъ, я могу упомянуть только о нѣкоторыхъ изъ нихъ; о наибольшей же части долженъ буду умолчать; — я могу только сказать, что въ лѣсныхъ мѣстностяхъ тропическаго пояса, не встрѣчаются ни дубъ, ни букъ, ни береза, ни ольха, ни осина, ни тополц, ни пвы, но что вмѣсто ихъ вы увидите здѣсь древовидныя крапивныя растенія (*уртицеи*), фиговые деревья, лавры, стручковые растенія (*легуминозы*) клены, мирты, мальвы и нѣкоторыя семейства, исключительно свойственныя тропикамъ, какъ то: терпентинныя, жасминныя деревья, душистые кедры, бомбацеи, стеркуліацеи, меластомы, гуттиферы и пальмы. Ни одной настоящей сосны, почти ни одного хвойнаго дерева не растеть въ этомъ поясѣ. Единственное хвойное дерево Бразилии, прекрасная *Araucaria brasiliана*, имѣетъ плоскіе ланцетовидные листья; она гораздо легче узнается по плодамъ и стволу, нежели по листьямъ, и кро-мѣ того никогда не растеть въ области самыхъ глубокихъ, густыхъ лѣсовъ, на берегахъ большихъ рѣкъ. Въ этихъ лѣсахъ только весьма немногіе деревья отличаются большими, замѣтными листьями, большин-

ство же имѣть тонкую, красивую и вмѣстѣ съ тѣмъ твердую и темную листву, и вершины ихъ по наружному виду не представляютъ никакой рѣзкой особености. По причинѣ высоты, на которой находятся листья, форма ихъ рѣдко можетъ быть хорошо размотрѣна, кромѣ-того различныя вершины такъ спутаны между собою, что въ большей части случаевъ трудно одновременно видѣть стволъ и вершину дерева; всюду между ними тѣснятся различныя растенія, и дѣлаютъ почти невозможнымъ обзоръ его. Весьма ошибся бы тотъ, кто думалъ бы встрѣтить много особеннаго въ листьяхъ, сучьяхъ или въ свойствахъ коры тропическихъ деревьевъ; напротивъ, въ этихъ частяхъ онъ встрѣтилъ бы много похожего на свойства нашихъ деревьевъ и развѣ замѣтилъ бы только, что кора даже самыхъ толстыхъ деревьевъ, разорвана гораздо менѣе нежели кора нашихъ старыхъ дубовъ или березъ. Это зависитъ отъ большей сочности дерева, большей упругости ткани, и отъ того что самая кора тропическихъ растеній, почти никогда не бываетъ слишкомъ толста и тверда. Растенія тропическаго пояса не нуждаются для нѣжнѣйшихъ слоевъ, находящихся непосредственно подъ корою дерева, въ той прочной защитѣ, которая необходима растеніямъ нашего измѣнчиваго, холоднаго и суроваго климата. Ибо не «въ сердцевинѣ заключается жизненная сила ствола», какъ прекрасно но не вполне справедливо

выразился поэтъ, сердцевина дерева такъ же мертва, какъ и кора, а подъ нею въ слабѣйшей, нѣжнѣйшей части дерева — *лубъ*, обнаруживается живѣйшая дѣятельность растительной силы многолѣтняго растенія. Вотъ почему сѣверныя деревья имѣютъ толстую, твердую, вязкую, разорванную кору, южныя же тонкую, упругую и гладкую.

Однакоже нѣкоторыя растенія очень замѣтны; они невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе путешественника, и будучи свойственны бразильскимъ лѣсамъ будутъ нами описаны. Таково замѣчательное *горшечное дерево* (*Lecithis Ollaria*), часто встрѣчаемое въ лѣсахъ лѣсистой полосы, по берегамъ большихъ рѣкъ, недалеко отъ ихъ впаденія въ море. Еще не видя дерева, можно заключить о его близости по большимъ горшкообразнымъ скорлупамъ его плодовъ, валяющимся на пути и имѣющимъ очень большое сходство съ четырехугольными каменными банками, въ которыхъ обыкновенно отпускается изъ аптекъ мазь. Каждая такая банка или кувшинъ, имѣетъ высоту около 5 и ширину около 3 дюймовъ, и снабжена на одномъ концѣ круглымъ отверстіемъ, величиною съ монету въ два талера, закрытымъ плоскою крышкою на подобіе пробки. Въ этомъ плодѣ находятся большія, употребляемая въ пищу сѣмена, въ родѣ миндаля, выпадающія во время зрѣлости, и на-

ходимыя подъ деревьями подобно желудямъ. Горшечное дерево, называемое Бразильцами Сарисаја, принадлежитъ къ числу самыхъ огромныхъ и мѣстами самыхъ обыкновенныхъ деревьевъ бразильскаго первобытнаго лѣса. Толстый стволъ этого дерева составляетъ хорошій, крѣпкій, строительный матеріалъ; довольно толстая, кора его перерабатывается въ паклю, а плодъ его составляетъ всюду, въ-особенности же у туземныхъ индѣйцевъ, лакомую пищу. Зеленъ его не имѣетъ ничего особеннаго; листья величиною почти въ кисть руки, овально сердцевидны, жестки, на концахъ завиты; бѣлые цвѣты висятъ кистями, но не достигаютъ особенной величины. Горшечное дерево принадлежитъ къ семейству *миртъ*.

— По близости съ нимъ растетъ другое исполинское дерево, *Bertholletia excelsa*, также изъ семейства *миртъ* но менѣе общезвѣстное, потому-что распространено болѣе въ сѣверныхъ частяхъ Бразиліи. Оно извѣстно подъ названіемъ *Tuca* или *Iuvia* и доставляетъ орѣхи, которые поступаютъ въ продажу; во время цвѣтенія оно ярко блеститъ прекрасными, золотожелтыми цвѣтами, висящими большими кистями. Опавшіе листья этого дерева далеко разносятся по землѣ, и покрываютъ узкую лѣсную тропинку. Семейство *миртъ* выступаетъ съ особенною роскошью въ южно-американскихъ тропическихъ лѣсахъ; вмѣстѣ съ сходными

съ нимъ твердолиственными *лавровыми деревьями* (*лауринеями*), оно составляетъ одно изъ самыхъ характеристическихъ растений въ этихъ лѣсахъ. По твердости своей, по короткостебельчатымъ, простымъ, сплошнымъ листьямъ, по густому цвѣту хотя и маленькихъ, но многочисленныхъ, яркихъ, душистыхъ цвѣтовъ, оно существенно способствуетъ величественной простотѣ и суровой красотѣ первобытнаго лѣса. По исчисленію опытнаго ботаника, ф. Мартіуса, группы *миртъ* и *лавровъ* имѣютъ въ Южной Америкѣ до 1000 разныхъ видовыхъ отличій.

Если лавровыя и миртовые деревья привлекаютъ путешественника величиною ствола, спокойнымъ твердымъ положеніемъ листьевъ, душистымъ запахомъ цвѣтовъ, а нѣкоторые и употребительностью плодовъ, то напротивъ того *жасминныя растенія* (*Bignoniaceae*) и *меластомы* особенно поражаютъ его необыкновенной красотой покрывающихъ ихъ цвѣтовъ. Издалека виднѣются уже эти растенія, покрытыя сплошь красными цвѣтами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и привлекаютъ къ себѣ взоры путешественника еще болѣе, нежели исполинскіе стволы *Bertholletia* или *Lecythis*. Они принадлежатъ не къ самымъ высокимъ деревьямъ лѣса, а образуютъ высшій кустарный лѣсъ, нѣкоторыя же, именно *жасминныя растенія*, принадлежатъ къ ползучимъ растеніямъ, *Cipos*, которыя

не могут поддерживаться самостоятельно. Цвѣтокъ послѣднихъ представляетъ длинную, конусовидную, двулопастную трубку, болѣе яркаго нежели пріятнаго, краснаго или оранжево-желтаго цвѣта; цвѣты эти образуютъ густыя кисти, рѣзко и ярко выдающіяся изъ темной зелени. Къ членамъ этого обширнаго семейства принадлежитъ также *бутылочное дерево* (*Crescentia Cujete*), большіе дыневидные плоды котораго доставляютъ индѣйцамъ, а въ цивилизованныхъ странахъ и чернымъ, всевозможную посуду, бутылки, кружки, банки и чашки, изъ которыхъ они обыкновенно пьютъ и ѣдятъ. Каждый невольникъ носитъ обыкновенно съ собою на поясѣ такой сосудъ, *сије*, сдѣланный изъ плода разрѣзаннаго пополамъ и во время обѣда накладываетъ въ него кушанье. Еще красивѣе бигоній *меластомы*, въ-особенности же извѣстныя во всей Бразиліи *рексіи*, называемыя здѣсь *Quaresimas*. Это деревья средней величины, но стройнѣе низкихъ толстоствольныхъ *Crescentia*, голые сучья и стволы которыхъ густо покрыты большими бутылевидными плодами, видимыми уже издалека, и производящими самое странное впечатлѣніе. Все въ стройныхъ *рексіяхъ* оригинально и привлекательно, кора, листья, и въ-особенности ихъ необыкновенно-красивые цвѣты. Совершенно прямо, какъ-бы вытянутые по ниткѣ, поднимаются кверху ихъ нѣжные, тонкіе

стволы, выпуская вѣтви въ равныхъ разстояніяхъ изъ противоположныхъ сторонъ ствола. Длинные овальные листья ихъ расположены по парно на противоположныхъ сторонахъ вѣтви, имѣя отъ 3 — 5 толстыхъ жилокъ выходящихъ изъ основанія, и весьма жесткій, иглистый волосяной покровъ, напоминающій своими изогнутыми концами ткацкую чесалку, и употребляемый цвѣтными красавицами, за недостаткомъ туалетныхъ гребней, для расчесыванія волосъ. Какъ у насъ сукончикъ употребляетъ чесалку, такъ точно хорошенькая бразильская мулатка употребляетъ листь кварезимы для расчесыванія своихъ черныхъ, нѣсколько волнистыхъ, блестящихъ и умягченныхъ жиромъ волосъ. И если удалось ей съ помощію жесткаго листа придать имъ желаемый лоскъ и должную гладкость, то она убираетъ свою хорошенькую головку прелестными цвѣтами, и нарядившись, увѣренная въ успѣхъ, лукаво выглядываетъ изъ окна, быстро прячась какъ только проходящій мимо замѣтитъ ее, кокетливо усиливая впечатлѣніе, произведенное прекраснымъ, быстро мелькнувшимъ, но оставшимся въ воспоминаніи явленіемъ. Туалетъ простъ и средства къ нему подъ рукой; у дверей, въ саду, въ лѣсу растутъ гребни, блестятъ цвѣты, составляющіе головной уборъ цвѣтной красавицы, когда она вечеромъ отправляется на балъ въ батуку, и нельзя отрицать,

она действительно умѣетъ ими пользоваться. Цвѣты кварезимы по величинѣ не болѣе талера, только у нѣкоторыхъ видовъ они бываютъ нѣсколько менѣе и рѣдко болѣе; 5 сердцевидныхъ вѣнчиковыхъ лепестковъ, 10 пыльниковъ, имѣющихъ странный видъ острія стрѣлы и прекраснѣйшій пѣжнѣй карминовокраснѣй цвѣтъ, съ разнообразными оттѣнками, составляютъ принадлежность этихъ цвѣтовъ. Цѣлыми группами висятъ они на концахъ вѣтвей, образуя длинныя кисти въ одинъ футъ и болѣе. Особенно красиво то, что въ нихъ цвѣты расположены довольно просторно, и ясно различаются одинъ отъ другаго. Часто впечатлѣніе, производимое на меня этими чудными цвѣточными кистями, было такъ непреодолимо, что я подѣзжалъ и срывалъ ихъ, украшая ими себя какъ жениха. Чернѣйшій спутникъ мой посмѣивался надъ моею сентиментальностью, и полагалъ что меня назовутъ дуракомъ, но я не въ силахъ былъ преодолѣть себя. Срывая вѣтку я сожалѣлъ только о томъ, что такой прелестнѣйшій букетъ не имѣетъ никакого запаха, какъ къ сожалѣнію весьма многіе цвѣты троническаго пояса.

Весьма значительно увеличиваютъ густоту лѣса стручковыя растенія или *леуминозы*. Здѣсь появляются деревья всѣхъ видовъ и величины, начиная отъ испанскаго лѣснаго дерева, и до самаго низкаго кустарника, такъ что изъ всѣхъ ползучихъ растеній они яв-

ляются въ наибольшемъ распространеніи. Тонкость ихъ перистой листвы, извѣстная намъ по *акаціямъ* и *милозамъ*, достигаетъ часто поразительной пѣжнѣности, и удивительно отдѣляется отъ толстыхъ, гладкихъ, частью весьма большихъ, но преимуществу только однопарныхъ листьевъ *кассій*, или даже отъ полусросшихся, какъ-бы раздвоенныхъ листьевъ *баугиній* (*Bauhinia*), ползучихъ растеній съ прекрасными желтыми цвѣтами, столь часто попадающимися путешественнику въ первобытныхъ лѣсахъ. Не имѣя особенно большаго значенія для первоначальныхъ обитателей новаго свѣта, не знавшихъ до европейскаго переселенія употребленія бобовъ, гороху или чечевицы, леуминозы Америки образуютъ однакоже весьма важный отдѣлъ растительнаго царства. Дерево ихъ доставляетъ въ настоящее время столь же важный строительный и красильный матеріалъ, какъ ихъ смолы, важное, частью уже извѣстное индѣйцамъ, цѣлебное вещество. Одно изъ самыхъ твердыхъ деревьевъ въ Бразиліи есть *Prauna* (*Melanoxylon Brauna*), темнѣйшій цвѣтъ котораго подходитъ почти подъ цвѣтъ чернаго дерева. Въ твердости оно уступаетъ развѣ только дереву *Aroeira* растущему въ лѣсахъ Бразиліи, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ растеніемъ *Prauna*. Всѣмъ извѣстна красная краска *фернамбуковаго* дерева (*Caesalpinia echinata*), которому Бразилія обя-

зана своимъ именемъ; она получается изъ внутренности большаго дерева съ колючею корою, которое много способствуетъ украшенію лѣсовъ своей отчизны. Еще прекраснѣе коралловыя, цвѣтныя кисти, великолѣпной *Erythina corallodendron*, первоначально росшей только у опушки лѣсовъ, но теперь часто употребляемой на дорожные плетни. По жесткимъ колючимъ игламъ своихъ молодыхъ вѣтвей, оно представляетъ непроницаемую преграду, для повсюду бѣгающихъ домашнихъ животныхъ. Въ зимнее время листья дерева опадаютъ, и путешественникъ, считавшій его уже высохшимъ, поражается вдвойнѣ, видя его весною покрывающимся сначала великолѣпными цвѣтами, а потомъ большими листьями. Стволъ старыхъ деревьевъ, выполненный мягкой сердцевинной, обыкновенно раздувается въ видѣ бочки, чѣмъ еще болѣе увеличиваетъ достопримѣчательность этого растенія. Еще красивѣе всѣхъ этихъ большихъ стручковыхъ деревьевъ, являются тонколиственные кустарныя растенія изъ того же семейства, съ своими лопчатоперистыми листьями, у которыхъ жилки и стебельки тѣснятся между собою такъ же, какъ и вѣтви. Листья эти усажены коротенькими колючками, которыми вездѣ цѣпляются за платье, царапаютъ руки и лицо, и несмотря на необыкновенную наружную привлекательность, составляютъ въ лѣсу весьма непріятное со-

сѣдство. Не разъ такой кустъ акацій срывалъ съ меня шляпу, и заставлялъ меня слѣзать въ глубочайшую грязь, а иногда и тащиться по ней нѣсколько шаговъ. — Между бальзамными деревьями изъ семейства стручковыхъ растеній, свойственными лѣсамъ Бразиліи, особеннаго вниманія заслуживаетъ *копеевое дерево* (*Copaifera officinalis*). Оно довольно велико, доставляетъ кромѣ смолы, вытекающей изъ ствола его, еще годное для употребленія красноватое дерево, подобное дереву бука, имѣетъ 3-хъ и 4-хъ перистые листья, длиною въ 1 дюймъ и маленькіе бѣлыя цвѣточки.

Я слишкомъ удалился бы отъ общаго обозрѣнія, еслибы сталъ такимъ же образомъ описывать, всѣ сколько-нибудь извѣстныя растенія, характеризующія тропическій первобытный лѣсъ. Не вдаваясь въ подробности, я напому о томъ, что здѣсь не растутъ лучшіе и полезнѣйшіе деревья разводимые въ Европѣ. Здѣсь встрѣчается *кедровое дерево* (*Cedrela odorata*), близко подходящее къ высоко цѣнному *махагоніеву дереву* (*Swietenia*). Кедровое дерево часто употребляется для внутреннихъ украшеній домовъ и отличается своимъ пріятнымъ запахомъ. Какъ матеріаль для сигарныхъ ящиковъ, дерево это извѣстно почти всякому и въ Европѣ. Сюда же принадлежитъ и прекрасное темное *якарандовое дерево*, вошедшее въ послѣднее вре-

мя въ большое употребленіе; оно принадлежитъ къ семейства легуминозъ (*Nissolia Cabiana*), растущихъ болѣе въ сухихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ внутренности страны, и по этому съ трудомъ можетъ быть доставляемо къ берегу. Большая часть растений первобытнаго лѣса принадлежитъ впрочемъ къ семействамъ тропическаго пояса, представителей которыхъ нѣтъ въ нашихъ странахъ; между-тѣмъ какъ инныя группы тропическихъ растений являются и въ сѣверныхъ странахъ, хотя въ весьма жалкомъ, искаженномъ видѣ. Между послѣдними особенно замѣчательно семейство *красивныхъ растений* (уртицей), и такъ-какъ къ нему принадлежитъ самое оригинальное дерево бразильскаго первобытнаго лѣса, то я не могу здѣсь умолчать о немъ. Это *канделабровое дерево*, называемое Бразильцами *имбауба* (по другимъ ам—или эмбауба), между-тѣмъ какъ ботаническое названіе его—*Сесгорія*. Прямой вытянутый стволъ, измѣняющійся по толщинѣ отъ толщины руки до толщины бедра, съ гладкой сѣрой корой, поднимается до высоты 40—60 футовъ, и оканчивается вверху весьма открытой, сучковатой вершиной, на которой висятъ немногія группы большихъ листьевъ, похожихъ на листья каштановъ. Вѣтви вершинъ расположены на одинаковой высотѣ кругомъ ствола, внизу по 5—6, вверху по 3—4 рядомъ, тамъ длиною отъ 10—20, здѣсь только 4—5 фу-

товъ. Молодыя деревья еще не имѣютъ вѣтвистыхъ отпрысковъ, а только по концамъ большія, густыя массы листьевъ. Чѣмъ старше дерево, тѣмъ болѣе листовыхъ поясовъ стоятъ другъ надъ другомъ, хотя мнѣ никогда не удавалось видѣть болѣе пяти. При столь большомъ числѣ нижнія вѣтви являются также съ отпрысками, которые всѣ собираются на концѣ вѣтви, образуя здѣсь снова маленькіи красивыи зонтикъ. Если вслѣдствіе такого лучистаго, неполнаго расположенія, вершина кажется жидкою и слабою, то нижній конецъ ствола кажется также очень странымъ. Онъ поднимается на простыхъ, тонкихъ, ходулевидныхъ корняхъ на высоту 2—3 ф. надъ землею. Съ удивленіемъ глядишь на это высокое растеніе съ широкой вершиной, поддерживаемое такими легкими подпорами и думаешь, что оно будетъ сломано первымъ порывомъ вѣтра. При ближайшемъ изслѣдованіи, стволъ однакоже оказывается столь же легкимъ и воздушнымъ, какъ и все дерево; потому-что сверху до низу онъ пустъ и образуетъ непрерывную естественную трубу, стѣнки которой имѣютъ въ толщину только отъ 1—2". Бразильцы хорошо умѣютъ пользоваться этимъ свойствомъ дерева; они употребляютъ стволъ его на водопроводныя трубы, столь необходимыя въ ихъ странѣ, покрытой холмами. Эти трубы, искусно сплоченныя и положенныя длин-

ными рядами на высоких подставках, тянутся по узким долинам къ далекимъ домамъ, гдѣ выливаютъ приносимую ими воду въ особенно устроенные бассейны. Такъ-какъ дерево ствола не очень твердо, то оно всасываетъ въ себя много воды, которая на наружной поверхности трубы испаряется, чрезъ это остальная вода постоянно холодна, удобство котораго не доставляютъ металлическія трубы. Въ бразильскихъ лѣсахъ встрѣчается множество различныхъ видовъ *имбаубъ*, смотря по мѣстности въ которой расположенъ лѣсъ. Въ низкихъ лѣсистыхъ долинахъ встрѣчаются высочайшіе, но не самые красивые имбаубы; здѣсь растетъ только *Cecropia consolor*, листья которой достигаютъ объема листа папки и съ обѣихъ сторонъ окрашены зеленымъ цвѣтомъ. Въ высшихъ мѣстахъ на склонахъ горъ находится *Cecropia palmata*, съ маленькими волокнистыми листьями серебристаго цвѣта на нижней сторонѣ. Присутствіе этихъ деревьевъ непріятно Бразильцу, потому-что онѣ служатъ признакомъ неплодоносной почвы.

Въ окрестностяхъ Нью-Фрейбурга, лежащаго на 2000 футовъ надъ уровнемъ моря, я имѣлъ удобный случай изучать оба вида этого дерева, которое здѣсь часто встрѣчается. Большія группы старыхъ и молодыхъ деревьевъ изъ этого семейства разбросаны по лѣсамъ около дорогъ, или по склонамъ горъ, и пред-

ставляютъ богатый матеріалъ для одновременнаго наблюденія различныхъ возрастовъ этого страннаго растенія. Молодые деревья съ виду нѣсколько некрасивы; ихъ тонкій стволъ, толщиною 1—2 дюймовъ имѣетъ вверху вѣнокъ изъ 6—8 листьевъ, который скоро раздвигается, потому-что дерево растетъ чрезвычайно быстро. Въ одинъ годъ оно достигаетъ высоты 10 футовъ, причемъ на вершинѣ постоянно нарастаютъ новые листья, между-тѣмъ какъ нижніе старые опадаютъ, оставляя на стволѣ слѣды своего существованія, въ видѣ рубчиковъ. Каждый листъ до распусканія заключенъ въ длинное влагалище, краснаго цвѣта; когда эта оболочка разрывается, то выходящій молодой листъ имѣетъ прекрасный розовато-желтый цвѣтъ, похожій на цвѣтъ зарн. Скоро листъ расширяется, дѣлается темнѣе, черезъ нѣсколько времени принимаетъ оливково-зеленый цвѣтъ, потомъ чисто свѣтло-зеленый; наконецъ сбрасываетъ съ себя оболочку, сдѣлавшуюся къ этому времени сухой и привявшую бурый цвѣтъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока дерево не дойдетъ до высоты 20—30 футовъ; стволъ его тогда достигаетъ толщины здоровой, мужской руки, и большіе девятипалчатые листья принимаютъ размѣръ листа бумаги. Только въ это время, на нѣкоторомъ разстояніи ниже вершины, начинаютъ появляться первыя вѣтви; онѣ образуютъ вкругъ ствола

пяти- и шестилучистый пояс и выходить изъ него въ видѣ толстыхъ коническихъ отростковъ, изъ которыхъ каждый развивается совершенно такъ же, какъ вершина ствола. Между-тѣмъ какъ конецъ ствола продолжаетъ расти вверхъ, вѣтви распространяются въ стороны; когда разстояніе вѣтвистаго пояса отъ вершины дерева сдѣлается равнымъ нѣсколькимъ фут., то около вершины образуется второй поясъ, обыкновенно заключающій въ себѣ одной вѣтвью меньше. Это придаетъ всему растенію видъ канделябра и оправдываетъ названіе *канделяброваго дерева*, даннаго ему европейскими переселенцами. Такимъ образомъ имбауба поднимается всё болѣе-и-болѣе, до значительной высоты; стройный стволъ ея, сохраняющій на нѣкоторое время слѣды опавшихъ листьевъ, въ видѣ широкихъ поперечныхъ треугольниковъ, украшается развѣсистой прозрачной вершиной; нижнія вѣтви вершины въ свою очередь покрываются на концахъ новыми маленькими поясами, пестрая смѣсь различныхъ цвѣтовъ (розоваго на свѣжихъ листовыхъ оболочкахъ, оранжеваго на молодыхъ листьяхъ, на старыхъ зеленаго съ верхней стороны и серебристаго на нижней), еще болѣе возвышаетъ всю странность впечатлѣнія, производимаго на Европейца этимъ чуднымъ растеніемъ. Цвѣтовъ на немъ не видно, они малы и принадлежатъ къ разнополымъ, какъ у многихъ видовъ *уртицей*. У

хлѣбнаго дерева, фиговаго, шелковичнаго дерева, плема и вяза, изъ которыхъ два послѣдніе имѣютъ своихъ представителей въ нашихъ странахъ. Цвѣты имѣютъ маленькія серѣжки, въ родѣ тѣхъ какія встрѣчаются у травовидныхъ крапивъ, и образуютъ вѣтвистые стебельки, густо покрытые мужскими или женскими цвѣтами, изъ которыхъ послѣдніе во время зрѣлости даютъ маленькіе, едва замѣтные, плоды въ родѣ орѣховъ. Для меня, какъ зоолога, имбауба имѣла еще особенный интересъ, какъ дерево доставляющее главнѣйшую пищу *львивцу*, этому странному животному, обязанному своимъ именемъ, медленности своихъ движеній, вѣроятно впрочемъ много преувеличенной въ разсказахъ. На множествѣ *цекроній*, которыхъ я видѣлъ, я не могъ къ сожалѣнію замѣтить ни одного изъ этихъ животныхъ, точно также какъ напрасно старался достать себѣ въ Бразиліи живаго львивца. Съ приближеніемъ челоуѣка, животное, уходитъ въ глубь лѣсовъ, въ-особенности такое какъ львивецъ, мало способный спастись отъ преслѣдованій, приготовляемыхъ ему скорѣе одною безцѣльною забавою охотника, нежели дѣйствительною употребительностью его шкуры или мяса. Бразилецъ стрѣляетъ не съ тѣмъ чтобы излечь какую-нибудь пользу изъ добычи, а болѣе для забавы,

Въ южно-американской лѣсной растительности *имбаубы* являются самыми характеристическими деревьями, исключительно только ей принадлежащими. Первобытный лѣсъ *цекроній* такая же принадлежность Южной Америки, какъ лѣсъ хлѣбныхъ деревьевъ принадлежность Австраліи; какъ тѣ такъ и другія составляютъ характеристическій признакъ своихъ лѣсовъ. Южная Америка обладаетъ еще однимъ, въ высшей степени характеристическимъ видомъ уртицей, еще болѣе нежели *Сесгорія*, приближающимся къ хлѣбному дереву (*Artocarpus*), и подобно ему болѣе разводимымъ близъ поселеній, нежели встрѣчающимся въ дикомъ видѣ въ первобытныхъ лѣсахъ, вѣчно пріютъ *цекроніи*; это *мамаовое* дерево (*Carica Papeaya*). Дерево это имѣетъ всѣ обыкновенныя свойства *имбаубы*, но не достигаетъ ихъ высоты, оно покрыто острыми листьями, совершенно сходными съ листьями *клещевиннаго кустарника* (*Ricinus*), и вмѣсто орѣховъ даетъ большіе дыневидные плоды, мякоть которыхъ хотя и не вполне вкусна, но прохладительна, и приправленная сахаромъ довольно пріятна. Дерево это можно встрѣтить въ садахъ всѣхъ бѣдныхъ людей Бразиліи, у богатыхъ оно встрѣчается рѣже. Оно было извѣстно первоначальному индійскому населенію, и было для него тѣмъ же, чѣмъ хлѣбное дерево для жителей острововъ Южнаго моря, при открытіи ихъ Ев-

ропейцами. До сихъ поръ еще *Мамао* растетъ передъ хижиной почти каждаго индѣйца.

Говоря о тропическомъ первобытномъ лѣсѣ, невозможно умолчать о *пальмахъ*, составляющихъ одно изъ лучшихъ его украшеній. Пальмы южной Бразиліи скрываются въ густотѣ лѣсовъ, или стоятъ отдѣльными группами въ равнинахъ. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, производимое этимъ растеніемъ, всегда великолѣпно и очаровательно, такъ-что въ этомъ отношеніи, ни одно растеніе не можетъ быть поставлено на ряду съ нимъ. Въ бразильскихъ лѣсахъ, посѣщенныхъ мною, пальмы образуютъ высшій кустарный лѣсъ; онѣ съ своими пушистыми вершинами, поддерживаемыми стройными стволами, распространяются подъ листовенною кровлею двусѣмянодобныхъ деревьевъ. Только мѣстами, на склонахъ горъ, или на берегахъ рѣкъ, выдаются онѣ изъ густоты вершинъ, покрывающихъ ихъ, не измѣняя общаго выраженія лѣса. Стволы ихъ не бываютъ очень высоки, и едва достигаютъ 40—50 футовъ; только въ изгородахъ, гдѣ онѣ поодипачкѣ насажены рукою человѣка, или пользуются особенно тщательнымъ уходомъ, онѣ достигаютъ значительнѣйшей высоты. Такова напримѣръ красивѣйшая пальма южной Бразиліи, великолѣпная *Масауба* (*Acrocomia sclerocarpa*); рѣже достигаетъ такой высоты, болѣе стройная пальма *Лици* или *Алици* (*Co-*

cos coronata), или замѣчательная по крутому положенію длинныхъ, твердыхъ листьевъ, пальма Andaja (*Attalea compta*). Последняя не достигаетъ такой значительной высоты, довольно неуклюжа по виду и даетъ плоды, величиной съ гусиное яйцо, которые употребляются въ пищу бѣднымъ населеніемъ, листья служатъ для покрывки хижины и для плетенія обыкновенныхъ соломенныхъ шляпъ, для негровъ. Напрасно стали бы искать этихъ гордыхъ пальмъ въ густыхъ лѣсахъ; онѣ выбираютъ себѣ особенныя мѣстности, и располагаются обыкновенно группами, не сбиваясь въ тѣсныя кучи.

Густая чаща первобытнаго лѣса, провинціи Рио де Жанейро заключаетъ въ себѣ только два вида пальмъ, замѣчательныхъ своею красотою, присутствіе которыхъ характеризуетъ различныя породы лѣса, потому что оба эти вида никогда не попадаютъ вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ есть *Astrocaryum Augi*; самая странная изъ пальмъ, какія я видѣлъ въ Бразиліи. Стволъ ея имѣетъ толщину отъ 6—8 дюймовъ, и рѣдко поднимается выше 20 футовъ; онъ состоитъ изъ поперечныхъ поясовъ, измѣняющихся въ толщинѣ; большая кустарная вершина въ 12—16 листьевъ, изъ которыхъ каждый достигаетъ въ длину отъ 7—8 футовъ и въ ширину 2-хъ футовъ, увѣнчиваетъ стволъ. Каждый листъ состоитъ изъ твердаго, трехграннаго,

срединнаго стебля, отъ котораго въ обѣ стороны идутъ продолговатые, ланцетовидные, жесткіе, весьма острые, внизу почти бѣлые листочки. Средняя жилка этихъ листочковъ, а еще болѣе стебель, покрыты черными, плоскими, весьма жесткими и острыми колючками, длиною въ 2—3 дюйма, которыя густо покрываютъ и углубленные, нижніе, широкіе пояса ствола, придавая всему растенію страшный видъ. Бразильцы всегда предостерегаютъ путешественника противъ этихъ колючекъ; они утверждаютъ, что раны ихъ ядовиты и трудно излечимы. Тѣмъ не менѣе дикіе индійцы дѣлаютъ изъ нихъ самое разнообразное употребленіе, такъ же какъ и изъ весьма твердаго, чернаго дерева ствола, изъ котораго они готовятъ свои длинные, пятифутовые луки. Эти прекрасныя пальмы встрѣчаются только въ самыхъ нижнихъ, густѣйшихъ и непроницаемыхъ лѣсныхъ областяхъ, на илѣ большихъ рѣчныхъ долинъ, гдѣ онѣ, соединенныя въ группы, пробиваются вверхъ сквозь пеструю смѣсь ползучихъ растеній, и достигаютъ вершинъ стоящихъ съ ними рядомъ деревьевъ. Гораздо стройнѣе, красивѣе, воздушнѣе, но зато и менѣе поразительнѣе, наружность другой пальмы, питательнаго *пальмито* (*Euterpe oleracea*), растущаго въ верхней лѣсной области на склонахъ горъ, на высотѣ 2—3,000 футовъ надъ поверхностью моря. Тамъ въ

прозрачной зелени болѣ рѣдкаго лѣса, возвышаются до 50 — 60 футовъ надъ вершинами кустарнаго лѣса, состоящаго преимущественно изъ *акацій*, *рексій* и *бамбуковъ*, стволы этой пальмы, толщиною въ руку. Они покрыты скудной, 8—12 лиственной вершиной, листья которой имѣютъ такое же строеніе какъ и у вышеописанной пальмы, но гораздо меньше по величинѣ, и листочки на срединномъ стеблѣ не такъ густо насажены. Ни одна часть этой пальмы не покрыта колючками, все на ней гладко и ровно, какъ въ *кокосовыхъ пальмахъ*; но подъ вершиною замѣчается расширеніе ствола длиною въ 2 фута, происходящее отъ другъ за другомъ расположенныхъ листовыхъ влагалищъ. Внизу при началѣ этого утолщенія помѣщается маленькая, открытая, цвѣточная или плодовая кисть, состоящая изъ круглыхъ ягодъ, величиною съ ружейную пулю. Въ періодъ зрѣлости эти ягоды бываютъ окрашены темно-фіолетовымъ цвѣтомъ, и содержать мучвистую, хотя и употребляемую въ пищу, но не вкусную мякоть. Гораздо вкуснѣе почка, заключающаяся во внутренности листовыхъ влагалищъ; всѣми любимая *пальмовая капуста*, которой растеніе обязано своимъ названіемъ *капустной пальмы*. Почка эта состоитъ изъ молодыхъ, еще свернутыхъ листьевъ, которые разрѣзываются поперекъ, и приготавливаются какъ спаржа. Кушанье это, имѣющее

смѣшанный вкусъ спаржи и свѣжаго грецкаго орѣха, весьма пріятно, и въ особенности правится европейцамъ, которые ѣдятъ его вмѣсто салата, холоднымъ.

Пальмито растетъ вмѣстѣ съ *цекропіями* и *рексіями* на склонахъ горъ, въ узкихъ, крутыхъ, горныхъ долинахъ, и служить вѣрнымъ признакомъ возвышенной лѣсной области, зато его нѣкогда нельзя встрѣтить въ нижнихъ, глубокихъ, лѣсныхъ равнинахъ, гдѣ вмѣстѣ съ *горшечнымъ* и *туковымъ* деревомъ, постоянно является пальма *аури*. Вмѣстѣ съ *пальмито* встрѣчаются обыкновенно еще два рода весьма замѣчательныхъ растеній, существенно обуславливающихъ собою общій характеръ лѣса и могущихъ служить характеристическимъ признакомъ верхней лѣсной области; — это *древовидные папоротники* и *исполнскія травы*. Ими мы заключимъ наше описаніе отдѣльныхъ почвенныхъ растеній первобытнаго лѣса. И тѣ и другія кажутся не велики сравнительно съ лѣсными исполинами, высокоствольными 100-футовыми листовыми деревьями; но онѣ все-таки выдаются достаточно, чтобы быть замѣтными, и въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ находятся, много способствуютъ особенностямъ впечатлѣнія, производимаго видомъ тропическихъ лѣсовъ. Кто съ ними не познакомился, тотъ не можетъ себѣ ясно представить тропическій лѣсъ.

Древовидные папоротники по наружному виду нѣсколько сходны съ пальмами. Тонкіе, стройныя, правильныя стебли ихъ, достигающіе высоты 15 — 20 футовъ, покрыты круглымъ, плоско выпуклымъ навѣсомъ изъ многоперистыхъ листьевъ, усаженныхъ чрезвычайно нѣжными, зазубренными листочками. Папоротники однакоже не имѣютъ большихъ цвѣточныхъ кистей, какъ пальмы; ихъ организація не достаточно совершенна для того чтобы производить цвѣтъ, только на нижней сторонѣ листьевъ виднѣются небольшія группы почти микроскопическихъ головокъ, въ которыхъ содержатся еще меньшія крупянки, а не настоящія сѣмена. Уже по этому самому, растенія эти принадлежатъ къ низшимъ не вполне организованнымъ породамъ растительнаго царства; стволъ ихъ не состоитъ изъ твердаго дерева и коры, а представляетъ скорѣе неполный, неправильный стебель, который можетъ быть употребленъ развѣ только для изгородей. Ни одно травоядное животное не употребляетъ въ пищу ихъ листья; ни одно млекопитающее, ни даже гусеница, не трогаетъ ихъ; все растеніе совершенно бесполезно. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, производимое имъ на наблюдателя, въ высшей степени поразительно. Каждый, не будучи даже ботаникомъ, чувствуетъ что что-то особенное имѣютъ въ себѣ эти столь же привлекательныя, сколько странныя де-

ревца. Никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произвелъ на меня первый древовидный *полиподій* (*Polypodium*), когда я вдругъ неожиданно увидалъ его передъ собою. Это было въ ущельи *Оранжевой* горы, около *Agoas compridas*, гдѣ я остановившись на пути, вечеромъ въ гостинницѣ, вышелъ прогуляться по окрестностямъ. Большое развѣсистое дерево на крутомъ берегу рѣки распространяло здѣсь свои широкія вѣтви и какъ-бы приглашало меня отдохнуть подъ его тѣнью; я сѣлъ и сталъ глядѣть на шумящую воду. Рѣка, въ устьѣ которой я еще третьяго дня проѣзжалъ на пароходѣ, имѣла здѣсь видъ небольшого ручейка. Въ это время увидѣлъ я внизу прекрасный, древовидный папоротникъ, свободно и полно распространявшій передо мною свой великолѣпный навѣсъ въ 10 футовъ шириною. Никогда еще не стоялъ я такъ близко къ подобному растенію, никогда не видалъ передъ собою такого высокаго (до 20 футовъ) ствола, столь правильно распукавашаго надъ собою свою красивую вершину. Какъ очарованный глядѣлъ я на это растеніе, первородное дитя земли; я думалъ о томъ отдаленномъ времени, въ которое стволы нынѣ погребенныхъ въ каменноугольныхъ пластахъ растеній, покрывали землю, и когда древовидные папоротники составляли лучшее, благороднѣйшее украшеніе первобытныхъ, роскошныхъ дѣ-

совъ. Теперь окруженный тысячами высшихъ, лучшихъ деревьевъ, папоротникъ скромно удаляется туда, гдѣ другія растенія не оспариваютъ у него мѣсто. Ибо не на роскошной почвѣ, не на плодоносныхъ черноземныхъ участкахъ растутъ древовидные папоротники; нѣтъ, туда они не смѣютъ заходить, потому что эти мѣста заняты другими большими деревьями; граціозный папоротникъ пускаетъ свои корни въ узкихъ каменистыхъ разсѣлинахъ, на твердой почвѣ, близъ журчащихъ ручьевъ, осѣняя своимъ прекраснымъ, прозрачнымъ навѣсомъ слабѣйшія травовидныя растенія, поселившіяся близъ него. Или если онъ не находитъ себѣ доступа къ крутому каменистому обрыву, то избираетъ свободное пространство между каменными глыбами, на берегахъ и въ руслахъ ручьевъ, пускаетъ здѣсь въ почву свои тонкіе, длинные корни, и распространяетъ надъ журчащею водою свою красивую зеленую кровлю. Но гдѣ бы онъ ни стоялъ, всегда онъ представляетъ въ высшей степени прекрасное явленіе, потому что онъ рѣдко появляется одишъ, а большей частью небольшими группами изъ нѣсколькихъ недѣлимыхъ, и я всегда съ восторгомъ рассматривалъ его красивое, изящное, и даже въ мельчайшихъ частяхъ вполне соразмѣрное строеніе.

Гораздо замѣтнѣе нежели скромно скрывающійся папоротникъ являются *исполискія травы* или *такуа-*

ры (*Bambusa Tagoara Mart.*), растущія въ той же лѣсной области. Вездѣ, гдѣ лѣсъ дѣлается нѣсколько рѣже, появляются и эти травы, образуя густые сноповидные кустарники, въ 30—40 футовъ высоты; на склонахъ гдѣ сходятся дорожки, они собираются составляя естественныя изгороди, которыя спускаются къ рѣкѣ и покрываютъ берега ея густымъ, непроницаемымъ тростникомъ. Спустившись къ берегу они не входятъ однако, подобно нашимъ тростникамъ, съ которыми вообще имѣютъ большое сходство, въ рѣку или даже въ мягкій береговой илъ; твердая почва необходима для нихъ. Какъ пріятно и поразительно появленіе этихъ исполинскихъ тростниковъ въ лѣсахъ Бразиліи, такъ оригинальны и особенности ихъ, обнаруживающіяся при изученіи отдѣльныхъ группъ. *Такуара* представляетъ собою исполинскую траву, съ неслыханнымъ разнообразіемъ. Толщина стеблей измѣняется отъ $1\frac{1}{2}$ —4 и даже 6 дюймовъ, между-тѣмъ какъ пустыя стебельчатая части, заключающіяся между двумя колѣнами, не показываютъ такого же большаго различія по длинѣ. Обыкновенное протяженіе интеродій (разстояній между колѣнами стебля) есть 1 футъ, длиннѣе $1\frac{1}{2}$ фута мнѣ не удалось видѣть, по-крайней-мѣрѣ они не часты, болѣе короткіе встрѣчаются только въ верхнихъ частяхъ стебля, гдѣ онъ значительно утончается. Цвѣтъ интеродій темно-зеленый, тусклый, но безъ шерохова-

тостей; поверхность ихъ тверда иногда какъ камень, потому-что содержитъ кремнеземъ; толщина ея около $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ дюйма; нижнія части нерѣдко бываютъ наполнены водою, въ нѣкоторыхъ попадаются кремнистые наросты, священный камень *табаширъ*, пользующійся большимъ почетомъ у бразильцевъ. На обыкновенныхъ стебляхъ средней толщины (1—2 дюйма), отъ узла нѣсколько выдающагося изъ ствола, поднимается листовое влагалище, обнимающее собою половину интернодіи и на концѣ переходящее въ узкій, длинный ланцетовидный листъ, величиною и видомъ похожій на наши тростниковые листья. Съ утонченіемъ стебля суживается и влагалище, но листъ удерживаетъ свою величину; только на верхнихъ тонкихъ концахъ, едва достигающихъ діаметра гусиного пера, онъ дѣлается меньше. Эти длинные тонкіе концы не могутъ уже стоять прямо, они сгибаются подъ тяжестью листовъ въ большія дуги, и располагаются на нижнихъ вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ, образуя большія крытыя аллеи, различной длины, распространяющіяся по различнымъ направленіямъ. Пробираясь въ глубокой грязи по скользкимъ горнымъ тропинкамъ, видишь надъ собою эти природныя крытыя аллеи и съ удивленіемъ глядишь на разнообразіе, съ какимъ онѣ распускаютъ свою зелень надъ дикою, заросшей, глухой тропинкой. Нижняя половина стеблей

средней толщины усажена вѣтвями, явленіе, не замѣчаемое нами въ нашихъ травахъ, и по этому приводящее въ изумленіе наблюдателя. Изъ каждаго узла подъ листовымъ влагалищемъ выходятъ вѣтви толщиной съ порядочную проволоку, однако тоньше гусиного пера; ихъ короткія интернодіи, заключенныя въ узкія листовыя влагалища, покрыты листьями расположенными по два въ рядъ. Съ перваго взгляда я принялъ маленькія вѣтви за листья и не мало удивился, нашедши на травѣ *folia composita*; но ближайшее изслѣдованіе скоро объяснило мнѣ эту кажущуюся странность. Сгруппированныя въ числѣ 10—20, вѣтви полукругомъ выходятъ изъ узла поочередно мѣняя направленіе вправо и влѣво, такъ же какъ и листья, отъ чего стебель кажется какъ-бы увѣшаннымъ попеременно то тамъ, то сямъ большими кистями.

Совершенно иное отношеніе, нежели въ главномъ стволѣ, представляютъ тонкіе и толстые стволы такуары. Послѣдніе, незначительные по числу, занимаютъ средину, и подобно копейнымъ древкамъ выдаются прямо изъ массы висящихъ стеблей. Вершина ихъ утончается быстрѣе и потому не перегибается; она стоитъ также прямо, какъ и весь стволъ. Изъ большихъ узловъ его выходятъ жесткія, частью нѣсколько раздутыя листовыя влагалища; но эти большія влагалища заключаютъ въ себѣ по маленькому

листу, длиною отъ 1—2 дюймовъ, вовсе не появляющемуся на верхней половинѣ стебля. Эти толстые стволы никогда не имѣютъ вѣтвей; они остаются постоянно прямыми, негибаемыми. Тонкіе стволы стоятъ на окружности снопа и чѣмъ болѣе наружу, тѣмъ бываютъ нѣжнѣе-и-нѣжнѣе, укорачиваясь въ той же степени; толщина ихъ измѣняется, начиная отъ толщины пальца и до толщины гусиного пера. На нѣжныхъ ихъ узлахъ расположены узкія листовыя влагалища, въ которыхъ листья впрочемъ не менѣе листьевъ на вѣтвяхъ стеблей средней величины; листья расположены попеременно справа и слѣва, какъ у послѣднихъ, но вѣтвей нѣтъ; организациа этихъ тонкихъ стволовъ способна только производить листья. Цвѣтовъ не могъ я открыть ни на одной такуарѣ, потому-что эти большіе тростники цвѣтутъ только поодиначкѣ и въ позднѣйшемъ возрастѣ. Бразильцы же никогда не даютъ имъ достигнуть этого возраста. Употребленіе ихъ въ Бразиліи чрезвычайно велико; изъ нихъ готовятъ циновки, употребляемыя на потолоки во внутренности комнатъ; для этого раскалываютъ по длинѣ жесткій стебель средней толщины, сплющиваютъ его и сплетаютъ. Изъ нихъ готовятъ также различныя корзины, и между прочимъ тѣ, въ которыхъ перевозятъ на мулахъ мѣшки съ кофе.

Такуары образуютъ не столько низкіи кустарниіи лѣсъ, сколько густые кустарники лѣсной почвы; они существенно способствуютъ непроницаемости нижней части первобытнаго лѣса, и однообразными кустами разрастаются въ той области, которая оставлена имъ среди множества древовидныхъ растеній, стремящихся кверху. Такимъ-образомъ онѣ образуютъ настоящій густой камышникъ на сухой почвѣ, и болотную растительность на высокихъ склонахъ горъ.

Все пространство въ чащѣ лѣса незанятое папоротниками и такуарамъ наполняется *второю категоріею древесныхъ растеній* первобытнаго лѣса, *несамостоятельными ползучими растеніями*, которыя вездѣ свѣшиваются съ вершинъ деревьевъ и такъ же выполняютъ пустоты въ верхнихъ частяхъ лѣса, какъ такуары наполняютъ его нижнее пространство. Весьма ошибочно было бы сравнивать эти оригинальныя растенія тропическихъ лѣсовъ, съ нашими вьющимися *площамми* или съ нашими ползучими *бобовыми, колокольчиковыми* и *хмелевыми растеніями*; въ цѣломъ онѣ имѣютъ съ ними весьма мало, а иногда и вовсе никакого сходства. Огромное семейство *ципосовъ* (*Cipos*) не состоитъ, подобно нашимъ ползучимъ травамъ, изъ однолѣтнихъ, зеленыхъ, сочныхъ, тонкихъ стеблей; оно представляетъ деревянистые, крѣпкіе, жесткіе и кажущіеся старыми, часто весьма твердые

стволы, толщиною по-крайней-мѣрѣ въ палець, а иногда и гораздо болѣе. Стволы эти вездѣ спускаются съ вѣтвей древесныхъ вершинъ въ видѣ шнурковъ, обручей и канатовъ, часто перепутываются и переплетаются между собою, но рѣдко обвиваютъ твердый стволъ дерева, подобно ползучимъ плющамъ нашихъ лѣсовъ и садовъ. Такія растенія хотя и существуютъ въ тропическихъ лѣсахъ, но они ничтожны въ сравненіи съ огромнымъ множествомъ ципосовъ, которые скорѣе подходятъ къ винограднымъ лозамъ, нежели къ плющу.

Ципосы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы красивыми и привлекательными; перепутанная, смѣшанная растительность ихъ производитъ непріятное впечатлѣніе, а неимовѣрное множество, въ которомъ они свѣшиваются съ вѣтвей дерева, невольно заставляетъ думать объ огромной тяжести, съ которою они давятъ его, угрожая ему паденіемъ, что дѣйствительно часто случается. Огромными кучами лежатъ они на землѣ подъ деревьями, въ видѣ толстыхъ свернутыхъ веревокъ, стараясь снова взобраться на другіе стволы, и опять пригнать собою къ землѣ молодыя деревья. Какъ-бы канаты, сплетенные изъ безлиственныхъ стволовъ, разнообразно изогнутыхъ и свернутыхъ, мѣстами покрытыхъ сучьями, окружаютъ они со всѣхъ сторонъ толстый главный

стволъ, не касаясь его; достигаютъ такимъ-образомъ его вершины и распространяются съ своими листьями уже тамъ, гдѣ самое дерево распускаетъ свои листья. Сначала такъ же нѣжное и слабое, какъ и молодое дерево, поднялось вмѣстѣ съ нимъ на высоту и ползучее растеніе; оно держалось на молодомъ деревѣ и вѣтвяхъ его своими нѣжными сучьями и воздушными корнями, и поднявшись съ нимъ на высоту, распространило по вѣтвямъ его свои переплетенные отростки. Съ развитіемъ и распространіемъ вѣтвей дерева шло распространіе и спутника его; ползучее растеніе, взбиравшееся сначала по древесному стволу, въ послѣдствіи отдѣляется отъ него, такъ-какъ старыя сучья разрываютъ прежніе корни, и зеленѣющій стебель ципоса все болѣе удаляется отъ ствола, пока свободно и безъ всякой поддержки не свѣсится съ верхней вѣтви. Между-тѣмъ онъ въ то же время пускаетъ новыя отпрыски, которыми обвиваетъ новыя вѣтви на вершинѣ дерева и укрѣпляясь такимъ образомъ все болѣе-и-болѣе между ближайшими вѣтвями, онъ переходитъ на вершину сосѣдняго дерева и виситъ между вѣтвями какъ слабо натянутый канатъ у акробатовъ. Мало-по-малу и другіе ципосы начинаютъ слѣдовать его примѣру; новое растеніе поднимается спирально по старому, встрѣчая на пути своемъ другое такое же растеніе, прикрѣп-

ляется къ нему нѣсколькими побѣгами, и наконецъ, послѣ множества извилинъ и изворотовъ, достигаетъ вершины дерева поддерживающаго ихъ всѣхъ. Такимъ образомъ навѣсъ всё болѣе-и-болѣе увеличивается, сгущается, дополняется свѣжими отпрысками, и наконецъ образуетъ такую частую сѣть, что нѣтъ никакой возможности прослѣдить его отдѣльно на значительномъ протяженіи, особенно когда молодые стебли и вѣтви покроятся мѣстами листьями, которые расширяясь надъ стеблями еще увеличатъ и безъ того уже непроницаемую густоту чащи, въ которую Европейцу ни за что не проникнуть. Съ изумленіемъ глядитъ пораженный путешественникъ на эту окружающую его со всѣхъ сторонъ сѣть нитей, усаженныхъ иногда колочками или крючками; каждая попытка проникнуть въ эту запутанную сѣть оставитъ ему на память порванное платье, порѣзанныя руки, исцарапанное лицо, иногда до крови разбитый носъ, если какая-нибудь висящая вѣтвь, раскачавшись отъ сотрясенія всей массы, хватитъ его по лицу. Даже бразилецъ никогда не рискуетъ проникать въ первобытный лѣсъ, безъ помощи большаго лѣснаго ножа; отправляясь туда, онъ обыкновенно посылаетъ впередъ черныхъ невольниковъ, которые своими тяжелыми серповидными топорами на длинныхъ рукояткахъ расчищаютъ ему дорогу.

Вотъ какова организація *lianъ* или *ципосовъ*, членовъ семействъ *бипоніацей*, *гуттиферъ* и *легуминозъ*, принадлежащихъ къ группамъ: *Caesalpinia*, *Bauhinia*, *Numenaea*, *Cassia*, *Clusia*, *Havetia*, *Maregravia* и мн. др. Подробное ботаническое изученіе ихъ представляетъ еще болѣе трудностей, нежели изученіе лѣсныхъ деревьевъ, потому что очень трудно отдѣлить вѣтви одного растенія отъ другаго въ этой страшно-перепутанной массѣ; доставать же листья, цвѣты и плоды ихъ, скрывающіеся между самыми верхними частями высокихъ лѣсныхъ деревьевъ, рѣшительно невозможно. Никто не въ состояніи взлѣзть на ципось; никакая сила человѣческая не достаточна чтобы оторвать его; при жизни они оказываютъ необыкновенную гибкость и цѣбкость; скорѣе поколеблется цѣлая вершина дерева, нежели спадетъ съ нея ципось.

Бразильцы умѣютъ пользоваться этимъ свойствомъ ципосовъ; они употребляютъ ихъ вмѣсто веревокъ для всевозможныхъ цѣлей, и отличаютъ особенными названіями различныя ихъ виды, смотря по крѣпости и упругости. Ципосы выбираютъ ими такъ же тщательно, какъ стволы деревьевъ, употребляемыхъ для построекъ; ихъ срубаютъ вмѣстѣ съ деревомъ, собираютъ и свертываютъ въ большія связки, подобно канатамъ на канатныхъ заводахъ. Каждая связка содержитъ ципосы только одного вида и одинаковой крѣпости,

и смотря по достоинству они имѣютъ известную цѣну; въ такихъ связкахъ ципосы привозятся на рынокъ или складываются въ лавкахъ. Настоящихъ канатовъ и веревокъ въ Бразиліи вовсе нѣтъ, — едва можно достать тамъ дурные тонкіе снурки; мѣсто ихъ заступаютъ ципосы, или тонкія веревки, сдѣланныя изъ сырыхъ коровьихъ шкуръ. При постройкѣ дома ципосы играютъ весьма важную роль; ихъ употребляютъ для скрѣпленія балокъ и бревенъ, которыя тамъ не запускаются въ гнѣзда, а только приколачиваются гвоздями. Но такъ-какъ внутри страны желѣзные гвозди обходятся весьма дорого по причинѣ перевозки, то, гдѣ возможно, ихъ стараются замѣнить ципосами, связывая ими стропила, что доставляетъ послѣднимъ такую же прочность. Подобно садовнику обвертывающему виноградныя лозы ивовыми прутьями, обвертываетъ бразильскій плотникъ стропила ципосомъ, который хотя въ началѣ и связываетъ нѣсколько слабо, но со временемъ, высыхая, всё болѣе-и-болѣе сжимается и плотнѣе обхватываетъ стропило. Онъ сохраняетъ при этомъ свою упругость и не дѣлается хрупкимъ; я видѣлъ, какъ съ кровель старыхъ домовъ осторожно отдѣляли ципосы и клали ихъ въ воду, отъ чего они получали свою прежнюю гибкость и дѣлались снова годными къ употребленію. И такъ они столь же крѣпки и прочны, какъ желѣзные гвозди, и

далеко превосходятъ въ прочности наши искусственныя веревки.

Изъ множества видовъ ципосовъ особенно замѣчены мною два; одинъ называемый *Cipo matador* будучи молодымъ обвивается вокругъ главнѣйшихъ лѣсныхъ деревьевъ: *Laurus*, *Lecythis*, *Bertholletia*, *Myrtus*, *Caruocag* и др. и растетъ вмѣстѣ съ ними. Впечатлѣніе, производимое этимъ растеніемъ, принадлежитъ къ числу самыхъ поразительныхъ. Вы видите два мощныхъ древесныхъ ствола, въ нѣсколько футовъ толщиной, изъ которыхъ одинъ ровно и совершенно перпендикулярно поднимается изъ почвы на высоту 60—100 футовъ, между-тѣмъ какъ другой съ трудомъ поддерживается своими тонкими сучковатыми корнями, и, какъ-бы готовясь упасть, цѣпляется вѣтвями за сосѣдній стволъ. Вѣтви эти совершенно смыкаются между собою, образуя кольца; онѣ появляются на стволѣ отдѣльно, на равныхъ почти разстояніяхъ, тѣсно прилегаютъ къ стволу, и начинаютъ сжимать его, разрушая кору до тѣхъ поръ, пока не соединятся между собою, и совершенно невростутъ другъ въ друга. Долго еще съ роскошной пышностью цвѣтутъ оба дерева, переплетая между собою свои разпородныя вершины; наконецъ охваченный стволъ, лишенный сжатіемъ всякаго обращенія соковъ, уступаетъ своему врагу, подкравшемуся къ нему подъ видомъ друга; вершина его

увядаеть, постепенно теряет онъ свои вѣтви одну за другою, между-тѣмъ какъ ползучее растеніе помѣщаетъ на ихъ мѣсто свои, пока не отпадетъ послѣдняя вѣтка умирающаго дерева. Такъ продолжаютъ они стоять рядомъ, живой опираясь на мертвеца и все-еще сжимая его въ своихъ объятіяхъ; картина трогательная, пока еще не извѣстно, что именно лицемѣрная дружба пережившаго задушила умершаго въ своихъ объятіяхъ, чтобы безпрепятственно воспользоваться его силами. Но убійца не уйдетъ отъ своей судьбы; усохшій стволъ падаетъ наконецъ на землю, и живой убійца остается одинъ въ темномъ сумракѣ лѣса, напрасно отыскивая себѣ опоры.

Другое, повидимому ползучее растеніе называется *Cipo d'Imbe*; это однакоже собственно не ліана, а исполинская *ароидея* (*Philodendron*), которая занимаетъ верхнія толстыя вѣтви древесныхъ вершинъ, и опускаетъ отвѣсно почти до самой почвы, свои длинныя, похожіе на веревки корни. Растеніе это принадлежитъ къ совершенно особенному разряду растеній первобытнаго лѣса, и будетъ подробнѣе описано ниже. Настоящіе *Cipos* растутъ не на деревьяхъ, къ которымъ прислоняются, но на землѣ; они только висятъ на деревьяхъ, поддерживаясь въ всячемъ положеніи толстыми вѣтвями ихъ вершинъ. Къ ципосамъ однакоже должно отнести множество ползучихъ ку-

старниковъ и травъ, поднимающихся по древовиднымъ ползучимъ растеніямъ. Растенія эти по наружному виду похожи на бобы, колокольчики, хмѣль, и даже отчасти и по организаціи подобны имъ; онѣ однакоже избѣгаютъ темнаго, тѣнистаго лѣса и развиваются болѣе у опушки лѣсовъ, въ рѣдкомъ кустарникѣ, а если и встрѣчаются въ густой зелени, то по берегамъ ручьевъ и рѣкъ, гдѣ теплые лучи солнца могутъ оживлять ихъ. Между этими ползучими растеніями многія отличаются своей красотой. Я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю здѣсь прекрасную *Bugainvillea brasiliensis*, которую я часто встрѣчалъ по окраинамъ дорогъ, гдѣ она обвивала ползучія растенія и взбиралась до самыхъ вершинъ деревьевъ, покрывая ихъ кистями своихъ красныхъ цвѣтовъ. Сорвавши одну вѣтвь, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что особенный фіолетово-карминово-красный цвѣтъ происходитъ не отъ самихъ цвѣтовъ, а отъ трехъ большихъ подцвѣтныхъ листочковъ, помѣщающихся подъ цвѣточными группами, и придающихъ растенію чрезвычайно пріятный видъ, по которому ихъ уже издали можно отличить отъ подобныхъ имъ цвѣтовъ. Это впрочемъ весьма естественно; древесный листъ, принимая другой цвѣтъ, долженъ рѣзко отличаться отъ соедѣнныхъ зеленыхъ листьевъ. То же самое видимъ мы и въ нашихъ растеніяхъ семейства молочайныхъ (*Euphog-*

biaceae), (*Bugainvillea* принадлежит къ *Nyctangi-
neae*); большіе круглые подцвѣтные листочки около
цвѣтовъ окрашены краскою, которую нельзя назвать
ни зеленою, ни желтою, а скорѣе смѣсью, въ которой
ясно видны обѣ эти составныя части. Подцвѣтный листъ
Bugainvillea показываетъ такую же смѣсь цвѣтовъ,
краснаго и зеленаго, легко переходящую въ фіоле-
товый.

Безполезно было бы далѣе описывать безчисленное
множество ползучихъ растений первобытнаго лѣса;
видовое разнообразіе ихъ не такъ велико, чтобы силь-
но бросалось въ глаза, или существенно способство-
вало бы измѣненію характера лѣса. Тамъ, гдѣ густое
сплетеніе нитей и веревокъ свѣшивается съ вѣтвей,
гдѣ тѣсно прижавшіеся къ стволу убійственные ду-
шителіи крѣпко сжимаютъ растеніе, тамъ нѣтъ мѣста
для развитія другихъ растительныхъ организмовъ;
потому-что каждое растеніе стремится къ воздуху, къ
свѣту, и даже подъ защитою зелени сосѣднихъ де-
ревьевъ, оно ищетъ свободы и простора для своего
развитія. На поверхности ципосовъ могутъ еще раз-
виваться другія ползучія растенія, сквозь густую
чащу однажды уже ими образованную, можетъ про-
никнуть только ихъ же молодой отпрыскъ, новая
вѣтвь, которые также постоянно стремятся наружу,
ища себѣ простора. Такимъ-образомъ равномерно уве-

личивается объемъ и густота дерева и висящихъ на
немъ лианъ; первоначальная пропорціональность, су-
ществовавшая между ними, сохраняется до тѣхъ поръ,
пока они не достигнутъ крайняго предѣла своего воз-
растанія, послѣ чего падаютъ на землю вмѣстѣ или
одинъ за другимъ. Даже губительные ципосы не долго
переживаютъ свои жертвы, а обыкновенно слѣдуютъ
за ними черезъ нѣсколько лѣтъ, и, подобно имъ, сва-
ливаются бурею. Такимъ-образомъ образуются на
почвѣ первобытнаго лѣса огромныя кучи гніющихъ
сучьевъ и вѣтвей, высохшихъ листьевъ, или отломан-
ныхъ корней; всюду, въ густотѣ лѣса, приходится
идти съ опасностью упасть, перепрыгивать эти
рыхлыя кучи, или, понадеясь на твердость ихъ, по-
гружаться до колѣнъ въ сырую, болотистую, мяг-
кую почву. Даже твердые сучья такъ сглажены сы-
ростью, что представляютъ собою очень скользкую
опору. Сколько разъ приходилось мнѣ и падать, и
утонать въ грязи, когда преслѣдуя бабочекъ въ лѣс-
ной чащѣ, я забывалъ объ осторожности. Только то,
что можно встрѣтить на дорогѣ, остается доступ-
нымъ; все, что скрывается въ лѣсѣ, обыкновенно по-
теряно для наблюдателя. Даже только-что убитыя
птицы, паденіе которыхъ мы видѣли, обыкновенно
оставались ненайденными; онѣ такъ легко теряются
въ густой травѣ, подъ безчисленнымъ множествомъ

листьевъ, что всѣ попытки отыскать ихъ остаются напрасными; часто также попадают онѣ въ густую сѣть ципосовъ, гдѣ каждая попытка страсти ихъ, только тѣснѣе запутываетъ ихъ въ этой сѣти разныхъ колочекъ и зацѣпокъ. Охота въ первобытномъ лѣсу такъ затруднительна, что европеецъ скоро отказывается отъ нея, и предоставляетъ это почти намъ бразильцамъ, не желая, подобно имъ, карабкаться по лѣснымъ чащамъ, въ которыхъ пернатые обитатели лѣса встрѣчаются рѣдко, и въ незначительномъ числѣ.

Если лианы или ципосы не доставляютъ болѣе ничего для дальнѣйшаго описанія характера первобытнаго лѣса, то постоянно зеленѣющія травовидныя *воздушныя растенія* избѣгающія сырой, болотистой почвы, и распространяющіяся въ далекой высотѣ на вѣтвяхъ и сучьяхъ деревьевъ, представляютъ обильный матеріалъ для характеристики тропическаго лѣса. Это такой видъ растеній, о которомъ мы не можемъ составить себѣ никакого понятія въ нашихъ лѣсахъ, значительно превосходящій по своему разнообразію древесныхъ растеній, и по богатству и великолѣпію различныхъ цвѣтныхъ отбѣнковъ принадлежащій къ самымъ изумительнымъ явленіямъ лѣсистыхъ областей тропическаго пояса.

Три семейства растеній преимущественно доставляютъ лѣсу этотъ пестрый, ярко блестящій листовный и цвѣточный уборъ; это *ароидеи* или ароньяковыя, *орхидеи* или ятрышниковыя и *бромелиацеи* или ананасныя растенія. Наружность первыхъ можно себѣ представить вспомня бѣлокрыльникъ (*Calla*). Ароидеи такія же мягкія, пѣжные, сочныя растенія, по болѣе части не имѣющія стволы, покрытыя большими стрѣло- и сердцевидными, а внизу на стеблѣ футляровидными листьями. Маленькіе скрытые цвѣты ихъ заключены въ бѣлую трубковидную оболочку, прицвѣтникъ. Нашъ обыкновенный *ауръ* (*Acorus calamus*) принадлежитъ также къ этому семейству, но отличается отъ тропическихъ ароидей своими узкими мечевидными листьями и отсутствіемъ прицвѣтника; хотя виды ароидей не многочисленны, за то они представляютъ самыя замѣчательныя и оригинальныя формы. Я упоминалъ уже о *Cipo d'Imbe*, какъ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ растительныхъ видовъ. Трудно представить себѣ что-нибудь поразительнѣе этой исполинской ароидеи, помѣстившейся высоко на толстыхъ нижнихъ сучьяхъ древесной вершины. Два или три длинныхъ стебля выходятъ по различнымъ направленіямъ изъ одной точки такой толстой вѣтви, опутанной большимъ клубкомъ волокнистыхъ корней. Стебли эти толщиною въ руку, они спускаются

книзу въ видѣ буквы S, имѣютъ въ длину нѣсколько футовъ, и по виду и устройству своему похожи на стебель нимфеи, растущей на днѣ нашихъ прудовъ. У нѣкоторыхъ родовъ (*Philodendron*) на землю отвѣсно опускаются множество большихъ воздушныхъ корней, толщиною въ палецъ, раздѣляющихся на концахъ на два тонкихъ отростка и висящихъ совершенно прямо, чѣмъ они легко отличаются отъ другихъ ципосовъ. Другіе, какъ напримѣръ *Anthurium*, не имѣютъ этихъ длинныхъ воздушныхъ корней; стебель ихъ меньше, короче, и держится на высотѣ цѣпляясь за вѣтви своею толстою корневою кистью. И тѣ и другіе имѣютъ на концахъ большіе сердцевидные, короткостебельчатые листья, число которыхъ никогда не бываетъ значительно (5—6). Листья эти велики сравнительно съ величиною всего растенія, и кажутся какъ-бы большимъ темнымъ пятномъ среди свѣтлой вершины дерева. Въ формѣ этихъ листьевъ существуетъ нѣкоторое различіе, хотя основная фигура ихъ представляетъ продолговатый равносторонній треугольникъ, съ болѣе или менѣе вырѣзаннымъ основаніемъ, но иногда боковыя плоскости листа бываютъ не раздѣлены, иногда же раздѣлены на большія полосы, или даже продыравлены. Иногда въ основаніи листа не имѣется вырѣза, и толстый стебель прилегаетъ къ нижней сторонѣ листа. Такія различія при-

надлежать къ видовымъ. Вообще же діаметръ этихъ листьевъ по длинѣ бываетъ болѣе $1\frac{1}{2}$ фута, а поперечный у основанія значительно короче, но рѣдко менѣе 10-ти дюймовъ. Изъ этого видно, что 4—6 такихъ листьевъ, обыкновенно сидящихъ на концѣ висящаго стволика, должны имѣть уже довольно значительный объемъ. На мой взглядъ каждый листъ казался величиною съ небольшую салфетку, или съ порядочный листъ бумаги. Цвѣты трудно замѣтить; они слишкомъ малы, чтобы быть видимыми на такой высотѣ. Другихъ *ароидей* я не встрѣчалъ между воздушными растеніями; большая часть членовъ этого семейства растетъ болѣе на почвѣ, въ влажной тѣни долинъ, нежели вверху на вѣтвяхъ деревьевъ.

Совершенно противоположное явленіе представляютъ *орхидеи*; ихъ почти никогда не видно на почвѣ, зато безчисленное множество ихъ виднѣется въ высотѣ, на нижнихъ вѣтвяхъ вершинъ деревьевъ. Они преимущественно располагаются на совершенно горизонтальныхъ отросткахъ вѣтвей, или въ углахъ, гдѣ вѣтви соединяются со стволомъ или между собой. Цвѣтъ листьевъ ихъ свѣтлый, желтовато-зеленый, такъ-что они замѣтно отдѣляются отъ темнаго ствола или отъ темной зелени вершинъ. Къ низу они дѣлаются уже, и сидятъ здѣсь въ маленькихъ влагищахъ

спаружи глубокобороздчатыхъ и похожихъ на кармашныя водочныя флаги, достигая впрочемъ не болѣе половины или четверти величины послѣднихъ. Эти бутылочновидныя тѣла состоятъ изъ весьма толстаго, вязкаго, кожеобразнаго вещества, толщиной своею превосходящаго толщину листьевъ, также довольно значительную; они служатъ для растенія водяными резервуарами, и защищаютъ въ то же самое время образующіеся въ нихъ молодые поросли, листья и цвѣточныя почки отъ слишкомъ сильнаго вліянія солнца и отъ засухи. Орхидеи эти не имѣютъ ствола; влагалища сидятъ густо на деревьяхъ въ родѣ луковницъ, прикрѣпляясь къ дереву толстыми, снуркообразными, бѣлыми, блестящими корнями, плотно прикрѣпленными къ ихъ нижней сторонѣ. Рѣдко растеніе имѣетъ болѣе 3—4 такихъ корней, расходящихся въ различныхъ направленіяхъ по корѣ и достигающихъ нѣсколькихъ футовъ длины; ихъ почти невозможно отдѣлить вмѣстѣ съ растеніемъ; обыкновенно они обрываются въ небольшомъ разстояніи отъ начала. Это однакоже нисколько не мѣшаетъ дальнѣйшей жизни растенія, которое безъ вреда переноситъ самое неперемонное обращеніе, и будучи оторвано отъ одной вѣтви и перенесено на другую, медленно пускаетъ на новомъ мѣстѣ новыя корни. При этомъ нужно постараться хорошенько прикрѣпить перенесенное расте-

ніе, чтобы вѣтеръ не сильно его колебалъ, потому что постоянное трясеніе препятствуетъ прочному образованію новыхъ корней, и растеніе теряетъ такимъ образомъ часть своихъ питательныхъ органовъ.

Всѣ до сихъ поръ упомянутыя свойства орхидей не производятъ на путешественника большого впечатлѣнія; большіе листья, особеннаго вида и цвѣта, даже не совсѣмъ пріятно дѣйствуютъ на него своей жесткой, сухой, часто какъ-бы увядшей и нѣсколько попорченной виѣшностью; но великолѣпіе и роскошь цвѣтовъ, украшающихъ эти растенія, невольно приковываетъ взоры его къ висящимъ садамъ, въ которыхъ появляются они. Въ этихъ цвѣтахъ соединено все, что фантазія можетъ придумать самаго причудливаго; нѣкоторые похожи на сидящихъ бабочекъ, другіе напоминаютъ собою блестящихъ мухъ; этотъ похожъ на волосатаго шмеля, тотъ на тонкокрылаго комара; здѣсь на растеніи виситъ маленькая красивая туфля, тамъ вы видите какъ будто птичье гнѣздо съ лицами или маленькими птичками, и вдобавокъ каждая цвѣточная чашечка проливаетъ вокругъ себя самое пріятное благоуханіе. Казалось бы что въ этихъ оригинальныхъ растеніяхъ природа хотѣла сосредоточить всевозможныя качества. Нѣкоторыя орхидеи, какъ напримѣръ прекрасная розовая *Catleya*, или *Stanhopea* съ темно-красными пятнами по свѣтло-жел-

тому полю, представляютъ замѣтные издали цвѣты сидяшіе по одиначкѣ; другія, какъ *Aerides* и *Cymbidia* украшаются высокими цвѣточными колосьями или кистями. Нѣкоторыя, какъ *Aecidia* и *Epidendron* взбираются кверху по стволамъ деревьевъ, и держатся тамъ толстыми воздушными корнями, которые поодиначкѣ выходятъ изъ стебля, насупротивъ листьевъ, располагая свои большіе, овальные, острые листья съ величайшею правильностью. Къ этимъ орхидеямъ принадлежитъ всѣмъ извѣстный пріятный пряный корень *Vanilla aromatica*. Онъ представляетъ собою плодъ толщиною въ перо, и длиною въ одинъ футъ. Во время зрѣлости онъ бываетъ окрашенъ коричневымъ цвѣтомъ и спирально свернуть, какъ большая часть орхидей, такъ что имѣетъ видъ высохшаго цвѣточного стебля, на концѣ котораго помѣщалея нѣкогда душистый пестрый цвѣтокъ. Часто встрѣчалъ я это растеніе въ воздушныхъ лѣсахъ *Minas geras*, гдѣ оно взбирается по ровнымъ стволамъ средней толщины и извиваетъ по корѣ свои серебряно-бѣлые воздушные корни между темно-зелеными гладкими листьями. Оно сидитъ такъ крѣпко, что съ трудомъ можно отдѣлить безъ поврежденія только небольшую часть растенія.

При описаніи орхидей нужно замѣтить, что растенія эти болѣе распространяются въ верхнихъ частяхъ вершины подъ самую листовенную кровлю, и соеди-

няются тамъ въ группы. Никогда не увидите вы ихъ въ густомъ сплетеніи зелени, на тонкихъ вѣтвяхъ, покрытыхъ листьями; онѣ выбираютъ себѣ постоянно совершенно свободныя мѣста и цѣлыми рядами занимаютъ ихъ. Они образуютъ весьма красивыя, пышныя, цвѣточныя гряды, украшающія своими узорами открытыя мѣста листовенныхъ вершинъ. Такія вѣтви не имѣютъ уже на себѣ никакихъ другихъ постороннихъ растеній, ни ципосовъ или ліацъ, ни большихъ ароидей; послѣднія любятъ болѣе отжившія, высохшія вѣтви, нежели свѣжія, цвѣтушія, и помѣщаются обыкновенно на крѣпкихъ, толстыхъ остаткахъ сучьевъ ниже вершины, между-тѣмъ какъ орхидеи избираютъ себѣ мѣсто хотя и ниже зелени, но все-таки стремятся болѣе къ самой высотѣ вершинъ. Но и они точно такъ же любятъ отжившія деревья, и на сваленныхъ или покосившихся стволахъ всегда можно встрѣтить длинныя густыя ряды орхидей. Только здѣсь и доступны онѣ ближайшему наблюденію; добыть ихъ съ высоты деревьевъ, толстые стволы которыхъ увѣшаны сотнями ципосовъ, нѣтъ никакой возможности; тамъ нужно довольствоваться простымъ взглядомъ на нихъ.

Еще замѣтите, хотя и не столь распространеннымъ являются *бромелиацеи* или *ананасныя растенія*. Каждый знаетъ особенный видъ ихъ, хотя бы по тѣмъ

ананасамъ, которые выставляются на окнахъ фруктовыхъ и кондитерскихъ лавокъ, и по этому уже можетъ составить себѣ понятіе о общемъ впечатлѣніи, производимомъ болѣею частью бромелиацей. Трудно однакоже представить себѣ все великолѣпіе красокъ, съ которыми большія цвѣтныя кисти ихъ гордо просвѣчиваютъ изъ сумрака первобытнаго лѣса; потому что именно въ этомъ отношеніи извѣстный намъ ананасъ далеко уступаетъ многимъ другимъ растеніямъ этого семейства. До времени цвѣтенія болѣею часть лѣсныхъ ананасныхъ растеній имѣютъ нѣчто жесткое и твердое; онѣ неподвижно сидятъ на стволахъ и большихъ вѣтвяхъ деревьевъ своими полужелобчатыми листьями, шириною въ 2—3 пальца, поднимающимися по различнымъ направленіямъ. Цвѣтъ листьевъ рѣдко бываетъ свѣжъ; онъ болѣе желтоватъ, нежели зеленъ, мѣстами какъ-бы высохшій, въ-особенности на концахъ, которые раньше засыхаютъ. Такъ же распредѣляются плоды по различнымъ частямъ дерева, измѣняясь въ цвѣтъ и величинѣ; нѣкоторые изъ нихъ, превосходящіе въ величинѣ наши ананасы вдвое и втрое, помѣщаются обыкновенно у самаго ствола, на какомъ-нибудь свисѣ отпавшаго сука или на вилочномъ сукѣ; другіе, меньшіе, помѣщаются на самыхъ вѣтвяхъ, и наконецъ самыя маленькіе, не болѣе обыкновенной травки, поднимаютъ

ся кверху до самой вершины, гдѣ располагаются на самыхъ тонкихъ вѣткахъ. Вездѣ вѣрнѣйшими признаками ананасовъ являются узкій листъ, вертикальное положеніе, и не совсѣмъ свѣжій видъ растенія. Но какъ все это измѣняется, когда растеніе въ цвѣту, или когда только-что начинаетъ цвѣсти. Тогда изъ середины его поднимается стебель, переходящій вверху въ круглую головку различной толщины, смотря по величинѣ растенія. Большіе прицвѣтники, помѣщающіеся подъ каждымъ цвѣткомъ, принимаютъ великолѣпный красный цвѣтъ, и частью покрываются тонкой бѣлой пылью, придающей имъ весьма пѣжрый видъ. Цвѣты иногда бываютъ окрашены той же краской, иногда же они бываютъ фіолетовые, желтые, и, по мелкости своей, различаются только вблизи. Но издали колоритъ ихъ смѣшивается съ чуднымъ краснымъ цвѣтомъ прицвѣтниковъ. Хотя ананасныя растенія покрываютъ не всѣ деревья, тѣмъ не менѣе великолѣпныя цвѣты ихъ встрѣчаются довольно часто, и не могутъ ускользнуть отъ вниманія наблюдателя. Ни когда не забуду я впечатлѣнія произведеннаго на меня всею роскошью цвѣтущихъ бромелиацей, когда въ началѣ декабря, спускался я съ высотъ Sierra da Mantiqueira. Вездѣ кругомъ себя я видѣлъ на деревьяхъ великолѣпныя ярко-красныя кисти; я вступилъ въ область первобытнаго лѣса въ такое время, когда онъ является во всей своей роскоши и великолѣпіи.

Не всё ананасныя растенія такъ хороши и пріятны; вмѣстѣ съ большими, гордыми, величественными видами, о которыхъ я уже упоминалъ, попадаются и жалкія, некрасивыя видоизмѣненія, въ которыхъ нѣтъ и тѣни красоты подобій ихъ. Упомянемъ еще объ одномъ растеніи, принадлежащемъ также къ разряду ананасныхъ, и заслуживающему вниманія по своей оригинальности. Съ сучьевъ множества деревьевъ первобытнаго лѣса свѣшиваются длинные пучки сѣдыхъ, растрепанныхъ волосъ въ легкихъ, воздушныхъ хлопьяхъ, приводимыхъ въ движеніе самымъ легкимъ вѣтромъ и вѣчно раздувающихся. Это *старая древесная борода* (*barba velha*) бразильцевъ. Распространенное по всей Южной Америкѣ и даже по теплѣйшимъ частямъ Сѣверной Америки, странное растеніе это невольно напоминаетъ длинную сѣдую бороду. Когда въ первый разъ видишь передъ собой старое, высокое, одинокое дерево, лишенное уже большей части своей зеленой вершины, увѣшанное длинными космами, тогда какъ-бы встаютъ передъ глазами сказочные образы *Рюбецала* и *лѣснаго царя*. Тусклый свѣтъ луны, падающій на эту вѣчно-безпокойную, вѣчно-волнующуюся бороду, сообщаетъ ей что-то фантастически-таинственное. Въ возбужденномъ воображеніи путника возникаетъ грозное исполинское привидѣніе, грустная тѣнь безжалостно разоренныхъ лѣсовъ, исчезающихъ или исчезнувшихъ

подъ разрушительнымъ топоромъ поселенцевъ. Тонкіе стебельки этого растенія (*Tillandsia*) и узкіе, парно расположенные, нитевидные листья покрыты тонкими, мягкими, острыми волосками съ красивыми цвѣтками на концахъ. Изъ боковъ листьевъ выходятъ на длинныхъ стебляхъ тонкія почки, раскрывающіяся въ маленькіе шестилестные цвѣточки съ длинными пыльниками. Цвѣты эти по мелкости своей, и по положенію между листьями, издали вовсе не замѣтны. Только ближайшее изслѣдованіе цвѣтка и плода показываетъ принадлежность этого особеннаго растенія къ ананаснымъ; по наружному же виду его можно всего скорѣе принять за волосистый лишай или воздушный грибокъ, подобный подземнымъ *Ризоморфамъ*.

Еще одна бромелияца, *Tillandsia ultriculata*, не мѣнѣе замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Въ основаніи своихъ длинныхъ (3—4 фута) листьевъ, шириною въ ладонь, расположенныхъ кругообразно, какъ у настоящихъ ананасныхъ растеній, она имѣетъ большіе бутылевидные мѣшечки, содержащіе значительныя количества свѣжей, прозрачной воды. Когда изнуренные томительнымъ жгучимъ зноемъ дня, человекъ или животное достигаютъ наконецъ прохладнаго лѣса, они могутъ утолить свою жажду тамъ, гдѣ на деревьяхъ сидятъ эти растенія, обхватывающія ихъ своими волокнистыми корнями. Къ сожалѣнію,

прохладительная влага ихъ дѣлается противною отъ древесныхъ лягушекъ, скрывающихся въ ней во время дневнаго зноя, и выскакивающихъ изъ своего убѣжища, какъ только что приложишь губу къ листу. Почти въ каждомъ изъ этихъ растений сидятъ эти смѣлые древолазы, оглашая вечеромъ воздухъ своимъ кваканьемъ. Нѣкоторые маленькіе виды древесныхъ лягушекъ, проводятъ кажется всю свою жизнь въ этихъ водовмѣстилищахъ, на вершинахъ высочайшихъ лѣсныхъ деревьяхъ. Прочія широколистные бромелиацеи также собираютъ воду, между нижними, плотно прилегающими концами своихъ воронкообразно-расположенныхъ листьевъ, и освѣжаютъ этимъ болѣе себя, нежели лѣсныхъ животныхъ. Постоянное испареніе воды доставляетъ имъ освѣжительную прохладу, во время жгучаго дневнаго зноя, а густые ночные и утренніе туманы, сгущаясь на ихъ длинныхъ листьяхъ, снова собираютъ дневную потерю влаги и держатъ её на готовѣ для жаркихъ дневныхъ часовъ.

Если читатели мои захотятъ теперь бросить взглядъ во внутренность первобытнаго лѣса тропическаго пояса, то онъ долженъ показаться имъ уже довольно пестрымъ, хотя мы не познакомились еще со множествомъ низкихъ почвенныхъ растений. Какое необъятное разнообразіе представляетъ намъ одно большое дерево, украшенное всѣми растеніями, покрывающими его.

Мы видимъ толстый стволъ, поднимающійся до высоты 100 футовъ, окруженный у основанія толстыми корнями, образующими какъ-бы фундаментъ дерева. Между ними на ходульных подпоркахъ взбирается къверху грозный *Cero matador*, плотно примыкаетъ къ стволу, дважды или трижды обхватываетъ его своими страшными руками, и распускаетъ на вершинѣ свою широкую сочную зелень. Кругомъ висятъ сотни другихъ циносовъ въ тѣсномъ и пестромъ смѣшеніи между собою, а вверху блеститъ цѣлый рядъ роскошныхъ, широколиственныхъ растений, образуя какъ-бы искусственную цвѣточную гряду. Здѣсь издали видная бромелиацея гордо распускаетъ свои ярко-красныя цвѣточныя кисти; тамъ виднѣются нѣжныя, красивыя орхидеи; на вершинѣ засохшей вѣтви расправляетъ свои большіе, щитообразные листья нарядная ароидея, а вверху, на самомъ концѣ вершины, просвѣчиваютъ желтые цвѣты кассій, красные цвѣты бигоній. Только вѣрный глазъ ботаника различитъ всѣ эти формы одну отъ другой, и только мѣткій глазъ индійца сумѣетъ распознать ихъ на этой ужасной высотѣ. Многое невидимо за отдаленностью, другое неясно изъ-за густой тѣни, или отъ сплетенія различныхъ растений, густо перепутанныхъ между собою. Дни, недѣли нужно посѣщать одно и то же мѣсто, разсматривать одно, и то же дерево, чтобы выик-

путь въ удивительное разнообразіе его украшеній и научиться распознавать тотъ хаосъ растеній, которыми одѣла его плодоносная растительная сила теплой и влажной лѣсной тѣни.

И все-таки мы еще далеки отъ цѣли нашего изслѣдованія; бѣльшая и существенная часть растеній первобытнаго лѣса должна еще быть разсмотрѣна и описана; это безконечное множество свѣжихъ, сочныхъ травъ, густо покрывающихъ почву своею зеленью.

Однакоже описаніе это весьма не легко, вниманіе путешественника обращается почти исключительно на большія замѣчательныя формы и весьма мало останавливается на безчисленномъ множествѣ небольшихъ растеній, окружающихъ его. Глазъ легко упускаетъ нѣжное растеніе, скрывающееся подъ густою кровлею ползучихъ стволовъ, или осѣняемое широкими спонами такуаръ, такъ-что глубокий сумракъ лѣса нерѣдко скрываетъ отъ него многія особенности. Слишкомъ много прекраснаго, поразительнаго представляется сразу, такъ-что невозможно съ одинаковой полнотою объять все окружающее.

По этимъ и другимъ причинамъ я не буду вдаваться въ подробности описанія *травовидныхъ почвенныхъ растеній* первобытнаго лѣса; я удовольствуюсь указаніемъ нѣкоторыхъ особенно выдающихся видовъ, а объ остальномъ замѣчу только вообще, что имен-

но эта категорія лѣсныхъ тропическихъ растеній совершенно отличная въ частностяхъ отъ почвенныхъ растеній нашихъ лѣсовъ, производитъ въ цѣломъ совершенно то же впечатлѣніе, какъ и наша растительность. Мы находимъ здѣсь высокіе и низкіе кустарники, покрытые самыми разнообразными листьями, обвиваемые ползучими растеніями. Кое гдѣ виднѣется между ними хорошенькій цвѣтокъ, но въ общемъ растенія эти лишены той роскоши красокъ, которая является въ высотѣ деревьевъ на *воздушныхъ растеніяхъ*. Ботаникъ замѣтитъ, что *зонтичныя* (*Umbelliferae*), *монетныя* (*Labiatae*) *крестоцвѣтныя растенія* (*Cruciferae*), *ранункулы* и др., составляющія главную часть нашихъ лѣсныхъ травъ, совершенно не встрѣчаются въ тропическомъ поясѣ, и что хотя и встрѣчаются здѣсь *колокольчики*, но гораздо рѣже въ самомъ лѣсу, нежели на открытыхъ берегахъ ручьевъ между свѣтлыми кустарниками, между-тѣмъ какъ въ лѣсу мѣсто ихъ заступаютъ во множествѣ прекрасныя *Passiflorae*. Самыми выдающимися травами первобытнаго лѣса являются большія *ароидеи*. Вмѣстѣ съ ними являются довольно распространенными *Scitamineae*, покрытыя прекрасными розовыми цвѣтами, *Heliconiae*, *Alpiniae*, *Cannae*, большія свѣтлые листья которыхъ видны уже издалика. Растенія эти любятъ тѣнь, и укрываются подъ сводомъ вѣтвей отъ прямого дѣй-

ствія солнечнаго свѣта. Деревянистыя *картофельныя растенія* (*Solanae*), въ-особенности же прекрасная *Datura arborea*, растутъ по берегамъ ручьевъ, и своими большими бѣлыми цвѣтами соперничаютъ съ яркими цвѣтами *сцитамивей*. Весьма распространены *Begoniae*, эти странныя растенія съ неравнополовинными листьями, нижняя сторона которыхъ окрашена краснымъ цвѣтомъ, и которыя часто приходится встрѣчать въ нашихъ домахъ на окнахъ между цвѣтами. Необыкновенное разнообразіе показываютъ *Asclepiadeae*, *Apocynae*, *Aristolochiae*, *Fuchsiae*, *Budlejae*, *Ruellae*, *Iusticiae*, *Gesneriae*, и многія другія прекрасно цвѣтущія растенія. Они любятъ открытыя свѣтлыя мѣста, гдѣ лучи солнца могли бы безпрепятственно доходить до нихъ и способствовать ихъ красотѣ. Наконецъ многія великолѣпныя луковичныя растенія: *Amaryllis*, *Crinum*, *Barbasceniae*, *Alstroemia* и др. являются также въ первобытномъ лѣсу, въ-особенности же на лѣсныхъ лугахъ, на открытыхъ берегахъ или на высотахъ горъ, между низкими тернистыми кустарниками покрывающими ихъ.

Поразительно впечатлѣніе, испытываемое путникомъ, когда изъ области разоренныхъ, пустынныхъ полей поселенцевъ онъ вступаетъ наконецъ въ спокойную область первобытнаго лѣса, покрывающаго склоны долинъ и горъ. Густая нетронутая зелень де-

ревьевъ распространяетъ надъ нимъ свои вершины, образуя вѣтвистую кровлю надъ грязной, почти непроходимой, скользкой тропинкой. Узкая дорожка пролегаетъ часто на нѣсколько сотъ футовъ вышины надъ пропастями; огромныя деревья, возвышаясь по стѣнамъ долины своими толстыми стволами, распространяютъ у ногъ его свои тонкія, густыя, пестрыя вершины, составленныя изъ множества различныхъ растеній. Бѣлыя волны ручья съ шумомъ пробіраются по камнямъ, просвѣчивая въ зелени своими блестящими струями. Со всѣхъ сторонъ окружаетъ его прекрасный, величественный ландшафтъ, вознаграждающій за множество лишеній, за многія обманутыя ожиданія. Глазъ не успѣваетъ остановиться ни на одной изъ множества растительныхъ группъ; одно за другимъ смѣняются растенія, одно другаго поразительнѣе, и только вздумавъ ближе остановиться на одномъ изъ нихъ вверху, внизу или около себя, оно уже исчезаетъ за множествомъ новыхъ, не менѣе привлекательныхъ. При этомъ и скользкая тропинка также требуетъ вниманія; одной оступившей лошади достаточно чтобы сбросить сѣдока въ бездну, чудно украшенную каменными глыбами, пѣнистыми волнами, зелеными вершинами, пѣвными узорами, и какъ-бы манящую къ себѣ. Здѣсь, въ этой живительной тропической сферѣ, путникъ въ первый разъ испыты-

ваетъ истинное наслажденіе, и ясно сознаетъ справедливость словъ поэта;

«Die Welt vollkommen ist überall,
Wohin der Mensch nicht kommt mit seiner Qual.

Постепенно углубляется онъ всё болѣе-и-болѣе въ лѣсъ; листья деревьевъ раскидываютъ надъ головой его свою зеленую кровлю, и вскорѣ охватываетъ его со всѣхъ сторонъ густой, непроницаемый, влажный сумракъ. Здѣсь между деревьями во множествѣ стоять стройныя, красивыя *капустныя пальмы*, возвышая на вѣжныхъ стволахъ свои воздушныя вершины; тысячи обрубленныхъ и расколотыхъ шей свидѣтельствуютъ о роскошной полнотѣ ихъ прежней растительности, и о жадности бродячихъ поселенцевъ къ ихъ вкуснымъ почкамъ; — тамъ разрастается густой бамбуковый плетень, по стѣнамъ долины, съ обѣихъ сторонъ маленькаго ручья, давая отъ себя густую черную тѣнь, въ которой раскачиваютъ свой зубчатая вершины красивыя *геликоніи*. Огромные листья *потосовъ* пробиваются между ними, и образуютъ густой навѣсъ, въ срединѣ котораго поднимается неподвижная головка желтаго цвѣтка. Высоко надъ этими роскошными, сочными, зелеными листьями поднимаются густыя вершины лѣсныхъ деревьевъ, увѣшанныя сѣдою бородою *тилландзій* и украшенныя на тѣхъ же вѣтвяхъ ярко-красными *бромеліями*

или вѣжнорозовыми *катлейями*, прекраснѣйшій видъ которыхъ (*Catleya labiata*) особенно свойственъ этой части лѣсной области, высшимъ склонамъ горъ. Все кругомъ лежитъ въ глубокой тишинѣ, только журчанье ручейка, невидимо пробирающагося между деревьями, и время-отъ-времени съ шумомъ падающаго съ большаго камня, напоминаетъ путнику о жизни, съ роскошью и разнообразіемъ проявляющей вокругъ него свою непрестанную дѣятельность.

Безмолвная тишина тропическаго лѣса, вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ растительныхъ красотъ, включаетъ въ себѣ что-то особенное. Хотя и встрѣчаются здѣсь животныя, но все это нѣмо, молчаливо, подобно цвѣтамъ, и удивляютъ только великолѣпіемъ красокъ и красотой рисунковъ. Прелестныя бабочки порхаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, удаляясь въ глубь лѣса съ приближеніемъ путника. Въ этихъ влажныхъ, темныхъ мѣстахъ, слабо освѣщаемыхъ солнцемъ, встрѣчаются самые красивые и самые большіе виды бабочекъ. Въ густѣйшихъ лѣсахъ нижней области я постоянно встрѣчалъ великолѣпнаго *Marpho Menelaus* и его не менѣе прекрасную самку, неизвѣстно почему получившую названіе *Nestor*. Ежедневно на пути моемъ сопровождала меня эта большая небесно-голубая бабочка, и отдыхая садилась всегда въ такое темное тѣнистое мѣсто, что я съ трудомъ отъ-

искивалъ ее. Но какъ-только приближался я къ ней съ моимъ ловительнымъ инструментомъ, осторожное существо улетало. Двѣ хорошенькія музы, Heliconia Phyllis и Н. Sara, сопровождали эту большую, величиною съ руку, блестящую бабочку, и такъ беззаботно порхали по цвѣтамъ, что весьма легко попадались въ руки. Вмѣстѣ съ ними появлялись прекрасныя Papilio Equites черныя, съ красными пятнами, они любятъ густой лѣсъ, полный тѣни, весьма пугливы и осторожны, и постоянно поддразниваютъ путника своимъ легкимъ, быстрымъ полетомъ. Рѣдко удавалось мнѣ поймать красиваго Agavus, стараго Anchises, и ни разу ни Astyanax-a, ни Ascanius-a. Замѣчательно, что эти маленькія животныя связаны бываютъ съ опредѣленными мѣстностями, и появляются съ наступленіемъ ихъ. Никогда не видалъ я въ лѣсу большаго чернаго и желтаго Lhoas, Polycanon (самка котораго называется Androgeus); напротивъ того его можно встрѣтить вездѣ въ жаркихъ мѣстахъ, въ садахъ или въ рѣдкихъ кустарникахъ, гдѣ цвѣтутъ апельсины, потому-что листьями ихъ питаются ихъ гусеницы. Наибольшая изъ этихъ бабочекъ, Lhoas, весьма обыкновенна на улицахъ Рио де Жанейро; она летаетъ по вѣчно-открытымъ окнамъ, уставленнымъ цвѣтами, и залетаетъ часто во внутренность домовъ.

Какъ ни часты и обыкновенны въ лѣсу эти бабочки и сколько ни способствуютъ онѣ украшенію его, тѣмъ не менѣе присутствіе ихъ мало отдаляетъ мысль о мертвенности или уединеніи, потому-что всѣ эти животныя нѣмы, и даже при движеніяхъ своихъ не издаютъ никакого особеннаго шума. Беззвучная тишина, царствующая въ этихъ безконечныхъ лѣсахъ, заключаетъ въ себѣ что-то странное для путника, привыкшаго къ пѣнію птицъ въ лѣсахъ своей отчизны. Тропическій лѣсъ совершенно беззвученъ, или оглашается только громкимъ крикомъ *попугаевъ*, далеко раздающимся стукомъ *хасмаринховъ*, которыхъ бразильцы называютъ *кузнецами* (Ferrador), или еще болѣе неприятнымъ ревомъ *обезьянъ*, далеко оглашающимъ воздухъ. Никто не назоветъ звуки эти приятными, и еслибы былъ выборъ между такимъ пѣніемъ, или тишиной, то конечно всякій предпочелъ бы ее, чтобы избавить слухъ свой отъ этого воя, который противнѣе всякой почной кошачьей музыки, потому-что въ немъ нѣтъ даже и немногихъ жалкихъ варіацій, характеризующихъ послѣднюю.

Всего чаще можно слышать попугаевъ; они сидятъ высоко вверху на вершинахъ деревьевъ, грызутъ плоды и встрѣчаютъ приближающагося путника пронзительнымъ крикомъ, совершенно какъ галки и вороны. Обыкновенно стая ихъ состоитъ изъ 6—10 птицъ, рѣдко

болѣе и еще рѣже менѣе; они сидятъ всегда по-парно и обнаруживаютъ другъ къ другу привязанность, которая можетъ служить выраженіемъ искренней супружеской вѣрности. Увидавши путешественника, стая поугаевъ раздражается громкими, рѣзкими звуками, и быстро улетаетъ съ приближеніемъ его. Но и при удаленіи слышенъ ихъ голосъ и видно ровное, какъ-бы тщательно вымѣренное (около 1 фута) разстояніе, на которомъ держатся они по-парно другъ отъ друга и при полетѣ. Иногда такія летяція стая поугаевъ попадаютъ и на большихъ дорогахъ, и тамъ не упускаютъ онѣ случая возвѣстить другъ другу приближеніе человѣка; мгновенно раздается крикъ ихъ, когда они пролетаютъ надъ головою и летятъ иногда на такой высотѣ, что глазъ едва можетъ различить ихъ, и ухо только слабо слышитъ издаваемые ими звуки. Попугаи принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ, всюду распространеннымъ птицамъ первобытнаго лѣса, но не вездѣ одинаково замѣтнымъ, потому-что зеленый цвѣтъ перьевъ скрываетъ ихъ между высокими вершинами деревьевъ; только голосъ всегда обнаруживаетъ присутствіе ихъ.

Кузнецъ (*Chasmarrhynchus nudicollis*), это уединенная, совершенно бѣлая птица, не болѣе дрозда, которая сидитъ въ самыхъ темныхъ мѣстахъ лѣса и оттуда издаетъ свои громкіе, почти стучащіе звуки.

Я часто слышалъ эту птицу; сознаюсь, однакоже, что не могу описать ея голоса; герцогъ Ньювидскій (*Neuwied*) сравниваетъ его съ колоколомъ, или при непродолжительности звуковъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ послѣ короткихъ паузъ, съ ударами молотка по пустой наковальнѣ. Оттого и произошло названіе *кузнеца*, данное бразильцами этой птицѣ; настоящее гуаранское названіе ея *арапонга*. Кузнеца не должно смѣшивать съ *жестяникомъ* (*Ferreira*), большой *древесной лягушкой* (*Hyala palmata* s. *Faber*), голосъ которой слышенъ вечеромъ въ лѣсу и изъ болотъ; онъ похожъ на звуки издаваемые при ударѣ деревяннаго молотка по короткой досечкѣ. Металлическихъ звуковъ я не замѣчалъ въ немъ.

Вотъ какія птицы попадаютъ по временамъ въ тропическомъ лѣсу, но голосъ ихъ никогда не бываетъ мелодиченъ. Весьма противными показались мнѣ отрывистые трескучіе звуки *тукана* (*Rhamphastus*), или шипящіе звуки *навопа* (*Coracina scutata*), которые слышатся очень часто, не доставляя однакоже особеннаго удовольствія. Пронзительный крикъ *куропатки* (*Perdix dentata*), вездѣ раздающійся изъ кустовъ, также ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать пріятнымъ голосомъ.

Но самыми непріятными звуками, оглашающими тропическій лѣсъ, являются конечно ревъ и свистъ

обезьянъ. Животныя эти болѣею частью удалились отъ близости человѣческихъ жилищъ, но въ густыхъ лѣсахъ и именно въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ рѣки прорѣзываютъ лѣсъ, онѣ встрѣчаются довольно часто. Въ привычкахъ своихъ онѣ имѣютъ большое сходство съ попугаями, сидятъ постоянно на высокихъ вершинахъ деревьевъ, рѣдко или вовсе не сходятъ на землю, питаются мучнистыми сѣменами и обнаруживаютъ свое присутствіе громкими криками, испускаемыми ими съ приближеніемъ путешественника. Звуки эти двухъ родовъ: мягкій, визгливый свистъ издаваемый *цебусами* (*macacos*) и глухой, низкій звукъ, производимый *мицетами* или *ревунами* (*barbados*). Оба одинаково неприятны, какъ вообще все звуки обезьянъ. Животныя эти еще осторожнѣе попугаевъ; они уже издавѣка возвѣщаютъ приближеніе человѣка и тотчасъ умолкаютъ, когда онъ подходитъ къ нимъ. Въ это время онѣ не только не издають никакихъ звуковъ, но не производятъ даже никакихъ движеній, притаются скорчившись въ самой густой зелени, и пристально глядятъ на человѣка, пока онъ не пройдетъ мимо. Тогда тотчасъ же сзади его раздается голосъ ихъ, какъ-бы язвительный смѣхъ; все общество поднимается и начинаетъ снова грызть орѣхи или ѣсть плоды, какъ было до его прибытія. Миѣ часто стоило огромнаго труда высматривать этихъ ревуновъ среди

густой зелени, и однажды удалось это вполнѣ. Я ѣхалъ въ обществѣ бразильцевъ, и пропустивши ихъ впередъ, остался самъ за кустомъ подъ деревомъ. Обезьяны, воображая что проводили всѣхъ проѣзжихъ, поднялись съ своихъ мѣстъ и весело принялись за свое прежнее занятіе. Въ это время я могъ разсмотрѣть ихъ; ихъ было три, и одна изъ нихъ была значительно меньше. Это были вѣроятно два нѣжные супруга съ своимъ юнымъ птенцомъ. Они проворно лазили по вѣтвямъ, шаряли и рылись между листьями и бросали внизъ пустыя скорлупы. Такъ наблюдавъ я ихъ минутъ съ 10; тогда сынъ мой выстрѣлилъ по одной изъ нихъ, сидѣвшей ниже, но далъ промахъ — высота была слишкомъ значительна; — испуганное семейство въ ужасѣ обратилось въ бѣгство по деревьямъ и быстро скрылось изъ виду.

Я не могъ оставить первобытнаго лѣса, не упомянувъ о послѣднемъ, достойнѣйшемъ его обитателѣ, о *южноамериканскомъ первобытномъ человѣкѣ*, потому-что этотъ лѣсъ былъ всегда и остается до сихъ поръ его настоящей отчизной. Голый, не знающій другой кровли кромѣ вершинъ деревьевъ, бродитъ онъ по лѣсу, подобно дикому звѣрю, преслѣдуетъ животныхъ болѣе для удовольствія, нежели изъ нужды, и не думаетъ ни о чемъ кромѣ ѣды, питья, сна и

прочихъ физическихъ потребностей относительно поддержанія себя и своего рода. Онъ малъ ростомъ, съ широкой толстой головой, длинными гладкими, черными волосами; у мужчинъ весьма мало волосъ на подбородкѣ и на усахъ, щеки же вовсе безъ волосъ; къ этому нужно присоединить чрезвычайно маленькія красивыя оконечности рукъ, относительно широкую грудь, слабыя верхнія части рукъ, еще болѣе слабыя ноги и опять весьма красивыя, въ высшей степени привлекательныя ступни, цвѣтъ его кожи темно-красный, у женщинъ свѣтлѣе, у мужчинъ же значительно темнѣе. Глаза маленькіе и черные, губы красныя, на щекахъ же нѣтъ никакого особеннаго оттѣнка. Выдающіяся скуловые кости, широкія ноздри, весьма широкій ротъ, съ маленькими чуть-чуть вздернутыми губами, вотъ главнѣйшія физическія свойства бразильскихъ первобытныхъ племенъ. Ни одно изъ нихъ не занимается хлѣбопашествомъ, всѣ живутъ разсѣянными по лѣсу, занимаясь охотой, питаются нѣкоторыми плодами, *бананами*, *мамонгами*, мучнистыми луковичными корнями *мандіоки* (*Tatropa Manihot*), *бататами* (*Convolvulus Batatas*), растущими въ лѣсахъ, и не держатъ никакихъ домашнихъ животныхъ, не имѣя и сами постоянныхъ жилищъ. Единственная домашняя утварь ихъ — лукъ со стрѣлами, единственное занятіе — охота и приготовленіе пищи. Таковы

главнѣйшія черты первобытнаго бразильца. Вездѣ, гдѣ онъ находится въ сношеніи съ европейскими переселенцами и ихъ потомкамъ, онъ сдѣлался въ настоящее время полудивилизованнымъ, одѣвается въ европейское платье, употребляетъ европейскія орудія, но нигдѣ не живетъ порядочными селеніями по европейскому образцу, а продолжаетъ и теперь, хотя и обращенный въ христіанство, вести по возможности свой прежній, уединенный образъ жизни. Въ старости онъ предается пьянству; въ молодости вѣжливъ, скромнъ, робокъ и подозрителенъ, какъ всѣ бразильскіе дикари. Религіозныхъ понятій онъ не имѣетъ; онъ позволяетъ крестить себя, но никогда не понимаетъ значенія крещенія; все что онъ видитъ въ немъ, это только приближеніе къ бѣлому человѣку, и поэтому онъ придаетъ нѣкоторую цѣну своему званію христіанина. Всякая внутренняя духовная жизнь ему совершенно неизвѣстна и, какъ мнѣ кажется, даже недоступна; тупость и равнодушіе ко всему, что не касается удобствъ физическаго существованія, принадлежатъ къ самымъ выдающимся качествамъ бразильскихъ коренныхъ племенъ.

Оставляя до другой статьи болѣе подробное описаніе бразильскаго дикаря, я заключаю этими немногими замѣчаніями о лѣсномъ человѣкѣ картину тропическаго лѣса. Послѣ поразительныхъ впечатлѣній

вызываемыхъ первымъ видомъ тропическаго лѣса, мы постепенно разсмотрѣли его во всѣхъ его частностяхъ; мы познакомились съ главнѣйшими особенностями его, и отъ величественныхъ, возвышенныхъ впечатлѣній переходили постепенно къ болѣе слабымъ ощущеніямъ. Въмѣстѣ съ этимъ ослабѣвалъ и нашъ энтузіазмъ. Таково неизбежное слѣдствіе каждаго точнаго познанія, каждаго продолжительнаго взгляда во внутреннюю связь цѣлаго, какъ и въ отдѣльную жизнь разнообразныхъ частей его. Такъ исчезаетъ каждое волшебство съ познаніемъ совокупности силъ, производящихъ его; такъ теряетъ свое обаяніе первобытный лѣсъ не только при ближайшемъ знакомствѣ, но и при разумномъ сравненіи его съ неменѣе поразительными картинами природы другихъ мѣстъ и другихъ поясовъ земли. Чѣмъ болѣе наблюдаешь первобытный лѣсъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что и буковый, дубовый или сосновый лѣсъ имѣютъ свои красоты, и что для вѣрнаго пониманія этихъ красотъ необходима только высшая степень наблюдательной способности. Описаніе первобытнаго лѣса легче, нежели описаніе буковой рощи, потому что все въ немъ является выразительнѣе, рѣзче, разнообразнѣе; но зато и впечатлѣніе, вызываемое имъ, далеко не столь тихо, нѣжно, приятно, какъ подъ открытой зеленю высокоствольныхъ гладкихъ буковъ;

не столь спокойно, серьезно, какъ подъ кудрявыми вершинами старыхъ, сильныхъ, трещиноватыхъ дубовъ; дикая необузданная сила растительности первобытнаго лѣса выражена слишкомъ ясно, чтобы ускользнуть отъ вниманія наблюдателя. Всюду преобладаетъ въ немъ борьба и внутренняя вражда подъ кажущимся спокойствіемъ растительной жизни, и еслибы весь этотъ растительный міръ могъ громко заговорить, мы были бы заглушены въ немъ ревомъ злобы, и столько же избѣгали бы его, какъ мѣста вражды, сколько теперь ищемъ его, какъ мѣста спокойствія и отдохновенія.

Тропическая природа могущественнѣе, полнѣе, роскошнѣе и величественнѣе; она невольно поражаетъ непривычный взглядъ величіемъ своихъ произведеній, и возбуждаетъ въ началѣ только пріятныя чувства, но очарованіе исчезаетъ, когда величественная обстановка теряетъ прелесть повизны, когда сквозь наружную оболочку умъ проникаетъ во внутренній смыслъ явленій и пресыщенный красотою тропической природы, снова возвращается къ духовнымъ наслажденіямъ, какъ къ благороднѣйшимъ, достоинѣйшимъ сторонамъ человѣческаго бытія. Все, что первенствующія страны тропической области производятъ сами по себѣ, что выполняютъ онѣ безъ поддержки человѣческаго разума, все это богаче, роскошнѣе, полнѣе соответствующихъ произведеній умѣреннаго по-

яса; но то, что требуетъ человѣческой заботливости и вниманія, или что человѣкъ производитъ самъ собою, все это поляе, благороднѣе и лучше въ нашей отчизнѣ, на той почвѣ, которая впродолженіи *трехъ* тысячелѣтій питала собою просвѣщенныхъ членовъ человѣчества. Но не только въ этомъ одномъ заключается преимущество умѣреннаго пояса; ему обязано человѣчество своими высшими способностями и дарованіями, потому-что тропическій поясъ усыпительно дѣйствуетъ на человѣка, уменьшаетъ его духовную дѣятельность и невольно дѣлаетъ его впечатлительнѣе только къ матеріальнымъ удовольствіямъ. Нужно слишкомъ много силы воли, чтобы противостоятъ здѣсь вліянію физическихъ наслажденій; да и какъ не предаться имъ, когда нѣтъ никакихъ другихъ. Разумный человѣческій духъ получилъ высшее свое развитіе не въ жаркомъ, а въ умѣренно-тепломъ поясѣ земнаго шара; только неразумная органическая природа проявляетъ между тропиками свою полнѣйшую дѣятельность. Здѣсь количественное, тамъ качественное преобладаніе органической матеріи.

IV.

ПЛОДЫ БРАЗИЛІИ.

Въ большей части сочиненій, описывающихъ тропическія страны, часто упоминается о превосходствѣ тамошнихъ плодовъ, которымъ наши европейскіе далеко уступаютъ въ величинѣ, красотѣ и вкусѣ. Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній путешественникъ вступаетъ въ тропическую область; онъ съ нетерпѣніемъ дожидается того времени, когда будетъ въ состояніи повѣрить на дѣлѣ справедливость слышаннаго. Съ перваго раза дѣйствительность превосходитъ все ожиданія; онъ видитъ передъ собою полныя корзины *апельсиновъ*, кучи *ананасовъ*, горы правильно сложенныхъ *кокосовыхъ ореховъ*. Ему невольно приходитъ мысль, что если такъ обыкновенны эти прекрасные плоды, то каковы же должны быть тѣ, которые заботливо сохраняются за окнами и за рѣшетками лавокъ, и выстав-

ляются на показъ какъ благороднѣйшіе, лучшіе плоды, доступные по цѣнѣ только богатому, обеспеченному человѣку.

Но подобныхъ плодовъ нигдѣ не увидитъ путешественникъ, при ближайшемъ осмотрѣ города. Вездѣ встрѣчаетъ онъ грязныхъ, оборванныхъ негровъ обоего пола, носящихъ по улицамъ на головахъ большія плоскія корзины или широкіе деревянные лотки, на половину закрытые чистыми бѣлыми платками и наполненные прекрасными плодами: ананасами, смоквами, апельсинами, банавами, арбузами и др. Длинными рядами разложены эти плоды по тротуарамъ широкой Rua Direita и на углахъ и перекресткахъ улицъ. Скоро до-сыта наглядится иностранецъ на эти прелести. Скоро теряетъ онъ охоту принимать душистые ананасы изъ грязной, черной руки бразильскихъ продавщицъ, потому-что запахъ, сопровождающій черныхъ торговковъ, такъ противенъ, что только необходимость можетъ заставить пренебречь имъ.

Впрочемъ это только первое впечатлѣніе, и неудобство его вѣроятно исчезнетъ, когда попривыкнешь къ нему, и найдешь себѣ вознагражденіе въ прекрасныхъ плодахъ; такъ падѣтся путешественникъ, но, къ сожалѣнію, какъ мнѣ кажется, напрасно! Кто не былъ удовлетворенъ первымъ впечатлѣніемъ тропическаго пояса, тотъ едва ли найдетъ себѣ удовлетвореніе въ

ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ; чѣмъ далѣе и глубже будетъ онъ вникать въ него, тѣмъ болѣе будетъ исчезать очарованіе. Нужно обладать пытливымъ глазомъ ученаго наблюдателя, чтобы извлекать постоянныя наслажденія изъ природы тропическаго пояса, и чувствовать себя вознагражденнымъ за недостатокъ всѣхъ духовныхъ, истинно человѣческихъ наслажденій, доставляемыхъ Европою ея обитателямъ. Какъ часто, думая объ этомъ, я испытывалъ на себѣ справедливость известной поговорки, *«никто безнаказанно не бродилъ подъ пальмами»*. Конечно, пальмы хороши, онѣ очаровываютъ иностранца; но видѣть только пальмы и пальмы, дѣлается наконецъ скучно; отсутствующее пріобрѣтаетъ особенную привлекательность, и отъ всѣхъ красотъ природы умъ наконецъ все-таки возвращается къ красотамъ человѣческаго духа, къ никогда не надоедающимъ, никогда не утомляющимъ дарамъ его. По этому для каждаго образованнаго человѣка Европа останется всегда тѣмъ же, чѣмъ остается древній Римъ для каждаго истиннаго художника; гдѣ бы Европеецъ ни былъ, мысли и желанія его всегда будутъ стремиться къ ней, какъ сосредоточію высшей духовной человѣческой жизни.

Старый Свѣтъ пользуется такими преимуществами, не только потому, что онъ принадлежитъ къ наиболѣе цивилизованнымъ странамъ земли, но и по самой при-

родѣ своей. Это яснѣ видно при изслѣдованіи плодовъ Бразиліи и сравненіи мѣстныхъ произведеній ея съ тѣми, которыми она обязана Старому Свѣту. Тогда вполне выступаетъ передъ глазами наблюдателя вся слабость, недостаточность и ничтожность Новаго Свѣта. Въ нашемъ небольшомъ изслѣдованіи мы стараемся представить подтвержденіе этой горькой истины; оно можетъ—быть послужить утѣшеніемъ для тѣхъ филантроповъ, которые сожальютъ о неизбѣжномъ исчезновеніи первобытнаго американскаго населенія, и убѣдить ихъ, что западные пришельцы ежегодно прибывающіе во множествѣ изъ Европы въ Америку и вытѣсняющіе первобытное американское населеніе, исполняютъ собою только вѣчныя судьбы.

Фрукты Европы раздѣляются на нѣсколько различныхъ категорій, по происхожденію, ботаническимъ различіямъ и географическому распредѣленію. Средняя Европа обладаетъ многими прекрасными плодами: черникой, смородиной, крыжовникомъ, земляникой, малиной, ежевикой, прекрасными яблоками и грушами; но самые нѣжные плоды ея,—сливы, абрикосы, персики, виноградъ, не принадлежатъ къ ея первобытнымъ плодамъ; поэтому они созрѣваютъ только въ закрытыхъ мѣстахъ, при особенномъ уходѣ; настоящая родина ихъ въ климатѣ болѣе южномъ. Они выросли на побережьяхъ Средиземнаго моря. Оттуда

распространились они далѣе къ западу, вмѣстѣ съ апельсинами, смоквами, огурцами и дынями. Большая часть всѣхъ этихъ плодовъ принадлежитъ къ обширному семейству *розъ* (*Rosaceae*), которое хотя и распространено по всей землѣ, но подъ жгучимъ зноемъ настоящаго тропическаго пояса никогда не доставляетъ хорошихъ плодовъ. Для произведенія лучшихъ своихъ представителей, семейство розъ выбираетъ всегда теплѣйшія умѣренныя области земли. Семейству апельсиновъ (*Aurantiaceae*) и смоквъ (*Ficoideae*) нуженъ такой климатъ, гдѣ температура никогда или только весьма не на долго опускается ниже точки замерзанія. И такъ европейская почва производитъ только немногія употребительныя въ пищу растительныя семейства; *аурантиацеи* и *фиикоидеи* на югѣ; *проссулярии* и *вакцинии* на сѣверѣ, *розацеи* и *виниферы* въ средней части материка, снабжающіе и частью питающіе жителей этихъ странъ своими сочными, сахаристыми и ароматическими плодами.

Сравнивая съ этимъ результатомъ Бразилію, страну, лежащую по преимуществу подъ лучами жгучаго тропическаго пояса, прежде всего встрѣчаешь въ ней часть вышеупомянутыхъ плодовъ, и именно благороднѣйшіе, лучшіе въ такомъ же совершенствѣ какъ въ Европѣ. Всѣ фруктовыя деревья Старога Свѣта, не переходящія за области Средизем-

наго моря, превосходно растутъ въ Бразиліи; напротивъ того тѣ, которыя свободно растутъ выше Альповъ, не могутъ найти себѣ соответствующей почвы въ бразильскомъ тропическомъ климатѣ. Бразилецъ долженъ отказаться отъ всѣхъ плодовъ средней Европы; но всѣ южноазиатскіе плоды можетъ онъ воздѣлывать, и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе боятся они мороза, которому иногда подвергаются и въ Азіи. Такъ въ бразильскомъ фруктовомъ саду вы не только не встрѣтите ни одного вида нашихъ ягодъ, но не увидите и яблокъ, грушъ, сливъ и вишенъ, виноградныхъ лозъ, абрикосовъ и персиковъ; всѣ эти растенія или вовсе не даютъ плодовъ, или даютъ плоды кислые и невкусные. Виноградъ и персики растутъ въ болѣе части садовъ Рио де Жанейро, но не даютъ вкусныхъ плодовъ, виноградъ кисель, а персики малы и безвкусны. Они поспѣваютъ слишкомъ скоро, подъ жгучимъ солнцемъ Бразиліи, и не имѣютъ времени выработать въ себѣ достаточное количество сахара. Всѣ тонкокожіе, сочные, сахаристые плоды семейства *розовыхъ* подвержены той же участи.

Въ Бразиліи растутъ только апельсины, смоквы, дыни, и кромѣ-того такіе плоды, которые не переходятъ за предѣлы тропическаго пояса, не встрѣчаются въ южной Европѣ. Европейецъ не имѣетъ о нихъ вообще никакого понятія, онъ никогда не видалъ ихъ, и

поэтому вниманіе его наиболѣе обращается къ этимъ плодамъ, извѣстнымъ ему иногда только по имени. Поэтому мнѣ кажется не лишнимъ начать съ нихъ ближайшее описаніе.

Первое мѣсто между бразильскими плодами принадлежитъ *банану*, самому обыкновенному и здоровому изъ всѣхъ настоящихъ тропическихъ плодовъ. Онъ имѣетъ вообще видъ огурца, длиною въ палецъ и болѣе, толщиною отъ 1 до 1½ дюймовъ; покрытъ гладкой, желтовато-зеленой, у нѣкоторыхъ видовъ темно-коричневою, вязкой кожурою. Весь плодъ имѣетъ видъ трехгранный. Внутренность его представляетъ довольно твердое, мучнистое вещество, безъ особеннаго вкуса. Въ немъ нѣтъ ни кислотъ, ни особенной сладости, но тѣмъ не менѣе вкусъ его не неприятенъ. При употребленіи плода, его очищаютъ, снимая спизу отъ стебля кожуру, причемъ она раздѣляется на три части, или створки, изъ которыхъ состоитъ фруктовая оболочка. На заросшихъ швахъ этихъ трехъ створокъ сидятъ тонкіе сѣмяносы — лепешки, и на каждой изъ послѣднихъ безчисленное множество весьма маленькихъ, незрѣлыхъ сѣменныхъ пузырьковъ, которые рѣдко дозрѣваютъ. Поэтому все содержаніе плода дѣлается съѣдобнымъ, и ни одно зерно, ни одна косточка не прерываютъ равномерно мучнистую

мякоть его. Вкусъ мякоти ближе всего можно сравнить съ нѣкоторыми видами грушъ; она однакожь не бываетъ такъ сочна, сладка и приятно-прохладительна, какъ мякоть ихъ. Между бананами встрѣчается множество видовъ, значительно различающихся между собою во вкусѣ. Самые плохіе весьма мучнисты и безвкусны, безъ всякой сладости; лучшіе имѣютъ болѣе сочную, сахаристую мякоть съ легкимъ запахомъ ванили. Плодъ этотъ употребляется въ свѣжемъ видѣ, или жареный съ сахаромъ; тогда онъ приобретаетъ вкусъ блина.

Бананы Бразиліи принадлежатъ къ двумъ различнымъ видамъ, относящимся другъ къ другу какъ сладкая и кислая вишня; конечно не во вкусѣ, въ которомъ они весьма сходны. Одинъ видъ происходитъ отъ восточнаго *пизана* (*Musa sapientum*); онъ нѣсколько меньше, тупѣе, округленнѣе, безъ выдающихся граней и нѣсколько скривленнѣе; онъ сладокъ, но не соченъ. Другой видъ (*Musa paradisiaca*) длиннѣе, прямѣе, совершенно трехгранный, острый, съ длиннымъ стеблемъ, поставленнымъ къ плоду постоянно подъ тупымъ угломъ. Видъ этотъ свѣжѣе, сочнѣе, содержитъ болѣе мякоти и показался мнѣ пріятнѣе. Бразильцы называютъ его *banana da terra*, то есть «*туземный бананъ*»; онъ дѣйствительно американскаго происхожденія, и кажется занесенъ сюда съ вѣсть-инд-

скихъ острововъ. Дерево, на которомъ растутъ бананы, есть собственно недеревянистое, сочное, высокое кустарное растеніе, съ большими, внизу футлярovidными листьями, которое, подобно всѣмъ кустарнымъ растеніямъ, цвѣтетъ и даетъ плоды только однажды, потомъ засыхаетъ до самаго корня, отдѣляющаго постоянно во множествѣ новые отпрыски. Каждое отдѣльное растеніе даетъ около 100 плодовъ, и корень постоянно пускаетъ отъ себя ростки, никогда не умирая; все растеніе чрезвычайно плодovито; одного кустарника достаточно на прокормленіе человѣка въ продолженіи всей его жизни. Но только такое существованіе ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы назвать пріятнымъ или удовлетворительнымъ. Я никогда не могъ съѣсть болѣе *одного* банана, хотя немогу сказать, чтобы они были мнѣ противны. Но сознаюсь, что и привлекательности находилъ я въ нихъ очень не много; я ѣлъ ихъ только потому, что не было другихъ плодовъ; маломальски порядочная груша гораздо вкуснѣе самаго лучшаго банана.

Если бананъ можно назвать самымъ обыкновеннымъ плодомъ Бразиліи, то напротивъ-того, *манга* считается самымъ лучшимъ. Толстое крѣпкое дерево, не очень высокій стволъ котораго покрытъ развѣспстой, темно-зеленой, тѣнистой, объемистой вершиной, доставляетъ эти прекрасные плоды. Листья дерева имѣютъ

длину почти одного фута и ширину 3-хъ пальцевъ; они продолговато-овальны, заострены, съ высокой срединной жилкой и толстыми, параллельными между собою, косыми, боковыми жилками. Маленькіе, зеленые цвѣты висятъ кистямъ, подобно цвѣтамъ дикихъ каштановъ; такое же положеніе имѣютъ большіе темно-зеленые плоды, величина которыхъ измѣняется между величиною яйца и кулака; гладкая кора ихъ во время зрѣлости покрывается коричневыми пятнами, подобно грецкимъ орѣхамъ, съ которыми плоды эти имѣютъ вообще нѣкоторое сходство. Подъ кожурой, которая снимается какъ у яблоковъ и грушъ, находится мягкая, красновато-желтая, сочная мякоть; во внутренности своей она заключаетъ большое твердое зерно, волокнистая поверхность котораго срастается съ мякотью и постепенно переходитъ въ нее, почему зерно не можетъ быть чисто отдѣлено. Чрезвычайно-нѣжная мякоть плода имѣетъ легкій терпентинный запахъ и вкусъ, который хотя не особенно неприятенъ, но нерѣдко бываетъ такъ замѣтенъ, что необходимо за нѣсколько минутъ до употребленія опускать плодъ въ чистую воду, для смягченія запаха и вкуса. Ножомъ вырѣзываютъ мягчайшіе слои мякоти плода и ѣдятъ ихъ какъ дыню, только безъ сахару; зерно же поджаривается и получаетъ вкусъ, близко подходящій къ вкусу кашта-

новъ. Употребленіе этого плода всегда требуетъ предварительныхъ приготовленій, хотя и не трудныхъ, но весьма скучныхъ; какъ приятенъ вкусъ плода, такъ же неприятны скучныя манипуляціи, которыхъ онъ требуетъ передъ употребленіемъ. Дерево производящее эти плоды (*Mangiera indica*) родомъ изъ Ост-Индіи, и слѣдовательно первоначально вывезено изъ Стараго Свѣта; оно принадлежитъ къ семейству *тербинтацей*.

Въ Америкѣ существуютъ также нѣкоторые мѣстные члены этого семейства съ употребительными въ пищу плодами, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравниться во вкусъ съ мангой. Вообще къ ней наиболѣе приближается *Ihametara* или *Acaia* (*Spondias tugalbanus*); я однакожь не видалъ въ Бразиліи этого дерева; оно воздѣлывается только въ самыхъ сѣверныхъ областяхъ тропическаго пояса. Самая распространенная тербинтацея Бразиліи есть *Caju* (*Anacardium occidentale*), большое, тѣнистое дерево съ темной, широкой вершиной; овальные листья его имѣютъ длину 3-хъ дюймовъ и ширину 2 дюймовъ; плоды его состоятъ изъ мягкаго грушевиднаго тора, усаженнаго коричневыми орѣшками. Ядра этихъ орѣховъ имѣютъ ядовитыя свойства; они извѣстны въ аптекахъ подъ именемъ *слоновьей ши* и привѣшиваются на снуркѣ на шею, какъ средство противъ хропи-

ческаго ревматизма и зубной боли. Мякоть тора употребляется въ Бразиліи въ видѣ компота или варенья; въ сыромъ видѣ она горька и противна, хотя прекрасный золото-желтый цвѣтъ, съ розовымъ оттенкомъ, придаетъ плоду видъ спѣлой груши и дѣлаетъ его особенно привлекательнымъ. По вкусу онъ конечно не можетъ быть и сравниваемъ съ нашими грушами.

Одинъ изъ лучшихъ плодовъ Бразиліи, поспѣвающихъ хорошо только въ жарчайшихъ странахъ, есть *абакатъ* (*Abacado*, *Persea gratissima*, называемый также *fructo do Conde*). Онъ имѣетъ видъ большой груши, съ зеленой, кожеобразной скорлупой и нѣжной, сочной мякотью, заключающей въ себѣ твердое ядро, подобное грецкому орѣху. Зерно это остается безъ употребленія, но мякоть, растертая въ кисель съ небольшимъ количествомъ лимоннаго сока и сахара, имѣетъ весьма пріятный, нѣжный вкусъ. Передъ употребленіемъ плодъ разрѣзываютъ поперегъ до самаго ядра, которое выбрасываютъ, потомъ вынимаютъ мякоть чайной ложкой, выкладываютъ на тарелку, поливаютъ лимоннымъ сокомъ, и посыпаютъ сахаромъ. Одногo абаката достаточно для 3—4 персонъ; вкусъ его нѣжный и острый, такъ-что много невозможно съѣсть. Сама по себѣ мякоть безвкусна; въ родѣ артишоковъ, но съ лимоннымъ сокомъ и съ сахаромъ это самое пріятное изъ всѣхъ

лакомствъ растительнаго царства, какія мнѣ случилось пробовать въ Бразиліи. Дерево дающее эти плоды, принадлежитъ къ *лаврамъ* (*Laugineae*); оно весьма высоко, покрыто кожеобразными, простыми листьями, величиною вдвое болѣе лавровыхъ, и съ особенной заботливостью разводится въ садахъ Ріо де Жанейро. Хотя настоящая отчизна его—тропическій поясъ Южной Америки, но южнѣе Ріо де Жанейро оно не попадаетъ. Во всей области Миаса, которая холоднѣе Ріо, потому-что лежитъ выше, я не встрѣчалъ этого дерева.

Другихъ лавровъ не разводятъ въ Бразиліи, но воздѣлываютъ многіе виды семейства миртъ, плоды которыхъ весьма распространены въ этой странѣ. Первое мѣсто между этими плодами занимаетъ *гойава* (*Psidium pomiferum*), самый распространенный плодъ послѣ апельсина, растущій въ дикомъ видѣ во многихъ мѣстахъ, близъ селеній, густыми группами наподобіе плантацій. Это тонкоствольныя, низкія, кустарныя растенія съ большими, эллиптическими, кожевидными листьями и гладкой свѣтло-коричневою корою, дающія плоды, по наружному виду совершенно похожіе на апельсины, только болѣе чистаго желтаго цвѣта, какъ у лимоновъ. За твердой, кожеобразной скорлупой слѣдуетъ топкая нѣжная мякоть, постепенно превращающаяся въ прекрасный розовый

кисель, со множествомъ зеренъ. Этотъ кисель, запахъ котораго сначала непріятенъ и отзывается мочею, съѣдается вмѣстѣ съ зернами; онъ имѣетъ нѣсколько горькій, слегка вяжущій вкусъ и причиняетъ запоръ. За особенное лакомство его пельзя считатьъ, по при маломъ разнообразіи плодовъ Бразиліи, гойава всегда будетъ замѣчена путешественникомъ. Изъ нея готовятъ съ сахаромъ очень хорошіе мармеладъ и желе, продающіеся во всѣхъ лавкахъ. Желе это привозится въ Европу въ плоскихъ жестяныхъ коробкахъ, и можетъ-быть знакомо нѣкоторымъ изъ моихъ читателей.

Въ Старомъ Свѣтѣ гойавы не встрѣчаются; мѣсто ихъ заступаютъ тамъ *гранаты* (*Punica Granatum*), которые встрѣчаются и въ бразильскихъ садахъ, но болѣе какъ украшеніе; плоды ихъ мало употребляются. Напротивъ-того болѣе разводятся и употребляются *розовые яблоки* (*Eugenia Iambos, Iambosa vulgaris, Rosenäpfel*). Это круглые плоды, величиною съ грецкій орѣхъ или билліардный шаръ, прекраснаго свѣтло-розоваго цвѣта. Мякоть ихъ имѣетъ пріятный запахъ розы, твердость почти одинакова съ яблоками; въ срединѣ плода заключается большое зерно, величиною съ ружейную пулю, которое совершенно отдѣляется отъ мякоти и выпадаетъ при разламываніи плода. Весьма распространенъ внутри

страпы другой видъ того же рода, *ябутикаба* (*Eugenia cauliflora*), ягода имѣющая видъ большой шпанской вишни; короткими стебельками своимъ она сидитъ на старыхъ вѣтвяхъ маленькаго, стволстаго деревца, явственно обнаруживающаго принадлежность свою къ миртамъ, но темной, густой, твердой зелени. Круглыя, темно-зеленыя вершинны его видѣются во многихъ садахъ Минаса и производятъ грустное, меланхолическое впечатлѣніе. Плодъ содержитъ подъ пѣжною, темно-красною оболочкою бѣлую, мягкую, весьма сочную мякоть, въ которой заключаются 2—3 зерна. Его обыкновенно сосутъ, потому-что между кожей и зернами не остается много съѣдобнаго; вкусъ плодовъ пріятенъ, хотя далеко уступаетъ вишнямъ, мѣсто которыхъ они занимаютъ въ Бразиліи. Послѣваютъ они поздно, (въ сентябрѣ, въ октябрѣ), и это придаетъ имъ особенную цѣну, потому-что въ это время нельзя имѣть почти никакихъ другихъ свѣжихъ плодовъ.

За симъ остается еще *одинъ* общераспространенный и довольно употребительный бразильскій плодъ, *мамонгг* (*Mamão*). Онъ растетъ на высокомъ прямствольномъ деревѣ съ большими 7—9-ти лопастными листьями и заступаетъ въ Новомъ Свѣтѣ мѣсто австралійскаго *аллбнаго плода* (*Artocarpus*). Уже индійцамъ было извѣстно это дерево, дико растущее

въ ихъ лѣсахъ; они садили его около своихъ хижинъ. Отъ нихъ оно перешло къ низшимъ классамъ бразильскихъ поселенцевъ, въ-особенности же къ цвѣтнымъ, и въ настоящее время разводится почти въ каждомъ саду. Плоды его вовсе почти не употребляются бѣлыми, которые съ презрѣніемъ называютъ ихъ «негровыми плодами». Дѣйствительно, плоды эти не заслуживаютъ особенной похвалы; они походятъ на дыню и имѣютъ такую же красновато-желтую, сочную мякоть, твердую корку и множество круглыхъ, темнозеленыхъ зеренъ, тѣсно сидящихъ другъ возлѣ друга. По гладкой, сырой, мясистой оболочкѣ, зерна эти похожи на крупнозернистую свѣжую икру, но къ-сожалѣнію только наружностью, а не вкусомъ, потому-что они вовсе не годятся въ употребленіе. Даже мякоть плода вовсе не вкусна, безъ сахара непріятна, и вообще ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти въ сравненіе съ лѣжнымъ вкусомъ дыни. Я вѣдь эти плоды только потому, что во время зрѣлости ихъ, въ концѣ зимы, они являются обыкновенными и распространенными плодами, которые гораздо легче можно доставать, нежели ябутикабу, разводимую только въ немногихъ, богатыхъ садахъ.

Таковы настоящіе природныя бразильскіе плоды; всѣ прочіе плоды, во множествѣ разводимые въ Бразиліи, происходятъ изъ другихъ странъ, и были при-

везены сюда европейскими переселенцами. Даже *манга* и *розовые яблоки* принадлежатъ къ этому же ряду; ихъ на столько же можно назвать туземными плодами, какъ *апельсины*, *лимоны*, *ананасы*, *смоквы*, *дыни*, *кокосовые орѣхи* и *бѣлые плоды*, разводимые въ бразильскихъ садахъ. Туземными можно еще назвать нѣкоторые виды *Магасија*, плоды мѣстныхъ (*Passiflorae*), но и тѣ имѣютъ непріятный, сладковатый вкусъ; плоды эти по наружному виду похожи на большія ягоды крыжовника, величиною съ утиное или гусиное яйцо, прекраснаго оранжеваго или краснаго цвѣта, и гораздо пріятнѣе на видѣ, нежели на вкусѣ.

Изъ всѣхъ описанныхъ бразильскихъ плодовъ, въ фруктовыхъ корзинкахъ негровъ Рио де Жанейро можно найти только одни бананы, и то индѣйскіе, а не настоящіе американскіе *banana da terra*. Вмѣстѣ, съ ними продаются разные виды апельсиновъ, сладкіе лимоны (*Citrus Limetta*), ананасы, дыни, гораздо рѣже и въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются смоквы, манга и абакаты, и кое-гдѣ гойавы. Нельзя сказать, чтобы фрукты эти были очень дешевы, абакаты очень дороги, а дыни въ Рио де Жанейро постоянно были дороже нежели въ Берлинѣ, не будучи нисколько лучше, больше или вкуснѣе. Дешевле продаются круглые зеленые арбузы съ бѣлой мякотью и темно-

красными съменами (*Cucurbita Citrullus*), но они скоро надоедаютъ и безъ сахара вовсе не вкусны, такъ-что никогда не подаются въ домахъ богатыхъ людей.

Ежедневное употребленіе апельсиновъ, ананасовъ, банановъ, смоквъ, дынь и всѣхъ сочныхъ плодовъ жаркихъ странъ скоро надоедаетъ европейцу; онъ вспоминаетъ о своихъ родныхъ, нѣжныхъ и вкусныхъ яблокахъ, грушахъ, сливахъ и вишняхъ, въ-особенности, когда постепенно убѣдится, что даже самые благороднѣйшіе тропическіе плоды рождаются здѣсь не лучше, чѣмъ у насъ. Конечно, видъ свѣжаго ананаса, вчетверо превосходящаго величину нашихъ оранжевыхъ, производитъ пріятное впечатлѣніе; великолѣпный золотожелтый, часто багрянокрасный, даже пурпуровый цвѣтъ и сильный запахъ еще болѣе говорятъ въ пользу бразильскаго ананаса, но мякоть отъ этого нисколько не дѣлается вкуснѣе. Съ величиной плода возрастаетъ и количество деревянистыхъ частей, и съ ананаса приходится всегда срѣзывать очень толстую кожу, прежде чѣмъ дойдешь до сладкой, сочной мякоти. Самая мякоть мѣстами очень тверда и нисколько не вкуснѣе мякоти нашихъ оранжевыхъ ананасовъ. Я постоянно былъ весьма умеренъ въ употребленіи ихъ, потому-что они сильнѣе всѣхъ прочихъ плодовъ дѣйствуютъ на иностранца; но всё-таки довольно часто лакомился ими вмѣстѣ

съ сыномъ, и нахожу, что они нисколько не вкуснѣе европейскихъ. Итакъ относительно плодовъ европейецъ не можетъ завидовать бразильцу; напротивъ-того, вмѣстѣ съ свѣжими апельсинами, смоквами и ананасами онъ пользуется еще грушами, сливами, вишней и клубникой, отъ которыхъ большая часть бразильцевъ должны отказаться. Только яблоки привозятся изъ Сѣверной-Америки на рынокъ Рио де Жанейро, и стоятъ почти въ одной цѣнѣ съ мангой, абакатами и ананасами.

Мы возвращаемся къ начальному сравненію Новаго Свѣта со Старымъ, имѣя передъ собою плоды тропической области обоихъ полушарій. При этомъ мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя семейства растений одинаково свойственны обоимъ полушаріямъ, другія же только одному. Къ первымъ принадлежатъ *пальмы*, *красивыя растенія*, *лавры*, *терebinтацеи* и *мирты*; къ послѣднимъ *бромеліацеи*, *кукурбитацеи* или тыквенныя растенія *пассифлоры* и *аурантіацеи* или апельсиныя растенія.

Обращаясь къ первымъ, мы должны прежде всего остановиться на пальмахъ, о плодахъ которыхъ до сихъ поръ еще не говорили. Каждому извѣстны *финики* и *кокосовые орѣхи*, какъ главнѣйшіе плоды пальмъ; каждый знаетъ также, что первые происходятъ изъ Аравіи, послѣдніе же вѣроятно съ южно-

азиатскихъ острововъ, потому-что это полезное дерево растеть только на морскихъ берегахъ. Южная Америка имѣеть много пальмъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даютъ употребительные плоды и сѣмена, но ни *канустная пальма* (*Euterpe oleracea*), ни *винная пальма* (*Mauritia vinosa*), ни многіе виды, дающіе вкусные орѣхи, напр. *Aegocomia sclerocarpa*, *Attalea compta* и мн. др. не могутъ сравниться въ употребительности и пользѣ съ финиками и кокосовыми орѣхами. Даже столь драгоценная по своей сердцевинѣ *саговая пальма* (*Sagus farinifera*) и та остъ-индскаго происхожденія. Поэтому при описаніи плодовъ мы оставили безъ вниманія пальмы Бразиліи; ни одна изъ нихъ не производитъ такихъ плодовъ, которые пользовались бы извѣстностью или заслуживали бы всеобщаго вниманія; только кое-гдѣ употребляются они, и то за неимѣніемъ лучшаго. Поэтому относительно пальмовыхъ плодовъ, Новый Свѣтъ стоитъ гораздо ниже Стараго.

То же самое видимъ мы и въ *уртицяхъ* или древовидныхъ крапивныхъ растеніяхъ. Между множествомъ дикихъ, фиговыхъ деревъ, принадлежащихъ Бразиліи, нѣтъ ни одного, которое давало бы нетолько вкусные, но хотя бы употребительные плоды. *Смоква* (*Ficus carica*) восточнаго происхожденія и принадлежала первоначально благословеннымъ полямъ

передней Азіи. Южная Америка произвела только одну полезную уртицею, *мамонга*, но и та далеко уступаетъ хлѣбному дереву австралійскаго архипелага. Плодъ хлѣбнаго дерева если и не вкуснѣе, то все-таки гораздо питательнѣе и мучнистѣе мамонга.

Относительно *лавровъ* перевѣсъ склоняется въ пользу Америки, потому-что Старый Свѣтъ не произвелъ плода, подобнаго *абакату*; но и въ этомъ случаѣ достоинство плода возвышается прибавленіемъ лимона и сахара, продуктовъ Стараго Свѣта. Не должно упускать также изъ вида, что другія части лавровъ восточнаго полушарія, какъ напримѣръ *корица*, доставляютъ также пріятныя приправы къ нашимъ кушаньямъ. Какъ плодъ, *абакатъ* однакожь остается во всякомъ случаѣ самымъ полезнымъ изъ всего семейства лавровъ.

Совершенно противоположное представляютъ *тербинтацевъ*; лучшіе плоды этого семейства принадлежатъ Азіи или Австраліи.

Семейство *миртъ* въ обоихъ полушаріяхъ произвело одинаково прекрасные и полезные плоды, хотя восточные пріятнѣе и нѣжнѣе, между-тѣмъ какъ западные болѣе употребительны. *Гойавы* и *ябутикабы* на западѣ, *гранаты* и *ямбосы* на Востокѣ, доставляютъ собою не столько питательную, сколько сочную и чрезвычайно ароматическую пищу.

Итакъ изъ всѣхъ плодовыхъ растеній только мирты и лавры одинаково производительны и полезны въ обоихъ полушаріяхъ; относительно всѣхъ прочихъ, какъ то: теребинтацей, уртицей и пальмъ, перевѣсъ склоняется въ пользу Стараго Свѣта.

Этотъ результатъ еще болѣе подтверждается такими растительными семействами, которыя обязаны происхожденіемъ своимъ одному изъ двухъ полушарій. Только пассифлоры произвели въ Америкѣ плоды, которыхъ нѣтъ въ восточномъ полушаріи, но они не могутъ соперничать съ огурцами, дынями или тыквами; если бы даже они были вкуснѣе, то всё-таки стояли бы ниже по величинѣ и употребленію. Плодъ пассифлора составляетъ весьма слабое вознагражденіе недостатка въ Новомъ Свѣтѣ всѣхъ употребительныхъ кукурбитацей.

Мы зашли бы слишкомъ далеко въ нашемъ изслѣдованіи, еслибы захотѣли распространить его на всѣ питательныя растенія Стараго и Новаго Свѣта. За исключеніемъ картофеля, Америка не произвела ни одного особенно-важнаго питательнаго растенія; значеніе картофеля къ-сожалѣнію весьма уменьшается порчей, которой растеніе это подвергается болѣе всякаго другаго. Но что значитъ одинъ картофель въ сравненіи съ превосходнымъ рисомъ, великолѣпнымъ сахарнымъ тростникомъ, пшеницей, рожью и множе-

ствомъ другихъ питательныхъ растеній; обязанныхъ происхожденіемъ своимъ Востоку. Никто не поставитъ которое либо изъ этихъ растеній по употребительности ниже картофеля.

При сравненіи питательныхъ растеній обоихъ полушарій, внимательный наблюдатель замѣчаетъ еще одну особенность, выступающую въ способѣ отложенія настоящаго питательнаго вещества, *крахмала* (*amylum*), въ произведеніяхъ растительнаго царства. Восточное полушаріе отлагаетъ крахмалъ въ сѣменныхъ зернахъ, западное въ корневыхъ луковицахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что главное питательное растеніе американскаго тропическаго пояса, *мандиока* (*Iatropa Manihot*), принадлежитъ первоначально Америкѣ, и, подобно картофелю, отлагаетъ въ изобиліи крахмалъ въ большихъ корневыхъ клубняхъ, между-тѣмъ какъ стебель, листья и плоды его обнаруживаютъ ядовитыя свойства. Еще третье, менѣе распространенное, но довольно важное питательное растеніе, дающее употребительныя въ пищу мучнистыя корневыя луковицы *бататъ* (*Convolvulus batatas*), также американскаго происхожденія. Этому растенію впрочемъ вполне соответствуетъ азиатская *диоскорея* (*Dioscorea*). Если справедливо мнѣніе нѣкоторыхъ писателей о неамериканскомъ происхожденіи *манса*, то нельзя не замѣтить, что Америка не произвела ни одного расте-

нія съ мучнистыми, питательными зернами, между-тѣмъ какъ именно въ этомъ органѣ отлагаютъ свои мучнистыя части питательныя растенія Старого Свѣта. Не достаточно ли одного этого обстоятельства для доказательства высшаго достоинства восточнаго полушарія?... Не показываетъ ли оно, что лучшія, полнѣйшія, по-крайней-мѣрѣ употребительнѣйшія для человѣка питательныя вещества принадлежатъ Старому Свѣту? Самый маисъ употребляется въ Америкѣ болѣе въ кормъ животныхъ, нежели въ пищу, человѣку; изъ муки его готовится только плохой невкусный хлѣбъ, который нигдѣ не служитъ постоянною пищею. Если же маисъ и былъ воздѣлываемъ американскими народами до прибытія европейцевъ, то онъ во всякомъ случаѣ не былъ извѣстенъ всѣмъ американскимъ народамъ; грубые дикари употребляли только мандіоку и бататы.

г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЧЕСКИХЪ СУЩЕСТВЪ БРАЗИЛИ.

Кто слишкомъ много ожидаетъ, тотъ постоянно бываетъ обманутъ! Я испыталъ это на себѣ. Я уже не тотъ энтузіастъ, увлекающійся Америкой, какимъ былъ прежде до моего путешествія. Описаніе его покажетъ это всѣмъ моимъ читателямъ. Я возвратился въ Европу уже значительно разочарованнымъ. И все-таки, подобно бѣльшей части тѣхъ, которые прожили нѣкоторое время въ тропическомъ поясѣ, я сохранилъ непреодолимое желаніе снова побывать въ Америкѣ; прелесть тропической природы, съ ея вѣчною весною, оставляетъ въ душѣ сѣвернаго жителя неизгладимое впечатлѣніе; внезапные переходы отъ нестерпимаго солнечнаго зноя къ сильнѣйшимъ

ливнямъ, забываются при воспоминаніи о снѣжныхъ поляхъ и пятимѣсячной холодной зимѣ; снова возстаютъ въ его душѣ прежнія фантастическія картины далекаго края, забывается все отталкивающее, вынесенное изъ ближайшаго знакомства. Пріятныя воспоминанія легко остаются въ памяти, мы часто и охотно возвращаемся къ нимъ; тяжелые же забываются скорѣе.

Я также принадлежу къ этимъ легкомысленнымъ, но счастливымъ натурамъ. Бразилія, которую по отзыву моихъ тамошнихъ друзей, я описалъ хотя и коротко, но вѣрно, остается все-таки моимъ всегдашнимъ, любимымъ воспоминаніемъ. Мнѣ трудно убѣдить самого себя, что страну эту нельзя назвать счастливой или богатой, и что она едва ли когда-нибудь достигнетъ высшей степени цивилизаціи. Но безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ свойствъ этой страны, должно привести къ этому убѣжденію; оно покажетъ, что главныя условія быта населяющихъ ее органическихъ существъ также не могутъ быть названы счастливыми, и что если существовала зависимость между животнымъ и почвой, на которой оно родилось, то и позднѣйшіе пришельцы должны испытать на себѣ вліяніе тѣхъ условій, которыя дѣйствовали на первоначальныхъ обитателей. Разсмотрѣніе съ этой стороны органической природы Бразиліи, будетъ служить предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія.

Бразилія представляетъ весьма мало измѣненій относительно возвышенія надъ поверхностью моря, и слѣдовательно не можетъ быть такъ богата по разнообразію природы своей, какъ западныя области: Перу, Боливія, Чили, высокія горы которыхъ съ снѣжными вершинами, на узкомъ пространствѣ, шириною только отъ 30 — 60 географическихъ миль, представляютъ переходы ко всѣмъ климатамъ земнаго шара. Однимъ изъ широчайшихъ мѣстъ цѣпи Андовъ является область озера Титикака, гдѣ Перу и Боливія длинными полосами прикасаются другъ къ другу, и гдѣ нѣкогда находился центръ древнеамериканской цивилизаціи. Эта возвышенная плоскость съ своими обѣими отрогами, имѣетъ въ ширину немного болѣе *четыре*хъ градусовъ долготы, и на этомъ узкомъ основаніи поднимается до вышины 20,000 футовъ съ одной стороны *Илимани*, и съ другой стороны, обращенной къ берегу, *Саама*. Самое узкое мѣсто Кордильеровъ между Мендозою и Вальпарайзо; ширина горной цѣпи доходитъ здѣсь только до *двухъ* градусовъ долготы, и все-таки высокая, снѣжная вершина Аконкагуа (*Aconcagua*) возвышается до 22,000 футовъ. Широчайшая полоса Бразиліи лежитъ подъ параллелью Олинды и Пернамбуко (8° ю. ш.); она простирается до 36° и можетъ-быть даже до 40° ю. долготы и на всемъ этомъ протяженіи нѣтъ ни одной возвы-

шенности, превосходящей 5000 футовъ. Извѣстнѣйшія высоты Бразиліи лежатъ южнѣе, въ дальнѣйшихъ окрестностяхъ Рио де Жанейро, гдѣ, по измѣренію *Селлоу* (Sellou), вершина Серры да Монтиквейра (Serra da Montiqueira), близъ Айруока (Агуиока), возвышается до 7902', а высочайшая вершина Органной горы, по измѣренію Гарднера, доходитъ до 7500. Незначительность этихъ высотъ для страны, занимающей поверхность въ 130,000 квадратныхъ миль, яснѣе всего видна при сравненіи ея съ гористымъ континентомъ Европы. Бразилія больше всей Европы, не считая Россіи; однакоже на материкѣ Европы встрѣчаются многія горы въ 12.—14,000 футовъ, а высочайшая точка европейскихъ горныхъ системъ, *Мон-Бланъ*, даже значительно превосходитъ эту высоту (14,470'). Если бы при такомъ разнообразіи въ уровнѣ и при такомъ неправильномъ очертаніи береговъ, происходящемъ отъ глубоко вдающихся заливовъ, множества озеръ раздѣляемыхъ высокими горными хребтами, Европа лежала подъ тропиками, то она произвела бы не только богатѣйшую и разнообразнѣйшую органическую жизнь, но сдѣлалась бы, безъ сомнѣнія, самою богатою страной въ органическомъ отношеніи, богаче острововъ юго-восточной Азіи или вестъиндскаго архипелага съ Мехикой, считающихся въ настоящее время самыми роскошными странами обоихъ полушарій.

Въ Бразиліи, напротивъ того, являются только два главныхъ различія поверхности почвы: лѣсистыя каменныя горы съ узкими долинами и оврагами, или широкія, болѣе или менѣе плоскія возвышенности, пересѣкаемыя долинами, въ которыхъ по берегамъ рѣкъ простираются лѣса. Различіе между этими полосами такъ рѣзко, что не могло ускользнуть даже отъ неопытнаго глаза переселенцевъ; съ самаго начала европейскаго переселенія, первыя страны получили названіе *лѣистой области* (terra do mato), вторыя названіе *луговой или полевой области* (terra dos campos). Обѣ области раздѣляются между собою горною цѣпью, состоящею изъ множества конусообразныхъ горъ, главную массу которыхъ составляетъ *гнейсо-гранитъ* мясно-краснаго цвѣта. Горная цѣпь эта простирается почти параллельно атлантическому берегу отъ *Порто-Алегро* (Porto Alegre) подъ 30° ю. ш. черезъ *Пернамбуко* въ провинцію *Рио-Гранде до Норте*, гдѣ *мысъ С. Рока* (Cap. S. Roqua) составляетъ крайнюю оконечность послѣдняго поперечнаго отрога цѣпи, направляющагося къ океану. Мысъ этотъ подъ 5° 25' ю. ш. есть самый выдающійся восточный пунктъ южно-американскаго материка.

Почти подъ самымъ тропикомъ Козерога, близъ города *С. Пабло* (S. Pablo), лежащаго на внутреннемъ склонѣ, эта длинная, носящая разныя названія, горная

цѣпь достигаетъ морскаго берега и поэтому называется здѣсь Serra do Mar; отсюда она обращается къ сѣверу, направляясь внутрь страны и до самаго Рио Гранде до Норте остается отъ морскаго берега въ среднемъ разстояніи 40—60 геогр. миль. Часть Бразиліи, лежащая къ востоку отъ этой цѣпи, составляетъ terra do mato; это необозримая масса коническихъ горъ, крутыхъ отвѣсныхъ скалъ и узкихъ, долинъ. Всѣ эти неровности до самыхъ вершинъ горъ, покрыты густымъ первобытнымъ пальмовымъ лѣсомъ. Безчисленное множество ручьевъ и рѣкъ бороздятъ поверхность этого пространства; нѣкоторыя изъ нихъ по длинѣ и ширинѣ довольно близко подходятъ къ Заалѣ и Майну, а наибольшія равняются даже Рейну и Эльбѣ. Вся эта обширная полоса представляетъ мало разнообразія; по ней часто встрѣчаются горные ландшафты съ шумящими водопадами, напоминающіе собою виды Гарца и Исполиновыхъ горъ, хотя они покрыты совершенно другой, болѣе роскошной и разнообразной растительностью. У морскаго берега эти горы болѣею частью довольно быстро переходятъ въ плоскія, частію болотистыя низменности, по которымъ медленно изливается въ море безчисленное множество маленькихъ рѣкъ; устья этихъ рѣкъ окружены вязкой, необитаемой почвой, покрытой густыми, низкими кустарниками корнепусковъ.

Эта область Бразиліи принадлежитъ къ самымъ богатымъ и плодороднымъ. Здѣсь настоящее мѣсто для европейскихъ переселенцевъ, занимающихся выгоднымъ разведеніемъ кофейныхъ и сахарныхъ плантацій; и только здѣсь переселенецъ можетъ надѣяться на хорошее вознагражденіе за свои труды и можетъ рассчитывать не только на трудовой кусокъ хлѣба, но и на нѣкоторые излишки, которые дадутъ ему возможность сберечь кое-что подъ старость. Одно за другимъ валятся здѣсь ежедневно, подъ ударами топора, огромныя деревья первобытнаго лѣса; съ каждымъ годомъ расчищенная полоса поднимается все выше на горы, въ узкія горныя долины. Черезъ каждые десять лѣтъ на мѣстѣ прежнихъ роскошныхъ лѣсовъ, вырастаетъ на этихъ поляхъ истощенныхъ, несмотря на все ихъ богатство, новый, молодой, но довольно жалкій лѣсъ; новое поколѣніе поселенцевъ по примѣру отцовъ начинаетъ снова разорять его, но выигрываетъ при этомъ очень мало въ сравненіи съ предшествующимъ, потому-что и эта почва, послѣ столь сильнаго напряженія, нуждается въ болѣе продолжительномъ отдыхѣ.

Истиннымъ и вѣрнымъ признакомъ тропической области служить *первобытный лѣсъ* (mato virgem), гордость и украшеніе страны, приводящій въ восторгъ путешественника и источникъ богатства для пересе-

ленца. Тропическая страна непокрытая лѣсомъ, кажется осиротѣлою, пустынною и покинутою; ее избѣгаютъ и животныя, и растенія. Поэтому—то тропическій лѣсъ такъ радуется собою глазъ мыслящаго наблюдателя, не только увеселяя его зрѣніе, но и производя невольное торжественно—серьезное настроеніе въ душѣ его. Невозможно описать то сладостное чувство, которое пробуждается при этихъ волшебныхъ видахъ, подъ прохладой зеленой кровли, среди великолѣпныхъ листьевъ и разнообразныхъ роскошныхъ цвѣтовъ, покрывающихъ деревья. Всякій разъ мнѣ грустно было разставаться съ этими чудными лѣсами, и всегда съ радостью вступалъ я снова подъ ихъ зеленую кровлю, гдѣ бывало не насладиться до-сыта. Никогда не забуду я тѣ счастливые часы, которые проводилъ, проѣзжая верхомъ на добромъ конѣ по болотистымъ тропинкамъ этихъ угрюмыхъ лѣсовъ. Въ одной изъ предъидущихъ статей я старался наглядно представить читателю разносторонность впечатлѣній, испытываемыхъ путешественникомъ въ первобытномъ лѣсу; съ этою цѣлью я разсматривалъ части лѣса отдѣльно и описывалъ все замѣчательнѣйшее въ нихъ; поэтому не буду болѣе говорить о немъ, съ грустью прощаюсь съ его гордыми вершинами, густою сѣнью и священною тишиною его дебрей, въ которыхъ только идіотъ не проникнется чувствомъ благоговѣнія и безмолвнаго созерцанія.

Къ западу отъ описанной горной цѣпи, направленіе которой параллельно восточному, морскому берегу Бразиліи, простирается *луговая область* (*terrados campos*). Съ высоты *Итаколуми*, одной изъ значительнѣйшихъ высотъ Бразиліи (около 5500' высоты), близъ *Оуропreto* (*Ouropreto*), главнаго города провинціи Минасъ—Жераэсъ, наблюдатель съ удивленіемъ видитъ передъ собою безпредѣльную, волнистую равнину, простирающуюся къ западу. Напрасно ищетъ его взоръ какого—нибудь возвышенія, которое могло бы служить ему для ориентированія; только слѣва и справа, гдѣ тянутся отроги общей цѣпи горъ, возвышаются вершины *Serra da Itabira* и *Serra da Caraca*, ограничивающія съ этой стороны горизонтъ; далѣе позади на самомъ дальнемъ планѣ, синѣютъ фіолетовыя вершины *Serra de Piedade*, отдѣляющія верхнюю котловину *Rio des Velhas*, несимѣющей еще настоящаго характера кампосовъ, отъ широкаго и глубокаго бассейна рѣчной области ниже *Сабары*. Настоящіе признаки кампосовъ начинаются тамъ, гдѣ желтыя волны главнаго восточнаго рукава рѣки *С. Франциско* входятъ въ менѣе гористыя области ниже *С. Лючіи*, именно тотчасъ послѣ перехода чрезъ ручей *Ribeiron do Mato*, названный *лѣснымъ ручьемъ*, потому что онъ составляетъ послѣдній притокъ рѣки *Rio des Velhas*, текущей къ лѣсу. Начиная

отсюда, совершенно исчезаютъ отроги длинной главной цѣпи; рѣка течетъ медленно по широкой долинѣ, ограниченной съ востока главной цѣпью, съ запада известковой плоской возвышенностью, по другой сторонѣ которой протекаетъ второй западный, главный рукавъ рѣки съ притокомъ Rio Paraoreba. Такъ образуется огромная котловина, шириною около 60—80 геогр. мил., простирающаяся вдоль всей западной подошвы главной горной цѣпи и заключающая въ себѣ единственную большую рѣку Бразиліи, непосредственно изливающуюся въ море *). Не задолго до конца горной цѣпи, тамъ гдѣ она переходитъ изъ провинціи *Baiao* въ провинцію *Olanda*, рѣка прорывается на востокъ сквозь горный кряжъ, и устремляется по крутому склону Paulo Alfonso, въ разстояніи не болѣе 25 геогр. мил. отъ устья, представляя въ этомъ мѣстѣ новое до-сихъ-поръ непреодолимое препятствіе судоходству, къ большому вреду для внутренности страны. Такимъ-образомъ закрытъ естественный водяной путь, длиною болѣе 350 геогр. мил., который будучи судоходнымъ могъ бы открыть торговлѣ одну изъ богатѣйшихъ и лучшихъ

*) Всѣ прочія большія рѣки Бразиліи суть притоки или Амазонской рѣки или Rio de la Platy; только Токантинсъ (Tocantins), впадающій въ море близъ Пара, можетъ быть названъ самостоятельной рѣкой, хотя и онъ входитъ въ прикосновеніе съ водной системою Мараньона.

частей Бразиліи; внутреннія области провинціи *Baiao* и *Минасъ Жераэса*, называемыя самими бразильцами пустынею (*Sertão*), осуждены этими водопадами на долгое, можетъ-быть даже постоянное отчужденіе.

Въ этой полосѣ, называемой *Sertão* (выговаривается *сертонгъ*), главнѣйше заключается область кампосовъ. Она состоитъ изъ сухихъ, слегка выпуклыхъ, голыхъ высотъ, покрытыхъ низкою и рѣдкою травою. Возвышенія эти частью вовсе не имѣютъ никакой древесной растительности, частью же покрыты низкими, тонкими деревцами. Бразильцы называютъ первые, голые кампосы, *настоящими* (*veros*), послѣдніе же, кустарные, *жесткими* (*serrados*). Спустившись изъ верхней котловины Rio des Velhas между *Оуропreto* и *Сабарой*, вступаешь сначала въ область жесткихъ кампосовъ. Въ нихъ встрѣчаемъ деревья, подобныя деревьямъ первобытнаго лѣса, но они покажутся настоящими карликами въ сравненіи съ исполинами, растущими въ лѣсу. Эти маленькія деревья также принадлежатъ къ семействамъ легуминозъ, гуттиферъ, бомбацей, фикоидей, пальмъ и другихъ тропическихъ растений; но ни одно изъ нихъ не достигаетъ значительныхъ размѣровъ, что особенно поражаетъ путешественника, привыкшаго къ колоссальнымъ формамъ тропическаго лѣса. Красивая стройная пальма падается здѣсь группами отъ 3—12 деревьевъ между

другими болѣе толстыми растеніями. Тонкій стволъ ея сгибается подъ тяжестью ея собственныхъ, хотя очень нѣжныхъ, листьевъ, почему она называется *Cocos flexuosa*. Колеблемая вѣтромъ, она поднимаетъ и опускаетъ свою густую вершину, и необыкновенной красотой своею невольно побуждаетъ ближе ознакомиться съ нею. Часто становился я въ средину такой группы пальмъ, и разсматривалъ ихъ одну за другою; одна стояла прямо и высоко надъ головой, другая наклоняла къ моему лицу свою прекрасную вершину, какъ-бы предлагая себя моей любознательности; нѣкоторыя нагибались къ землѣ почти до самыхъ колѣнъ, съ трудомъ поддерживая свои тяжелые листья. Молодая листовая почка этой пальмы употребляется въ пищу, хотя и уступаетъ во вкусѣ *капустной пальмы* (*Euterpe oleagosa*), отличаемой отъ этой *Palmito do campo* названіемъ *Palmito do mato*. Бразильцы называютъ пальмами только тѣ деревья, у которыхъ, подобные двумъ вышеупомянутымъ, плоды имѣютъ видъ ягодъ; собственно ихъ называютъ пальмочками (*Palmito*), потому-что онѣ болѣею частью имѣютъ нѣжные, тонкіе стволы и прозрачную зелень; толстыя, большія пальмы, производящія орѣхи, извѣстны въ Бразиліи подъ общимъ названіемъ *Coqueiro*. Красивыя кампосовыя пальмочки доставляютъ впрочемъ очень немного капусты;

нужно срубить цѣлую дюжину ихъ, чтобы приготовить блюдо, достаточное для двоихъ; напротивъ, лѣсная пальма имѣетъ почку, которой достаточно для двухъ человѣкъ. Конечно сытъ такимъ кушаньемъ не будешь, но оно можетъ вполне замѣнить овощи при обѣдѣ.

Оба склона главной горной цѣпи и въ-особенности западные ея отроги, у подошвы которыхъ простирается область кампосовъ, имѣютъ огромное значеніе для Бразиліи. Въ пластахъ ихъ находятся *золото* и *алмазы*, прославившіе Бразилію полтора вѣка тому назадъ, такъ же какъ славится Калифорнія и Новая-Голландія. Въ началѣ прошедшаго столѣтія были открыты богатые руды, давшія названіе провинціи *Минасъ-Жераэсъ*. Далѣе къ востоку отъ главной горной цѣпи, въ сторонѣ обращенной къ океану, въ области первобытнаго лѣса, нѣтъ ни золотыхъ рудниковъ, ни алмазныхъ припсковъ. Единственнымъ источникомъ богатства человѣка, была здѣсь плодоносная почва, и такъ-какъ этотъ источникъ хотя и менѣе выгоденъ, по затѣ болѣе вѣренъ, то береговая полоса была предпочтена внутренней области. Источники золота, которые текли нѣкогда такъ обильно, что гордые золотопромышленники пудрили своихъ невольниковъ золотою пылью, давно истощились; нѣтъ болѣе золотыхъ зеренъ въ черноземѣ, который высыпается изъ-

подъ растений, вырванныхъ изъ земли, какъ было въ 1701 году. Теперь Оуорпето бѣдное мѣстечко, въ которомъ изъ 20,000 жителей осталось только 7,000, да и то бѣльшей частью мулаты и негры, не придающіе большаго оживленія пустымъ его улицамъ. Таковы печальныя послѣдствія жажды къ золоту! Золотой промыселъ — это азартная игра! Про неѣ справедливо говерятъ: какъ выиграно, такъ и проиграно! Страна, въ которой первые переселенцы находили золото, никогда еще не пріобрѣтала прочнаго благосостоянія. Пріиски золота не неистощимы; гдѣ бы оно ни встрѣтилось, оно всегда находится въ извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ, которое уже будучи однажды извлечено — не возвратится. Богатство же почвы неистощимо; оно продолжается до тѣхъ поръ, пока существуетъ трудъ, необходимый для извлеченія богатствъ изъ почвы и періодическое возвращеніе удобренія взаѣмнѣ потеряннаго землею. Не золотоносныя розсыпи и алмазныя копи Бразиліи составляютъ ея богатство; но почва, которая при хорошемъ воздѣльваніи даетъ лучшій кофе и наибольшее количество сахара.

Остановимся еще нѣсколько на золотыхъ и алмазныхъ пріискахъ Бразиліи, и рассмотримъ ближе ихъ мѣсторожденія. Золото, добываемое въ чистомъ видѣ изъ земли, безъ помощи особыхъ препаратовъ, заклю-

чается постоянно въ пластахъ разрушенныхъ, древнихъ горнокаменныхъ породъ, отчасти въ золотоносныхъ пескахъ. Въ такомъ видѣ находится оно въ Калифорніи, въ Новой-Голландіи, въ такомъ же видѣ находили его нѣкогда и въ Бразиліи. Первоначально золото это заключалось въ твердыхъ, горнокаменныхъ породахъ, въ жилахъ или коренныхъ мѣсторожденіяхъ, но процессъ вывѣтриванія и разрушенія горныхъ породъ, которому земная кора подвергалась втеченіи тысячелѣтій *), разрушилъ древнія коренныя мѣсторожденія золота; горныя породы, разрушаясь, образовывали песокъ или илъ, который уносился текущими водами, осаждая на почвѣ золото, какъ тяжелѣйшую свою часть. Такъ-какъ это осажденіе подходитъ подъ общіе физическіе законы, то золото должно сноситься со всѣхъ сторонъ туда, гдѣ двигательная сила текущей воды уже не въ состояніи увлечь его далѣе. На этомъ основаніи золото собиралось исключительно въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, въ котловинахъ, въ широкихъ равнинахъ, имѣющихъ малый склонъ, въ отдѣльныхъ ложбинахъ, разсѣлинахъ, углубленіяхъ разнаго рода; въ такихъ мѣстахъ нужно его искать, и только тамъ оно находится въ большихъ массахъ. Таковы были въ Бразиліи отлогіе склоны и верхнія окраины до-

*) Смори первую статью первой части.

линъ вдоль подошвы описанной горной цѣпи, однимъ словомъ, верхняя половина долины рѣки Рио-Санъ-Франциско; долина эта поэтому получила названіе *общаго золотаго рудника* (Minas geraes). Въ настоящее время многія мѣстности, содержавшія золото, уже истощены и поэтому почва обѣднѣла, но значительное количество его находится еще въ глубинѣ, въ жилахъ и коренныхъ мѣсторожденіяхъ. Однакожь такихъ мѣсторожденій въ Бразиліи въ настоящее время очень немного. Хотя въ окрестностяхъ Оуропreto и явственно видны жилы молочно-бѣлаго кварца, отвѣсно прорѣзывающія кристаллическія сланцовыя породы и содержащія мѣстами золото, но разысканіе и разработка ихъ затруднительны и сопряжены съ издержками, значительно превосходящими ожидаемыя выгоды. Золото, находимое въ россыпяхъ на поверхности земли, произошло изъ кварцевыхъ жилъ; а кварцъ вывѣтривался и разрушался вмѣстѣ съ заключавшей его каменной породой, и осаждалъ золото вмѣстѣ съ пескомъ и иломъ, образовавшимся при ихъ разрушеніи. Такъ образовались втеченіи тысячелѣтій золотоносные пласты Таранхоасага, толщиною отъ 4—12 футовъ, покрывавшіе склоны горъ вокругъ Оуропreto во время прибытія туда первыхъ золотопромышленниковъ. Сталѣтъ было достаточно для истощенія россыпей, образовавшихся въ продолженіи тысячелѣтій, и въ настоя-

щее время онѣ такъ бѣдны, какъ-будто бы никогда не содержали въ себѣ золота.

Разработка россыпей представляетъ болѣе выгоду, нежели разработка кварцевыхъ жилъ, которыя иногда на большомъ протяженіи оказываются совершенно незолотоносны. Я жилъ довольно долго близъ одного изъ богатѣйшихъ приисковъ Бразиліи, принадлежащаго одному англійскому акціонерному обществу, которое по имени прииска называется обществомъ Mogro Velho, и здѣсь имѣлъ случай ближе познакомиться съ процессомъ добыванія золота. Ежедневно добывалось здѣсь золота среднимъ числомъ на 1100 талеровъ, что составитъ въ годъ болѣе 400,000 т. Но во всей странѣ это единственный богатый приискъ; ни одно общество не получаетъ въ Бразиліи такихъ выгодъ, а многія уже разорились на этихъ спекуляціяхъ.

Все, что было сказано о происхожденіи золота, относится и къ *алмазамъ*; они также попадаютъ въ пластахъ разрушенныхъ горныхъ породъ, по болѣе части составлявшихъ нѣкогда русла рѣкъ. Настоящія коренныя мѣсторожденія этихъ драгоценныхъ камней долгое время были вовсе неизвѣстны; алмазы попадались въ разрушенныхъ горныхъ породахъ, въ которыхъ они очевидно не могли образоваться, а были занесены туда въ позднѣйшее

время. Только новѣйшія изслѣдованія въ Бразиліи показали, что кристаллическіе сланцы, заключающіе золотыя жилы или образующія ложе золотоносныхъ россыпей, были также и первоначальными мѣсторожденіями алмазовъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно предполагать, что драгоценныя камни эти образовались, вѣроятно, дѣйствіемъ чрезвычайно медленнаго процесса разложенія или гніенія растительныхъ частицъ. Алмазь есть чистый углеродъ въ кристаллическомъ видѣ; дерево же есть химическое соединеніе углерода, кислорода и водорода. При отдѣленіи отъ дерева двухъ послѣднихъ веществъ, остающійся продуктъ будетъ уголь, т. е. углеродъ, и если процессъ этотъ происходитъ не быстро, какъ при горѣніи, но въ высшей степени медленно, впродолженія тысячелѣтій, то углеродъ получаетъ возможность принять свою естественную форму, т. е. кристаллизоваться. Такимъ-образомъ объясняютъ первоначальное происхожденіе алмазовъ.

Мы увлеклись посторонними предметами, и совершенно забыли кампосы, описаніемъ которыхъ занялись сначала. Возвратимся снова къ нимъ. — Было бы ошибочно считать всю внутреннюю Бразилію за кампосовую область; напротивъ, во внутренности ея не мало большихъ густыхъ лѣсовъ. Лѣса эти простираются въ углубленіяхъ между болѣе или менѣе

волнистыми, плоскими возвышенностями, приближаются къ рѣкамъ и сопровождаютъ ихъ по болотистымъ береговымъ низменностямъ, образовавшимся изъ пла, приносимаго въ долины рѣкъ водами стекающими съ возвышенностей вслѣдствіе дождей. Въ первой статьѣ первой части мы уже говорили подробно объ этомъ процессѣ разрушенія и размыванія горныхъ породъ водяными потоками, поэтому намъ извѣстно происхожденіе этихъ обширныхъ пластовъ, увеличивающихся въ протяженіи по мѣрѣ приближенія къ Амазонской рѣкѣ. Въ настоящее время мы рассмотримъ органической покровъ ихъ, великолѣпный и величественный тропическій лѣсъ, одѣвающий берега и доставляющій переселенцу повидному прекрасную, но вообще весьма нездоровую, вредную для жительства мѣстность. Уже въ декабрѣ и вособенности въ январѣ, огромныя рѣки текущія среди густой растительности, выступаютъ изъ береговъ вслѣдствіе сильнѣйшихъ проливныхъ дождей; онѣ потопаютъ глубокія, лѣсистыя низменности и образуютъ изъ болотъ огромныя необозримыя озера, тянущіяся на нѣсколько миль. Стволы огромныхъ лѣсныхъ исполиновъ, покрытые водою, представляютъ тогда живописное зрѣлище плавающего лѣса. Поэтому, а еще болѣе по причинѣ густой тѣни, постоянно поддерживаемой плотной зеленью вершинъ, низкія растенія

вовсе не встрѣчаются въ этихъ лѣсахъ. Низшія части лѣса наполнены тонкою вѣтвистою сѣтью, образованною изъ безчисленнаго множества всякихъ, толстыхъ и тонкихъ ползучихъ растеній (*лианъ* или *ципосовъ*), которые при появленіи воды плаваютъ по ея поверхности. До самыхъ вершинъ деревьевъ вода никогда не достигаетъ; самые страшные ливни недостаточны для скопленія въ этихъ широкихъ долинахъ такого огромнаго количества воды. Поверхность Амазонской рѣки во время дождей поднимается на 15—20 футовъ; высота незначительная въ сравненіи съ высотой стволовъ, которые рѣдко бываютъ ниже 50—60 футовъ. Волны покрываютъ только нижнюю часть ствола, тамъ гдѣ выходятъ изъ него толстые подпорные корни, которые своею крѣпостью защищаютъ дерево отъ напора воды; ни бури, ни этотъ водяной потокъ не могутъ поколебать ихъ. Кромѣ-того огромное количество стволовъ способствуетъ также раздробленію потока, который ослабѣваетъ, распространяясь въ разныя стороны; только маленькія деревья, ближайшія къ берегу, вырываются съ корнями и уносятся водою.

Въ настоящей области кампосовъ, принадлежащей къ высшимъ мѣстностямъ Бразиліи, рѣдко можно видѣть подобныя явленія; наводненія здѣсь не бываетъ, потому-что покатости долинъ допускаютъ только не-

продолжительное скопленіе воды. Болотистыя низменности, образующіяся здѣсь, рѣдко бываютъ покрыты настоящимъ лѣсомъ; на нихъ встрѣчается только великолѣпная пальма *бурити* (*Mauritia vipposa*), принадлежащая къ группѣ вѣрообразныхъ пальмъ. Она покрыта весьма большими листьями, расположенными вѣеромъ на концѣ длинныхъ стеблей. Изъ сочнаго ствола этой пальмы добывается опьяняющій напитокъ, похожій на березовый сокъ. Эта пальма служитъ лучшимъ украшеніемъ низменныхъ кампосовъ.

На плоскихъ возвышенностяхъ кампосовъ растительность имѣетъ довольно скудный характеръ. Весьма рѣдкая, высокая, тонкостебельчатая трава покрываетъ почву; самыя деревья и кустарники этихъ *Campos serrados* имѣютъ какой-то жалкій видъ. Все здѣсь кажется пусто, заброшено, бѣдно и поражаетъ путешественника своей скудостью, которая дѣлается еще замѣтнѣе съ приближеніемъ къ населеннымъ мѣстамъ, потому-что въ концѣ зимы (въ августѣ, сентябрѣ) бразильцы зажигаютъ свои кампосы, чтобы новая трава, появляющаяся съ первымъ дождемъ, росла свободнѣе и быстрѣе. При этомъ конечно не щадятся низкіе кустарники и даже деревья. Черные, обугленные, растрескавшіеся стволы, опаленныя вѣтви, видѣются всюду, и производятъ тяжелое впечатлѣніе. Выруб-

ленные, даже выжженные лѣсные участки, покрытые пепломъ, не такъ печальны; на этой удобренной почвѣ по-крайней-мѣрѣ вскорѣ снова появляется растительность: кофейныя деревья, роскошныя высокіе кусты маиса; и т. п. — напоминая о пользѣ, они смягчаютъ непріятное впечатлѣніе, производимое видомъ столь жестоко истребленнаго лѣса. Но въ этихъ голыхъ, сухихъ, твердыхъ и безплодныхъ кампосовыхъ поляхъ нѣтъ ничего, что бы напоминало полезный трудъ и смягчало тяжелое впечатлѣніе. Здѣсь не могутъ быть разводимы кофе, сахаръ и рисъ; эти растенія требуютъ другой, болѣе мягкой почвы; для кофе необходимы освѣщенные солнцемъ отлогости, для сахара и риса сырыя низменности; только хлопчатая бумага, макъ, черныя бобы и клубневые плоды (мандіока и бататы), составляющіе главную пищу бѣдцѣйшихъ классовъ, могутъ расти на этой почвѣ, но они разводятся въ небольшомъ количествѣ для собственнаго употребленія, частью потому, что находятся вездѣ въ достаточномъ количествѣ, частью же потому, что перевозка ихъ на вьючныхъ животныхъ даже на небольшое разстояніе уже значительно возвышаетъ ихъ цѣну. Поэтому возвышенныя части кампосовъ остаются болѣею частью бесполезными.

Тѣмъ не менѣе равнины кампосовъ не лишены красоты, хотя и не столь поразительной, какъ красота

первобытнаго лѣса. Въ нихъ нѣтъ свѣжей, сочной зелени большихъ лѣсныхъ геликоній и арондей, зато ихъ топкая, твердая трава, сѣрая, сухая и какъ-бы запыленная, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя. Среди этой сухости съ удивленіемъ видятъ онъ большіе прекрасные цвѣты красивой *Kielmeyera rosea*, бразильской *Malva do Campo*, или другія растенія, подобныя ананасамъ, съ длинными ярко-красными листьями. Это *ананасъ кампосовъ* (*Bromelia bracteata*), который поднимается въ видѣ высокаго, прекраснаго стебля, покрытаго множествомъ фіолетовыхъ цвѣтовъ, но вмѣсто вкуснаго ананаса производитъ одни только сухіе, лимонно-желтые плоды, величиною не болѣе маленькихъ билиардныхъ шаровъ. Оба растенія, *Kielmeyera* и *Bromelia*, принадлежатъ къ лучшимъ украшеніямъ кампосовъ. Кромѣ этихъ растеній, въ кампосахъ встрѣчается дерево, величиною и видомъ похожее на наши яблони. Это картофельное растеніе, *Solanum lycocarpum* St. Hilaire'a; плоды его составляютъ любимое лакомство и главную пищу бразильскаго *волка* (*Canis jubatus*). Послѣ этого растенія, болѣе обращаетъ на себя вниманіе ярко-красный цвѣтъ круглой, цвѣточной почки *gompheana officinalis*. Растеніе это вышиною не болѣе фута, весьма обыкновенно въ кампосахъ, и весною покрываетъ ихъ какъ-бы пестрымъ ковромъ. Оно кромѣ того очень полезно;

бразильцы приписываютъ ему такую цѣлебную силу, что употребляютъ его *противъ всякъ болъзней*, почему оно и получило названіе *Para todos*.

Растительное царство, какъ всякому извѣстно, составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для пропитанія человѣка; страна, обитаемая имъ, должна производить въ изобиліи растительныя питательныя вещества. Это условіе положительно необходимо для того, чтобы человѣчество могло достигнуть безъ посторонней помощи, высшей точки своего развитія. Тѣ части земнаго шара, въ которыхъ человѣкъ находитъ себѣ пищу только въ царствѣ животномъ, конечно принадлежатъ къ худшимъ странамъ земли. Полярныя страны, гдѣ бѣдный житель питается рыбою, такъ же неудобны для жизни, какъ и Новая-Голландія въ первобытномъ состояніи своемъ, какою она была до прибытія туда европейскихъ переселенцевъ, потому-что и она давала человѣку только животную пищу, и охота была единственнымъ занятіемъ и средствомъ пропитанія жителей. Кокосовыя орѣхи и плоды хлѣбнаго дерева росли первоначально только на островахъ Южнаго моря, и поэтому обитатели ихъ смышленіе, счастливіе и способіе къ цивилизаціи. Исторія показываетъ намъ, что періодъ звѣроловства въ жизни каждаго образованнаго народа соотвѣтствуетъ низшей степени цивилизаціи, нежели

періодъ скотоводства и земледѣлія. Пойманныя на охотѣ животныя наводятъ человѣка на мысль о занятіи скотоводствомъ; скотоводство ведетъ за собою земледѣліе; эти двѣ отрасли человѣческаго труда могутъ быть названы истинными и первыми элементами высшаго человѣческаго развитія; *это основанія цивилизаціи*.

Итакъ значеніе страны для коренныхъ обитателей ея находится въ зависимости отъ растительнаго и животнаго царствъ; въ-особенности же отъ перваго, потому-что отъ него зависитъ земледѣліе, главнѣйшій исходный пунктъ цивилизаціи. Страна, необладающая питательными растеніями, способными къ воздѣлыванію, никогда сама-собою не достигнетъ цивилизаціи; скудно питая своихъ обитателей, она никогда не будетъ въ состояніи вывести ихъ изъ низшей степени развитія. Точно также страна, дающая только дурную растительную пищу, можетъ привести свое населеніе только на среднюю степень цивилизаціи, потому-что изъ ничего ничего и не бываетъ, дурное порождаетъ только дурное. Итакъ качество питательныхъ веществъ обуславливаетъ самаго человѣка, и то что способствуетъ растительности, способствуетъ и преуспѣянію его.

Этими предварительными размышленіями мы дошли до настоящей нашей темы; мы хотѣли изслѣдо-

вать *органический характеръ Бразиліи*, и начинаемъ наше изслѣдованіе разсмотрѣніемъ растительнаго царства ея.

Какія полезныя или употребительныя питательныя вещества, изъ области растительнаго царства, произвела Бразилія? Каковъ поэтому характеръ ея растительности? вотъ вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ мы теперь займемся.

Важнѣйшія растительныя вещества суть *растительная бѣлковина* или *клейковина*, *крахмалъ*, *сахаръ* и *органическія кислоты*. Клейковина и крахмалъ составляютъ необходимую принадлежность растительной пищи; менѣ значенія имѣютъ сахаръ и сопровождающія его кислоты, которымъ плоды бывають обязаны болѣе или менѣ пріятнымъ вкусомъ. Клейковина и крахмалъ содержатся болѣе въ сѣменахъ, нежели въ плодахъ, но встрѣчаются также въ изобиліи и въ корневыхъ клубняхъ, въ-особенности крахмалъ; напротивъ того листья и стебли или корни, употребляемые нами въ пищу какъ зелень, содержатъ весьма незначительное количество крахмала и клейковины, и заключаютъ преимущественно неудобоваримыя растительныя волокна, древесину и большое количество воды. Капуста, шпинатъ и т. п. содержатъ 90 проц. воды на 2 — 3 проц. питательныхъ веществъ. Итакъ значеніе ра-

стенія, какъ средства для питанія человѣка, зависить отъ количества содержащагося въ немъ крахмала и бѣлковины; вкусъ его зависить отъ количества сахара и кислотъ, находящихся въ смѣси. Оно будетъ тѣмъ легче для пищеваренія, чѣмъ менѣе въ немъ вязкихъ, трудно растворимыхъ частицъ и твердыхъ растительныхъ волоконъ, заключающихъ въ себѣ много древесины.

До-сихъ-поръ извѣстны весьма не многіе плоды, въ которыхъ бы соединялись эти главнѣйшія питательныя вещества, такъ чтобы они были вкусны и питательны безъ всякаго предварительнаго приготовленія или измѣненія. Въ этомъ отношеніи *бананъ*, превосходитъ все прочіе плоды; плодъ его, съ виду похожій на огурецъ, содержитъ сладкую, сочную мякоть, употребляется въ пищу безъ всякаго приготовленія и такъ питателенъ, что можетъ служить *единственною растительною пищею* человѣка. Полезное растеніе это, несправедливо называемое деревомъ, имѣетъ два различныхъ вида: восточный пизангъ (*Musa sapientum*) и американскій бананъ (*Musa paradisiaca*). Значеніе его, какъ питательнаго вещества, ограничивается однакоже тропическимъ поясомъ, такъ-какъ онъ принадлежитъ къ числу вѣжнѣйшихъ растеній и можетъ созрѣвать только въ жарчайшихъ странахъ, на умѣренно влажныхъ, солнечныхъ мѣстахъ.

Соперником банану можетъ быть только *альбиное дерево* (*Artocarpus incisus*), однако хотя плодъ его такъ же питателенъ, но не такъ вкусенъ; кромѣ-того прежде употребленія въ пищу онъ жарится или печется. Родина этого полезнаго растенія на островахъ Южнаго моря, и всѣ попытки переселить его въ Америку были до сихъ поръ неудачны, такъ-что оно нигдѣ здѣсь не разводится успѣшно. Это значительно уменьшаетъ его достоинство. Америка хотя и имѣетъ подобное же мѣстное растеніе, мамонгъ (*Mamão, Carica Papeaya*), но плодъ его далеко не столь употребителенъ; онъ гораздо сочнѣе и можетъ служить скорѣе приправой къ пицѣ, нежели настоящей пищей. Дерево это растетъ въ первобытныхъ лѣсахъ Бразиліи и было единственнымъ плодовымъ деревомъ первоначальныхъ ея обитателей. До-сихъ-поръ его можно видѣть во всѣхъ садахъ, но никто особенно не цѣнитъ плодовъ его; они употребляются почти исключительно только неграми и мулатами.

Излишне было бы распространяться объ остальныхъ плодахъ, во-первыхъ потому, что объ нихъ было уже говорено въ предыдущей статьѣ, а во-вторыхъ потому, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ особенно важнаго значенія какъ питательное вещество; они употребляются только какъ приправа къ кушаньямъ. Нѣтъ народа на землѣ, который питался бы одними

плодами, или могъ бы жить исключительно одною растительною пищей, несодержащей въ большомъ количествѣ крахмала. Овощи какъ пища, хотя очень вкусны, но занимаютъ второстепенное мѣсто при оцѣнкѣ растительнаго характера страны. Въ предыдущей статьѣ, о плодахъ Бразиліи, мы вывели заключеніе, что въ этомъ отношеніи западный материкъ, и въ-особенности Бразилія, уступаетъ восточному. Лучшій, т.-е. наиболее употребительный, первобытный плодъ Новаго Свѣта, *муземный бананъ*, хотя и принадлежитъ Америкѣ, но настоящая отчизна его не Бразилія, а вестъиндскій архипелагъ и страны, лежація къ сѣверу отъ Амазонской рѣки; даже можетъ-быть онъ и не американскаго происхожденія, потому-что *всѣ прочіе* виды изъ семейства музъ принадлежатъ Старому Свѣту. Многіе извѣстные ботаники приписываютъ ему индійское происхожденіе.

Говоря объ употребительнѣйшей растительной пицѣ, нечего искать ея между плодами. Точно то же можно сказать и о *зелени*; 97 проц. постороннихъ и 3 проц. питательныхъ веществъ, доставляемыхъ зеленыю, конечно были бы недостаточны для питанія, и чело-вѣкъ могъ бы прожить очень не долго питаясь капустою или шпинатомъ. Итакъ на первый планъ выступаютъ мучнистыя сѣмена и клубни, заключающіе отъ 50 — 60 проц. питательныхъ веществъ. Будучи

должнымъ образомъ приготовлены, они доставляютъ почти столько же полезнаго матеріала, сколько въ капустѣ заключается непитательныхъ частей. Очищенный крахмалъ, добываемый изъ пшеницы или картофеля, почти весь идетъ на питаніе человѣческаго тѣла, представляя самое удобоваримое и питательное растительное вещество. Поэтому значеніе мѣстной растительности, какъ средства для питанія человѣка, обусловливается тѣми растеніями, которыя въ своихъ сѣменахъ или клубняхъ доставляютъ здоровѣйшую питательнѣйшую пищу.

Между семенами первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ растительному семейству *злаковъ* (Gramineae), превосходящему всѣ прочія по питательности сѣмянъ; за ними слѣдуютъ *бобовыя растенія* (Leguminosae) и наконецъ *гречиха*, *каштаны* и др. Сѣмена злаковъ издревле были и навсегда останутся главнымъ предметомъ воздѣлыванія; потому что только они доставляютъ хлѣбъ, главную пищу всѣхъ образованныхъ народовъ. Безъ хлѣбныхъ растеній, немыслимъ цивилизованный человѣкъ. Страна, которая первоначально произвела хлѣбныя растенія, справедливо можетъ быть названа источникомъ цивилизаціи.

Изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній Америка произвела только одно, *маисъ*, да и то хотѣли отнять у нея. Многіе извѣстные ученые старались доказать во-

сточное происхожденіе маиса. Мы охотно оставляемъ однакоже за Америкой это сокровище; оно вовсе не такъ велико, чтобы стоило его оспаривать у пастоящей его отчизны.

Значеніе маиса какъ хлѣбнаго растенія, доказано исторически. Извѣстно, что инки построили на большой горной дорогѣ, прорѣзывавшей ихъ страну съ сѣвера на югъ, складочные магазины, наполнявшіеся преимущественно зернами маиса. Не столь положительно извѣстно первоначальное разведеніе маиса въ восточной части Южной Америки, въ нынѣшней Бразиліи. Бразильскіе народы добывали питательный крахмалъ, преимущественно изъ двухъ клубневыхъ растеній, которыя и до-сихъ-поръ тамъ разводятся, какъ главнѣйшія питательныя вещества. Это *мандіока* (*Iatropa Manihot*) и *бататъ* (*Convolvulus Batatas*). Оба эти растенія требуютъ весьма жаркаго климата, они не созрѣваютъ на высокихъ террасахъ перуанскихъ горъ, а растутъ хорошо только въ глубокихъ жаркихъ долинахъ рѣкъ Орипоко и Амазонской, первоначальной своей родинѣ. Мандіока въ-особенности составляетъ самое распространенное и главнѣйшее питательное растеніе всей тропической равнины Южной Америки; она вездѣ служитъ здѣсь главной пищей бѣднѣйшихъ классовъ и вполне заступаетъ въ этихъ странахъ мѣсто нашего картофеля. Маисъ употреб-

ляется здѣсь болѣе въ кормъ скоту, нежели въ пищу человѣку; бразилецъ ѣсть его только въ видѣ каши или густаго киселя, а вмѣсто хлѣба употребляетъ поджаренную маниоковую муку, которая въ непро- сѣянномъ видѣ, сухая, перемѣшивается съ другими кушальями. Это вещество, болѣе похожее на отруби, нежели на муку, исключительно называется въ Брази- лии мукой (Farinha); всѣ прочіе виды муки обозна- чаются подробнѣе, наиримѣръ пшеничная мука, при- возимая изъ Сѣверной Америки, называется Farinha do Trigo. Маниоковая мука не только заступаетъ мѣсто хлѣба, но и считается дѣйствительнымъ хлѣбомъ, и отпускается на всѣхъ бразильскимъ войскамъ вмѣсто раціоновъ.

Мучнистыя клубни гораздо менѣе питательны, не- жели мучнистыя сѣмена злаковъ; они вообще содер- жать недостаточное количество растительной бѣлко- вины, которая главнѣйше сообщаетъ тѣсту способ- ность броженія, необходимую для хлѣбопеченія. Муч- нистыя растительныя вещества, содержащія недо- статочное количество клейковины, какъ то: карто- фельная мука, маниоковая мука, не даютъ хоро- шаго хлѣба. Даже маисъ менѣе удобенъ для хлѣ- бопеченія, нежели пшеница, которая въ этомъ от- ношеніи превосходитъ всѣ хлѣбныя растенія, и спра- ведливо считается между ними первою. Маисовый

хлѣбъ вовсе перазсыпается, онъ очень вязокъ, скоро твердѣетъ, черствѣетъ, и поэтому не готовится про запасъ; маисовая мука должна быть употребляема въ пищу въ свѣжемъ видѣ, въ видѣ крупы или каши, какъ овесъ и ячмень. По качествамъ своимъ маисъ наиболѣе приближается къ двумъ послѣднимъ хлѣб- нымъ растеніямъ, но такъ-какъ зерна его гораздо крупнѣе, то вообще онъ выгодиѣе и имѣетъ большое значеніе для жаркихъ странъ, потому-что каждый кусть его доставляетъ множество зерна. При неболь- шомъ трудѣ онъ даетъ богатый урожай, но имѣетъ все-таки только второстепенное употребленіе. Итакъ по истинному значенію маисъ долженъ быть постав- ленъ ниже пшеницы и ржи, даже ниже риса, который хотя также неудобенъ для хлѣбопеченія, но содер- житъ болѣе нѣжныя растительныя волокна и поэтому не только вкуснѣе, но и питательнѣе, и удобоваримѣе. Маисъ стоитъ на одной ступени съ ячменемъ и ов- сомъ, и поэтому, въ большей части странъ гдѣ онъ разводится, употребляется преимущественно въ кормъ скоту.

Клубневые плоды, къ которымъ принадлежитъ и *картофель*, особенно цѣнны по большому количеству питательнаго вещества въ нихъ заключающагося. Это свойство придаетъ картофелю огромное значеніе; оно способствовало къ удешевленію пищи человѣка, давая

ему питательное вещество въ большомъ количествѣ. Для Бразиліи такое значеніе имѣютъ только бататы и маниокъ; картофель хотя и американскаго происхожденія, но принадлежитъ странамъ имѣющимъ низшую, среднюю температуру; вотъ почему онъ получилъ такое важное значеніе для Европы. Бразильскій картофель нехорошъ; онъ очень крупенъ, скоро трескается; волокна его тверды и вообще онъ невкусенъ; я предпочиталъ ему вареную маниоку и еще болѣе мягкіе, сладкіе бататы.

Разсмотрѣвъ въ общихъ чертахъ бразильскіе плоды и питательныя растенія, мы приходимъ къ убѣжденію, что они не выдерживаютъ сравненія съ плодами Стараго Свѣта. Предоставленная самой себѣ, Бразилія никогда не была бы въ состояніи собственными средствами выработать себѣ утонченную жизнь.

Въ заключеніе мы должны упомянуть, что лучшіе коренные плоды Бразиліи, также какъ и мучнистыя клубневые растенія ея, принадлежатъ лѣсной области, гдѣ они особенно успѣшно созрѣваютъ не въ глубинѣ чащи, но на солнечныхъ, умѣренно влажныхъ мѣстностяхъ. На возвышенныхъ мѣстахъ кампосовъ попадаются только маленькіе, невкусные виды тѣхъ же растеній. Это прямо доказываетъ преимущество лѣсныхъ областей предъ возвышенностями кампосовъ, лѣсныя области остаются поэтому лучшими, и наиболѣе удобными для поселенія, частями Бразиліи.

Мы ничего не говорили о *бобовыхъ* растеніяхъ Бразиліи, потому-что почти всѣ они восточнаго происхожденія. Нѣтъ ни одной мѣстной легуминозы, которая употреблялась бы въ пищу; только нѣкоторыя, какъ напр. *земляной орѣхъ* (*Arachis hypogaea*), употребляются какъ приправа. Главное питательное растеніе низшихъ классовъ народа, *черныя бобы* (*Phaseolus vulgaris* var. *nigra*) родомъ также изъ Индіи и давно уже были распространены въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ, какъ растеніе важное для питанія.

Въ высшей степени замѣчательнымъ указателемъ для вѣрной оцѣнки произведеній бразильской растительности, служатъ коренные обитатели ея, именно *насъкомы*. Удивительно, съ какой охотой здѣшнія гусеницы нападаютъ на иностранныя растенія: многія изъ нихъ охотнѣе питаются привозными, нежели мѣстными. Въ Европѣ этого не случается съ акклиматизированными деревьями; большая часть изъ нихъ остаются совершенно нетронутыми. Около Рио самую любимую пищу бабочекъ составляютъ апельсины и манга, плоды первоначально азіятскаго происхожденія. Природный инстинктъ животнаго не ошибается, онъ скоро съумѣетъ отличить хорошее отъ дурнаго. Истребительныя *бѣлые муравьи* или *термиты*, также охотнѣе нападаютъ на привозное, нежели на туземное дерево.

Дальнѣйшее описаніе растительнаго характера южно-американскаго тропическаго пояса, могло бы еще болѣе подтвердить справедливость нашего вывода, но мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь то, что уже было подробнѣе рассмотрѣно въ предъидущей статьѣ. Не только лучшія изъ растительныхъ питательныхъ веществъ, но и составляющія роскошь жизни — сахаръ, кофе, чай, виноградъ, были неизвѣстны въ Бразиліи до прибытія европейцевъ; Америка произвела только *три* растенія, оказавшія значительное вліяніе на жизненные потребности и на нравы человѣка, это *картофель, табакъ и какао*. Последнее разводится только въ Америкѣ, и занимаетъ между ними второстепенное мѣсто; картофель же и табакъ распространились по всей землѣ, первое на пользу, второе ко вреду человѣка. Наркотическіе яды принадлежать къ медленнымъ ядамъ, къ которымъ хотя и можетъ привыкнуть организмъ, но все-таки рано или поздно почувствуетъ на себѣ ихъ вліяніе. Ядъ останется ядомъ, какъ бы медленно онъ ни дѣйствовалъ.

Обращаясь теперь къ *животному царству* Южной Америки, увидимъ въ какой степени оно полезно человѣку?

Характеръ южно-американскаго животнаго міра совершенно особенный. Весьма немногіе изъ этихъ животныхъ имѣютъ соответствующихъ представи-

телей въ другихъ частяхъ свѣта; большая часть, и въ-особенности самыя замѣчательныя изъ нихъ, принадлежать исключительно Америкѣ и нигдѣ не имѣютъ себѣ подобныхъ. Мы ограничимся рассмотрѣніемъ *млекопитающихъ, птицъ и земноводныхъ*, какъ высшихъ и полнѣе организованныхъ животныхъ, которые болѣе извѣстны и потому могутъ быть описаны, не вдаваясь въ подробное изученіе ихъ строенія.

Въ настоящее время въ Бразиліи извѣстно до 200 видовъ млекопитающихъ, до 700 видовъ птицъ и около 150 различныхъ видовъ земноводныхъ. Сравнительно съ прочими странами земли, число это довольно значительно, по-крайней-мѣрѣ гораздо значительнѣе нежели въ Европѣ. Но число мало значитъ; внутреннее значеніе, польза ихъ, вотъ что опредѣляетъ важность животныхъ. Мы скоро замѣчаемъ, что многія животныя Америки служатъ только для украшенія и разнообразія страны, и не имѣютъ для насъ особенной важности. Какую пользу приносятъ человѣку обезьяны или летучія мыши?... Почти никакой; мясо обезьяны еще можетъ быть употреблено въ пищу, но мѣхъ ихъ нигде не годится; о летучихъ мышахъ и говорить нечего, — онѣ считаются не только бесполезными, но еще вредными. Болѣе полезными по своему превосходному мѣху являются *лишнія животныя*: куница, соболь, хорекъ, барсукъ, лисица, медвѣдь, даже

тигръ и леопардъ. Кто будетъ отрицать необходимость вѣрнаго спутника человѣка, собаки и пестрелицы крысъ — кошки. Очень сомнительна польза многочисленнаго семейства *грызуновъ*. Хотя бѣлки, зайцы, бобры и кролики весьма полезны, доставляя или мѣхъ, или мясо, которыя каждый изъ насъ употреблялъ съ пользою и цѣнилъ высоко, но крысы и мыши, хомяки и суслики, принадлежать также къ этому семейству; а они едвали кому пріятны. Напротивъ того, для человѣка необходимы *копытныя животныя*, въ-особенности же *рогатый скотъ*, доставляющій намъ пищу, *овца*, дающая необходимую для нашей одежды шерсть, и *лошадь*, какъ рабочее животное. Кто будетъ утверждать, что безъ ихъ помощи человѣчество могло бы когда-нибудь достигнуть настоящаго своего состоянія. Какъ зерновой хлѣбъ положилъ собою начало земледѣлію, такъ лошадь, овца и рогатый скотъ послужили осованіемъ промышленности и сельскаго хозяйства. Рогатый скотъ доставляетъ намъ молоко, масло, сыръ и здоровую мясную пищу. Значеніе его возвышается еще болѣе тѣмъ участіемъ, которое онъ принимаетъ въ удобреніи земли, доставляющей, благодаря уваживанію, пищу намъ и ему. Этотъ взаимный обменъ услугъ, привязалъ человѣка къ этимъ тремъ животнымъ и къ землѣ, которая ихъ питаетъ.

Ни одного изъ этихъ животныхъ не было въ Бразиліи; они завезены сюда европейскими переселенцами. Изъ всей большой группы копытныхъ животныхъ, Южная Америка произвела только *четыре* вида, изъ которыхъ только одинъ принадлежитъ къ числу домашнихъ, именно *лама*, замѣняющая здѣсь *верблюда*. Лама принадлежитъ къ горнымъ животнымъ; она не переходитъ въ равнины и поэтому не живетъ въ Бразиліи; родина ея — ближайшія къ экватору возвышенныя равнины и долины Кордильеровъ. Животное это между всѣми млекопитающими Южной Америки, имѣетъ наибольшее значеніе для человѣка, потому-что въ одно и то же время заступаетъ мѣсто лошади, овцы и коровы; можетъ служить вьючнымъ животнымъ, даетъ шерсть и пищу, молоко и мясо. Области Южной Америки, обладающія этимъ драгоценнымъ животнымъ, производили масло, сыръ и были болѣе цивилизованы; бѣдные же бразильцы были лишены всѣхъ этихъ удобствъ, имѣя только *буйволовъ*, *олений* и *свиней*. Три эти семейства имѣютъ своихъ представителей въ числѣ домашнихъ животныхъ; сюда принадлежитъ *сѣверный олень*, неоцѣненное сокровище полярныхъ странъ; и домашняя свинья. Но американскіе олени столь же дики, какъ и американскія свиньи, — они трудно дѣлаются ручными, удаляются отъ населенныхъ мѣстъ и служатъ лишь предметомъ охоты. Это имѣло важное вліян-

ние на первобытное население Бразиліи; страна не обла- дающая ни однимъ домашнимъ копытнымъ животнымъ, доставляющимъ молоко и мясо, не въ состояніи выра- ботать въ себѣ извѣстной степени цивилизаціи; пока человѣкъ принужденъ жить одной охотой, онъ остае- ся дикимъ. Дикіе крики возвѣщающіе конецъ бѣдному затравленному животному, нельзя назвать побѣдными криками исчезнувшей цивилизованной эпохи; это от- голоски грубаго, первобытнаго времени, эпохи крово- жадности и звѣрства, не только относительно живот- ныхъ, но и относительно людей. Эти качества до-сихъ- поръ сохранились въ индійскихъ племенахъ Сѣверной Америки, у которыхъ школу жизни составляетъ охо- та за буйволемъ. Племена эти неспособны къ высшей цивилизаціи; цѣлью жизни ихъ служить охота, и въ этомъ занятіи вполне выразилось истинное направле- ніе ихъ способностей.

Хотя не только Бразилія, но и вся плоская часть Южной Америки лишена тѣхъ представителей жи- вотнаго царства, которые способствовали постепен- ному развитію человѣка, но вообще она богата животными, вполне заслуживающими нашего внима- нія, если мы хотимъ изучить общій характеръ страны. Нигдѣ, кромѣ Южной-Америки, вы не встрѣтите этихъ странныхъ медленныхъ животныхъ, кото- рые получили названіе *лѣнивцовъ*, (*Bradypus*); толь-

ко здѣсь живутъ сильныя, съ необыкновенною ловкостью зарывающіеся въ землю панцирные *бро- неносцы* (*Dasyus*); наконецъ, только здѣсь мож- но видѣть длинномордыхъ беззубыхъ *муравьедовъ* (*Murgesophaga*), покрытыхъ густыми, жесткими или косматыми волосами, подставляющихъ, всегда гото- вымъ нападать муравьямъ, свои длинные червеоб- разные языки. Муравьи жадно бросаются и въ огром- номъ количествѣ покрываютъ языкъ, высунутый имъ для приманки и муравьеѣдъ поглощаетъ этихъ наѣ- комыхъ тысячами. Бразилія, конечно, въ этомъ от- ношеніи весьма замѣчательная страна, производящая столь разнородныя, но аналогически близкія между собою животныя.

Лѣнивецъ служитъ настоящимъ представителемъ животнаго царства Бразиліи, уже потому, что онъ нигдѣ кромѣ ея не встрѣчается; менѣе исключительны *броненосцы* и *муравьеѣды*.—Въ Африкѣ встрѣчается животное (*orycteropus*), которое можетъ быть назва- но безпанцирнымъ броненосцемъ, и въ этой же части свѣта, также какъ и въ южной Азіи, нападаются муравьеѣды (*Manis*), покрытые вмѣсто волосъ боль- шими роговыми чешуями. Лѣнивца, по настоящему, можно скорѣе назвать *подозрительнымъ*, нежели лѣ- нивымъ животнымъ. Онъ чрезвычайно остороженъ, разборчивъ и осмотрителенъ, и потому увѣренъ въ

своихъ движеніяхъ. Вслѣдствіе этихъ качествъ, движенія его кажутся медленны, но эта медленность происходитъ не отъ лѣни, а отъ свойственнаго этому животному чувства самосохраненія при всѣхъ его движеніяхъ, почти всегда нелишенныхъ для него опасностей. Лѣнivecъ смѣло лазить по деревьямъ, достигая самыхъ высокихъ вершинъ. Съ увѣренностью поднимается вверхъ его легкое, тонкое тѣло, кажущееся толстымъ отъ покрывающихъ его длинныхъ жесткихъ волосъ; длинные сухіе члены поддерживаютъ животное, которое не прыгаетъ, но крѣпко цѣпляется за толстыя вѣтви. Съ необыкновенной силой удерживается оно въ этомъ положеніи, будучи даже смертельно ранено; только долго послѣ смерти, когда совершенно ослабнуть мускулы, мертвое тѣло его падаетъ на землю. Животное укрывается обыкновенно между вѣтвями деревьевъ, — благодаря своей шерсти, точно такого же темно-сѣраго цвѣта, какъ и вѣтви; оно подъ густой тѣнью вершинъ почти незамѣтно для смотрящаго снизу. Всѣ качества этого животного находятся въ связи съ образомъ его жизни; изрѣдка слышатся короткіе свистящіе звуки его голоса, говорятъ что оно издаетъ еще звукъ *ай*, отъ котораго и получило свое имя, голосъ ея слышится только ночью; г. Ф. *Тшуди* (Tschudi) слышалъ его въ перуанскихъ лѣсахъ, въ 10 часовъ вечера и рано утромъ,

между 2 и 3 часовъ; сначала раздавалось длинное протяжное *а*, за которымъ слѣдовало короткое отрывистое *и*.

Какъ медленность, такъ и тишина движеній вполне соответствуютъ уединенію, которое это животное чрезвычайно любитъ. Никогда не попадаетъ нѣскольکو лѣнивцевъ вмѣстѣ, — каждое животное живетъ само по-себѣ и только для себя; иногда встрѣчаются только самка съ дѣтенышемъ, который сидитъ у нея на спинѣ, обхвативши ея тѣло какъ-бы стволъ дерева. Такимъ-образомъ самка носитъ цѣлые мѣсяцы своего дѣтеныша, который и не пробуетъ сойти съ нея и пойти своими ногами. Но какъ-только онъ однажды слѣзъ со спины матери, то оба, мать и сынъ, отправляются по лѣсу каждый своей дорогой и, вѣроятно, никогда уже болѣе не встрѣчаются. Таково полное равнодушіе, господствующее въ характерѣ этого печальнаго животного; въ немъ нѣтъ рѣшительно никакихъ наклоностей и страстей, кромѣ чувства самосохраненія; оно ѣсть и пьетъ, иногда медленно спускается съ дерева, переплываетъ даже съ одного берега рѣки на другой, какъ утверждаютъ многіе путешественники; но все это дѣлаетъ однимъ и тѣмъ же равномернo-размѣреннымъ шагомъ; оно никогда не оступится, никогда не сдѣлаетъ движенія, не обдумавъ его предварительно.

Онъ избѣгаетъ очень толстыхъ стволовъ, потому-что не можетъ ихъ обхватывать и любить преимущественно тонкія *цекронии* или *канделабровыя деревья*, описанныя нами выше, какъ главные представители бразильскаго первобытнаго лѣса. Главную пищу его составляютъ ихъ мягкіе, щитовидные листья; слабыя зубы животнаго не позволяютъ ему употреблять твердую пищу, орѣхи или жесткія сѣмена. Нѣсколькихъ свѣжихъ молодыхъ листьевъ достаточно для насыщенія животнаго; тощее тѣло его не требуетъ многого, а полнота была бы только тяжестью при его образѣ жизни и движеніи по высокимъ тонкимъ вѣтвямъ.

Мы не можемъ удержаться, чтобы не провести параллели между этимъ замѣчательнымъ животнымъ и первобытнымъ дикаремъ Бразиліи, потому-что въ природѣ того и другаго замѣчаются многія общія черты. Во-первыхъ бразильскій индеецъ также исключительно обитаетъ въ лѣсу, какъ и лѣнивецъ; онъ живетъ по лѣсистымъ берегамъ рѣкъ и ручьевъ, кочуя съ мѣста на мѣсто и останавливаясь только тамъ, гдѣ находитъ для себя достаточно воды и выгодную охоту. Здѣсь живетъ онъ хотя и не въ совершенномъ уединеніи, потому-что нѣсколько семействъ, составляющихъ племя, живутъ вмѣстѣ, но между ними нѣтъ сближенія, каждый живетъ отдѣль-

но отъ другихъ и самъ собою удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, неохотно поселяясь на мѣстахъ, занятыхъ уже ранѣе его. Семейство состоитъ собственно только изъ мужа, имѣющаго нѣсколько женъ, которыя составляютъ для него болѣе прислугу, нежели заботу. Вся обязанность мужа состоитъ въ охотѣ, всѣ же прочія домашнія занятія лежатъ на обязанности женъ. Хижина его состоитъ изъ тонкихъ жердей, покрытыхъ кровлею изъ пальмовыхъ листьевъ; жалкое жилище это похоже на большую птичью кѣтку. Рано утромъ оставляетъ дикарь свою хижину и около полудня возвращается домой съ добычей, изъ которой жена приготовляетъ ему пищу. Она же заботится и о растительной пищѣ, собираетъ мандіоку, мамонгъ и мелетъ маисъ, довольно распространенный нынѣ и между индійскимъ населеніемъ. Остальное время дня мужъ лежитъ на медвѣжьей шкурѣ, которая въ Бразиліи замѣняется иногда пучкомъ соломы маиса, ничего не дѣлая, пока наконецъ наступившая ночь не погрузитъ его въ сонъ. Если индеецъ можетъ доставать себѣ водку, то она составляетъ для него высшее наслажденіе, которому, старѣя, онъ предается всё болѣе-и-болѣе, и дѣлается наконецъ горчайшимъ пьяницей. Трезвый, онъ остается равнодушнымъ ко всему, что не нарушаетъ обычнаго теченія его жизни; онъ думаетъ только, какъ

бы поудобнѣе и легче устроиться и работаетъ для другихъ, только когда крайность принудитъ его къ этому. Въ немъ нѣтъ никакой любознательности; на новые предметы смотритъ онъ безъ всякаго признака удивленія или хотя бы любопытства, и спокойно идетъ своей дорогой, не обращая на нихъ никакого вниманія. Онъ чуждается всякаго посторонняго чело-вѣка, робко скрывается отъ всякаго встрѣчнаго, прячется за дерево, чтобы не быть замѣченнымъ путешественникомъ и не допускаетъ его облизаться съ своей женой или дѣтьми. Скрытность, хитрость, даже обманъ и невѣрность врожденны этимъ племенамъ.

Наклонность къ уединенію или изолированію себя, составляетъ одно изъ характеристическихъ отличій индійца; она столь же свойственна ему, какъ и лѣн-ливцу, и, можно даже сказать, по тѣмъ же самымъ причинамъ, такъ какъ жизнь въ обществѣ ограничи-ваетъ личность. Общественная жизнь служитъ осно-ваніемъ каждой начинающейся цивилизаціи, принося съ собою раздѣленіе труда между всеми участвующими въ потребленіи. Каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго, — таковъ девизъ начинающейся цивили-заціи; ассоціація доставляемая обществомъ, есть первое и вѣрнѣйшее средство къ поддержанію и воз-вышенію этого общества. Сапожникъ, портной, бу-

лочная, работаютъ для всѣхъ, но каждый изъ нихъ, работая для другихъ, приноситъ въ то же время пользу и себѣ. Объ этомъ принципѣ индѣецъ не имѣетъ никакого понятія; у нихъ каждый заботится о себѣ и живетъ исключительно для себя. Отъ этого про-исходитъ извѣстное, тупое равнодушіе, составляющее рѣзко выдающуюся, характеристическую черту амерп-канской расы. Тотъ, кто живетъ только для себя, безъ всякаго сношенія съ другими, дѣлаясь для посторон-нихъ почти невидимымъ, незамѣтнымъ, тотъ не под-лежитъ никакому сужденію, вѣрному или ошибочному. Индѣецъ не можетъ составить себѣ никакого понятія о сужденіи другихъ, потому что самъ не составляетъ себѣ мнѣнія о постороннихъ; онъ не видитъ никого, кромѣ самого себя. Эта полная независимость отъ мнѣнія другихъ и происходящее отъ этого равно-душіе къ ихъ сужденію, преобладаютъ искони въ характерѣ американской расы, и чѣмъ сильнѣе эта независимость, тѣмъ грубѣе племя. Какъ у грубаго первобытнаго дикаря нельзя ожидать какихъ-нибудь отвлеченныхъ понятій, истекающихъ непосредственно изъ разума, а только понятій, извлекаемыхъ изъ опы-та, которыя всегда предшествуютъ первымъ, потому что образуются сами собою и свойственны даже жи-вотнымъ, такъ и у индійца нѣчего искать какихъ-либо непосредственныхъ проявленій разума; — онъ

неспособенъ ни къ какому разсужденію, не имѣеть никакихъ понятій, основанныхъ на чистомъ размышленіи; все это чуждо ему, потому-что собственно онъ знаетъ только себя. Все въ американской расѣ индивидуализовано; даже образъ рѣчи, который бываетъ различенъ и принимаетъ различные обороты, смотря потому, кому и о комъ говоритъ Индеецъ — о мужчинѣ, жещинѣ или ребенкѣ. Въ рѣчи индійцевъ нѣтъ предложеній, въ ней глаголь соединяетъ въ себѣ подлежащее и сказуемое. Отъ такого индивидуализованнаго пониманія жизни, происходитъ отвращеніе индїйца отъ общества, или лучше сказать, отвращеніе это служитъ выраженіемъ этого преобладающаго индивидуализма. Американскій дикарь избѣгаетъ общества, потому-что не можетъ выносить его, потому-что оно стѣсняетъ его индивидуальность и даетъ себя чувствовать только съ невыгодной для него стороны. Поэтому среди американскаго первобытнаго населенія никогда не укоренятся цивилизованныя или социальныя отношенія; американскіе индїйцы останутся нецивилизованными, пока не исчезнутъ отъ распространяемой между ними искусственной цивилизаціи, окончателно уничтожающей ихъ. Европейскіе переселенцы, вытѣсняющіе первобытное населеніе Америки, служатъ только орудіемъ судьбы; это дѣлается даже помимо

ихъ воли, потому-что Индїйцы сами удаляются отъ тѣхъ мѣстъ, куда вступаютъ переселенцы. Американская раса уничтожится цивилизаціей, но никогда не возвысится до нея; Америка современемъ будетъ населена только европейскими переселенцами и тѣми метисами, которые произойдутъ отъ смѣси ихъ съ индїйцами и неграми.

Точная параллель между самыми характеристическими животными Америки и американскимъ первобытнымъ человѣкомъ приведетъ къ весьма важному ученому выводу: она показываетъ намъ одинаковыя условія въ разнородныхъ существахъ, и положительно доказываетъ вліяніе мѣстности на образъ жизни существъ ея населяющихъ. Характеристическія черты американскаго животнаго міра свойственны и американскому человѣку; онъ служитъ общимъ рѣзкимъ выраженіемъ особенностей этой части свѣта. Разсматривая ихъ, мы ясно убѣждаемся, что человѣкъ находится въ зависимости отъ почвы, на которой онъ родился, и если когда-нибудь большія переселенія населили всю обитаемую поверхность земли, (въ чемъ впрочемъ мы сомнѣваемся), то это вліяніе почвы обнаруживалось въ постепенномъ превращеніи гибкаго человѣческаго организма въ многочисленныя, разнообразныя расы и племена, населяющія въ настоящее время материкъ и большія группы острововъ.

Физическое и духовное разнообразіе человѣческаго рода служить доказательствомъ этихъ вліяній.

Мы разсмотрѣли особенности *млекопитающихъ* Бразиліи и высшаго изъ нихъ — *человѣка*: намъ остается ознакомиться еще съ *птицами*. Эти красивыя животныя, частью по своимъ пестрымъ или блестящимъ перьямъ, частью по пріятному пѣнію или рѣзкимъ пронзительнымъ звукамъ, гораздо скорѣе привлекаютъ вниманіе, нежели млекопитающія. Поэтому путешественникъ невольно замѣчаетъ ихъ; онъ постоянно напоминаетъ о себѣ, между-тѣмъ какъ млекопитающія, находясь въ глубинѣ лѣса, показываются только вечеромъ, на разсвѣтѣ или даже ночью. Точно такъ и въ Бразиліи. Повсюду, въ садахъ деревень и городовъ, въ далекихъ лѣсахъ мы встрѣчаемъ порхающихъ блестящихъ, красивыхъ *колибри*, или мелькающихъ между кустами яркихъ, пестрыхъ *танагровъ*; вездѣ изъ чащи лѣса раздаются пронзительные крики *попугаевъ*, сидящихъ на вершинахъ деревьевъ или отрывистый свистъ тамошнихъ *куропатовъ*, но по этимъ звукамъ еще не изучивъ самихъ птицъ, а уже поразительное впечатлѣніе, производимое ими сначала, дѣлается обыкновеннымъ. Скоро надѣдаетъ безпрестанно раздающійся громкій голосъ *бенгави*, явственно выкрикивающего свое собственное имя; трескучіе, жалобные звуки

тукана, раздающіеся изъ лѣсу послѣ короткихъ паузъ; особенные, похожіе на колокольный звонъ крики нѣкоторыхъ *трахеофоновъ*, *Caracina*, *Chama-gynchus*. Вотъ всѣ птичьи голоса, раздающіеся въ тропическомъ лѣсу, вмѣстѣ съ ними слышатся еще только воркованье *дикихъ голубей*, стукъ *дятла* или громкое ржаніе *пустельги*. Невольно воспоминаетъ путешественникъ свою сѣверную отчизну и убѣждается, что нѣкоторыя условія природы остаются всюду неизмѣнными, между-тѣмъ какъ другія измѣняются, а мѣстами и вовсе исчезаютъ.

Безспорно, пѣніе птицъ составляетъ главное ихъ достоинство для человѣка. Всякій съ радостью слышитъ пѣніе *жаворонковъ* при начинающейся веснѣ; кто не наслаждался пѣніемъ *соловья* во время теплой, майской ночи; даже нѣжные звуки *ябликовъ* и *чижиковъ* имѣютъ въ себѣ много привлекательности; въ пѣніи всѣхъ этихъ маленькихъ существъ слышится душа и чувство, невольно вызывающія въ насъ такое же настроеніе.

Вступая въ тропическій лѣсъ подѣ вліяніемъ такихъ воспоминаній, приходится испытать значительное разочарованіе; здѣсь не встрѣтишь ни одного голоса, подобнаго голосу жаворонка, соловья или чирика. Лѣсъ нѣмъ и какъ-бы опустѣлъ; только время-отъ-времени слышатся въ немъ особенные

звукъ, которые далеко не могутъ быть названы сколько-нибудь пріятными. Крикъ *понугаевъ*, ревъ *обезьянъ*; ворчанье *павонга* (*Pavao, Coracina scutata*), трескъ *тукана* (*Ramphastus*), криканье *серракуры* (*Gallinula plumbea*), свистъ *куропатки* (*Odontophorus dentatus*), или громкое дребезжанье *кузнеца* (*Ferrador, Chamaeyphus nudicollis*), кому они покажутся мелодичными присоединивши къ нимъ воркованье *голубей* и стукъ *дятловъ*, получимъ всѣ звуки, нарушающіе тишину лѣса. Еще нѣмѣе область кампосовъ; только шелестъ деревьевъ, да безпрестанные крики *серинны* (*Dicholophus cristatus*), прерываютъ ихъ тишину; только близъ человѣческихъ жилищъ слышатся крики птицъ *Joao de barro, Furnarius rufus*. Днемъ крики этой птицы, а вечеромъ громкое кваканье *древесныхъ лягушекъ* составляютъ самое обыкновенное, всюду встрѣчаемое явленіе. Однакожъ эти концерты лягушекъ занимательны только сначала, когда слышишь какъ одна, потомъ другая нарушаютъ молчаніе и начинаютъ какъ-будто перекладываться въ темнотѣ, послѣ чего уже весь хоръ начинаетъ квакать. Ни днемъ въ лѣсу, ни вечеромъ въ окрестностяхъ ночлега онъ не услышитъ пріятнаго пѣнія, которое навѣяло бы на душу фантастическія грѣзы; только рано утромъ слышатся нѣжные, жалобные звуки *домашняго воробья* (*Fringilla matu-*

tina), или раздается въ саду довольно-мелодичное пѣніе *красивника* (*Troglodytes platensis*). Таковы пѣвцы Бразиліи, живущіе близъ поселеній; звуки ихъ слабы, мелодія короткая и весьма-глухая; гораздо выразительнѣе докучное прѣтствіе, съ которымъ вышеупомянутый *Furnarius* съ своей самкой обращаются къ каждому прохожему или безпрестанные возгласы *бентави*. Первый въ кампосахъ, а второй въ лѣсу, принадлежатъ къ числу самыхъ смѣлыхъ птицъ. Они сопровождаютъ человѣка и когда онъ останавливается, то садятся близъ него на высокія деревья.

Семейство *пѣвчихъ птицъ* въ Бразиліи, какъ вообще во всемъ тропическомъ поясѣ, имѣетъ мало представителей. Въмѣстѣ съ ними здѣсь въ Америкѣ является еще группа птицъ, которыя по наружному виду хотя и имѣютъ большое сходство съ пѣвчими, но во многихъ отношеніяхъ и въ-особенности въ устройствѣ органа пѣнія, значительно отличаются отъ послѣднихъ. Такъ-какъ эти птицы издаютъ обыкновенно весьма громкіе, немзыкальные звуки, то ихъ и назвали *крикунами* (*Tracheophones*). Къ нимъ принадлежитъ неоднократно упоминавшійся *фerradorъ*, который стучитъ какъ кузнецъ, *павонгъ* (*Pavao*) съ раскатистымъ голосомъ, *бентави* и *Furnarius rufus*. Изъ всѣхъ высшихъ птичьихъ группъ это семей-

ство въ Бразиліи самое многочисленное; изъ него извѣстны до 200 видовъ, между которыми едва 150 настоящихъ пѣвчихъ птицъ. Между послѣдними нѣтъ вовсе жаворонковъ, подорожниковъ, синицъ, трясогузокъ и настоящихъ пѣвцовъ (*Sylvia*); остаются только ласточки, зяблики, крапивники и дрозды. Въмѣстѣ съ ними выступаетъ характеристическая для Америки группа *танаровъ*. Но и она не представляетъ ни одной пріятной пѣвчей птицы; у всѣхъ танаровъ весьма пестрыя, блестящія перья, но и весьма дурные голоса. Изъ вышеупомянутыхъ четырехъ семействъ пѣвчихъ птицъ, самымъ незначительнымъ являются ласточки. О зябликахъ тоже нельзя сказать ничего особенно-хорошаго; хотя ихъ и держатъ въ комнатахъ, потому-что они легче другихъ пѣвчихъ птицъ переносятъ заключеніе, но я слышала отъ нихъ только щебетанье, а вовсе не пѣніе, какое можно услышать отъ зяблика, чирика или коноплянки. Лучшія и наиболее цѣнимыя пѣвчія птицы, это дрозды, образующіе въ Америкѣ особенный видъ *дроздовъ-пересмѣшниковъ* (*Mimus*). Они подражаютъ пѣнію другихъ птицъ и этимъ разнообразятъ свое собственное пѣніе; таковъ по-крайней-мѣрѣ по рассказамъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ видовъ этой породы, *Mimus polyglottus*, живущій въ Сѣверной Америкѣ и Мехикѣ. Но бразильскимъ *пересмѣшникамъ*

подражать некому и они ограничиваются собственными произведеніями, весьма впрочемъ разнообразными. Здѣсь извѣстные два вида ихъ; одинъ, *береговой пересмѣшникъ* (*Sabiah da praia, M. lividus*), котораго весьма-часто можно видѣть въ клеткахъ въ Рио де Жанейро; другой — *камповый пересмѣшникъ* (*Sabiah do Sertao, M. saturninus*), принадлежитъ къ жителямъ открытыхъ полей внутренности страны и рѣдко встрѣчается въ клеткахъ. Пѣвіе того и другаго не непріятно, за неимѣніемъ лучшаго, но оно показалось мнѣ хуже пѣнія нашего *чернаго дрозда*: въ немъ нѣтъ ни громкаго щелканья, ни пріятныхъ звуковъ послѣдняго; нѣсколько рѣзкихъ и весьма высокихъ звуковъ, смѣняемыхъ трелью, довольно-пріятны, но разнообразіе голоса его вовсе не велико. Наиболее извѣстенъ, какъ пѣвецъ, *крапивникъ* Бразиліи (*Troglodytes platensis*); его, мнѣ кажется, можно предпочесть дроздамъ, потому-что голосъ его пріятнѣе, но пѣніе его слабо и не такъ разнообразно, какъ пѣніе нашихъ *малиновокъ* (*Sylvia hortensis*), съ которыми его скорѣе всего можно сравнить. Голосъ этой маленькой птички, раздающійся въ саду, производитъ довольно пріятное впечатлѣніе, но въ немъ нѣтъ величественныхъ раскатовъ соловьиного голоса; это то же самое, что сравнить Вебера и Глюка, Оберона и Ифигенію. Наружность и пѣніе этихъ птицъ

соотвѣтствуютъ одно другому; крапивникъ малъ, легкокъ, быстръ, вертлявъ; соловей больше, самоувѣреннѣе, спокойнѣе; онъ сознательно поетъ свои богатыя мелодіи, какъ-бы зная, что все должно смолкнуть, когда онѣ раздадутся. И онъ имѣетъ на это полное право; голосъ и правъ его выше чѣмъ у всѣхъ прочихъ птицъ, и въ пѣніи ему нѣтъ соперника между ними.

Мы не будемъ болѣе распространяться о пѣвчихъ птицахъ Бразиліи, хотя и можно было бы назвать между ними еще нѣкоторыхъ, но особенно-замѣчательнаго сказать о нихъ рѣшительно нечего. Нѣтъ сомнѣнія, что эта группа въ тропическихъ поясахъ далеко уступаетъ другимъ, болѣе-замѣтнымъ птичьимъ группамъ, и мало способствуетъ украшенію страны. Въ лѣсахъ Бразиліи гораздо болѣе обращаютъ на себя вниманія *попугаи*, *туканы*, *бородастики*, *дятлы*, птицы, принадлежащія къ группѣ *лазуновъ* (*Scansores*), и отличающіяся рѣзкими, непріятными голосами. Попугаи и бородастики находятся въ тропическомъ поясѣ обоихъ полушарій; дятлы живутъ по всей землѣ; туканы же встрѣчаются только въ Южной Америкѣ. Въ этомъ также выражается характеристическая особенность этой части свѣта. Туканы и *якамары* (*Galbula*) или длинноносые кукушки, свойственны только этой странѣ, и преиму-

щественно Бразиліи; восточное полушаріе не обладаетъ особенной, исключительно ему принадлежащей, группой *лазуновъ* и въ этомъ отношеніи уступаетъ западному. *Туканы* и *якамары* такія же исключительно бразильскія породы, какъ *броненосцы* и *львивцы*; они не только встрѣчаются вмѣстѣ съ послѣдними, но даже отчасти гармонпрують съ ними по своей организаціи. Якамары особенно похожи на львивцевъ по свойственному имъ равнодушію и лѣности; въ Бразиліи птицы эти извѣстны всякому по ихъ природной глупости, почему и получили въ простомъ народѣ прозвище *дуралеевъ* (*Joao doido*).

Разумѣется, что туканы и якамары мало украшаютъ и еще менѣе приносятъ пользы странѣ; туканы хотя и отличаются пестрыми, яркими, даже красивыми перьями, но чрезмѣрно-огромный клювъ портитъ эту птицу и придаетъ ей непріятный, даже безобразный видъ. Вдобавокъ еще она мало полезна; мясо ея хотя и ѣдятъ, но оно вовсе не вкусно и мало употребляется, потому-что птица эта нигдѣ не встрѣчается большими стаями и всегда удаляется въ чащу лѣса. Страна, которая можетъ сдѣлаться полезной для человѣка своими пернатыми обитателями, должна обладать домашнею птицею, *курами*, *голубями*, *утками* или *гусями*. Въ этомъ отношеніи въ Бразиліи чувствуется недостатокъ. Настоящія бразильскія ку-

ры и голуби дики, гусей вовсе нѣтъ, только между утками есть весьма полезная, такъ называемая *турецкая утка* (*Anas moschata*), которая такъ же несправедливо носитъ это названіе, какъ маисъ названіе *турецкой пшеницы*; и утка эта и маисъ — происхожденія чисто-американскаго, а не турецкаго, т. е. татарскаго. Въ Бразиліи существуютъ 16—20 разныхъ видовъ голубей, но все это дикіе лѣсные голуби; домашній бразильскій голубь вывезенъ изъ Европы, подобно козѣ, коровѣ, лошади и прочимъ домашнимъ животнымъ. То же самое можно сказать и о *курахъ*. Изъ 30 и даже болѣе видовъ бразильскихъ птицъ, принадлежащихъ къ породѣ куръ, ни одинъ не принадлежитъ къ группѣ *фазанидъ*, къ которой принадлежатъ всѣ домашнія куры; во всей Америкѣ есть только одинъ полезный представитель этой группы, именно сѣверо-американскій *индійскій пѣтухъ*. Въ Бразиліи же нѣтъ ни его, ни *цесарки*, ни *павлина*, ни *фазана*, ни *обыкновенной курицы*; всѣ эти полезныя птицы принадлежатъ теплымъ странамъ восточнаго полушарія; мѣсто ихъ въ Южной Америкѣ заступаютъ *мутунги* (Стах) или *якусы* (Penelope). Даже какъ дичь они не имѣютъ значенія, потому-что не достигаютъ величины индійскихъ куръ и не такъ вкусны какъ фазаны. *Куропатки* (Perdrix), (*Odontophorus dentatus*) встрѣчаются въ Бра-

зиліи, но онѣ живутъ въ кустахъ и не летаютъ стаями, почему охота за ними довольно затруднительна. Болѣе многочисленны и обыкновенны настоящіе *инамбы* (*Inambus, Crypturus s. Tinamus*), по наружному виду похожіе на куропатокъ, но съ болѣе высокими носами; онѣ составляютъ самую обыкновенную дичь Бразиліи, но мясо ихъ такъ прозрачно и студенисто, что уже одинъ видъ его ставитъ ихъ ниже нашихъ куропатокъ. Но зато необыкновенно-хорошъ блескъ фиолетовыхъ, зеленоватыхъ, розовыхъ яицъ ихъ и въ этомъ отношеніи онѣ превосходятъ всѣхъ прочихъ птицъ.

Между птицами кампосовъ особенно отличается одна, о которой мы уже упоминали выше, именно *серинна* (*Dicholophus cristatus*). Это во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная птица, исключительно свойственная Бразиліи; она долго считалась хищной, между-тѣмъ какъ скорѣе напоминаетъ *аиста* или *журавля*. Въ строгомъ смыслѣ она впрочемъ не похожа ни на того, ни на другаго, а остается совершенно оригинальнымъ животнымъ, обладающимъ только нѣкоторыми свойствами этихъ птицъ. Она имѣетъ клювъ хищной птицы, длинныя красныя ноги аиста и голосъ журавля, но цвѣтъ ея ни бѣлый, ни черный, ни сѣрый, а желтовато-пепельный. Высокій хохоль на лбу и зоркіе глаза, которыми она далеко

видитъ и постоянно озирается, потому—что принадлежитъ къ числу самыхъ осторожныхъ птицъ, также отлпчаютъ её. Она живетъ въ открытомъ полѣ, скрываясь въ высокой, жесткой травѣ кампосовъ, осторожно выглядываетъ изъ нея, прячется замѣтивъ врага и быстро убѣгаетъ, искусно пробираясь между высокими стеблями. Поэтому серинну никогда почти нельзя видѣть въ полѣ; я также не видалъ ея тамъ. Но проѣзжая верхомъ по кампосамъ, сколько разъ слышалъ я ея голосъ, далеко раздающійся въ полѣ, и часто онъ слышался мнѣ такъ близко, какъ-будто животное находилось въ какихъ—нибудь десяти шагахъ. Звуки эти совершенно оригинальны, короткіе, свистящіе или пискливые, быстро, съ небольшими измѣненіями слѣдующіе одинъ за другимъ; ихъ можно сравнить частью съ тьяканьемъ собачьихъ щенковъ, частью съ крикомъ индійскихъ куръ. Слышно, что звукъ производится въ длинной трубкѣ и какъ-бы проходитъ черезъ носъ. Обыкновенно нѣсколько сериннъ кричатъ въ одно время, потому—что птицы эти живутъ маленькими стаями изъ 5—6 штукъ. Онѣ кричатъ во всякое время, даже при совершенной темнотѣ, рано утромъ между 3—мъ и 4 часомъ; въ особенности весною (въ сентябрѣ), когда приближается время высиживанія яицъ. Въ деревнѣ *Конгона* (Congonhas) я часто слышалъ пронзительный

голосъ серинны, лежа съ больной ногой въ моей воздушной спальнѣ безъ крыши и безъ оконъ; каждое утро будили меня ея крики, и заставляли считать безсонные часы, остающіеся до разсвѣта. За три мѣсяца до этого, въ маѣ, странствуя по кампосамъ вмѣстѣ съ моимъ любезнымъ хозяиномъ, г. д-ромъ Лундомъ, изъ Лагоа-Санта, я часто бывалъ пораженъ близостью криковъ серинны; останавливаясь, чтобы прислушаться къ нимъ, слышали мы издалека крики другой стаи, посылаемые какъ-бы въ отвѣтъ. Сидя въ травѣ и заноса въ мой альбомъ ландшафты кампосовъ, я явственно слышалъ перекликанія этихъ обитателей кампосовъ. Каждые десять минутъ голоса сериннъ раздавались близъ меня то съ одной, то съ другой стороны, и когда замолчитъ одна стая, ей какъ-бы въ отвѣтъ подаетъ свой голосъ другая. Всякій въ Бразиліи знаетъ эту птицу и любитъ ее, потому—что она известна какъ истребительница ядовитыхъ змѣй; настоящую же пищу ея составляютъ стрекозы, муравьи и гусеницы, по—крайней—мѣрѣ желудокъ разрѣзанной мною серинны былъ ими наполненъ. Если и не всякому удастся видѣть эту птицу въ полѣ, какъ было и со мной, то слышать ее навѣрное придется всякому, кто хотя одинъ день проведетъ въ поляхъ кампосовъ.

Серинну хотя и можно назвать аистомъ кампосовъ,

но она не настоящій аистъ; аисты живутъ въ болотистыхъ мѣстахъ, по близости рѣкъ, около которыхъ и въ Бразиліи встрѣчается большой видъ ихъ *ябиру* (*Jabiru, Ciconia Argala*). Еслибы серинна была зерноядной птицей, то ее можно было бы назвать бразильскимъ журавлемъ, потому-что настоящихъ *журавлей* и даже *драхвъ* нѣтъ въ этой странѣ. За то здѣсь много *пиголицъ*, *турухтановъ* и *куликовъ*; они и множество болотныхъ птицъ, къ числу которыхъ относится и одна изъ замѣчательнѣйшихъ птицъ Бразиліи, именно длинноперстная Жаѣана (*Raissa*), оживляютъ болотистыя низменности и кустарники, сопровождающіе берега рѣкъ и ручьевъ обихъ главныхъ областей страны.

Водныхъ же птицъ, напротивъ того, въ Бразиліи извѣстно не болѣе 30 съ небольшимъ видовъ, между тѣмъ-какъ на европейскихъ водахъ ихъ считается до 120. Въ Бразиліи нѣтъ гусей, лебедей, пеликановъ, а изъ распространенныхъ повсюду утокъ извѣстны только два вида. Между ними есть одна ручная, именно большая утка *Бизамъ* или *турецкая утка* (*Anas moschata*). Чрезвычайно-незначительно также число *морскихъ птицъ* на бразильскихъ берегахъ, и между ними только одинъ видъ, исключительно принадлежащій ей, именно длинокрылый *фрегатъ* — *орелъ* (*Tachypetes*), съ коротко-перепончатыми пальцами;

болѣе приспособленными къ хватанію добычи, нежели къ плаванію. Приближаясь къ берегу, можно издали видѣть эту большую черную птицу, которая узнается по длиннымъ узкимъ крыльямъ, превосходящимъ длиною крылья всѣхъ птицъ одинаковой съ ней величины. Она служитъ такимъ же признакомъ Бразиліи, какъ *фазонъ* вѣстникомъ Западной Индіи, *капскій голубь* (*Procellaria capensis*) мыса Доброй Надежды и *пшвицъ* береговъ Огненной Земли. Фрегата можно назвать исключительно бразильской морской птицей.

Мы разсмотрѣли главнѣйшіе виды *млекопитающихъ животныхъ* и *птицъ*, принадлежащихъ Бразиліи; пора вывести заключеніе и подтвердить мнѣніе, высказанное нами въ началѣ нашей статьи. Намъ остается еще разсмотрѣть *земноводныхъ*, но могутъ ли онѣ измѣнить наше мнѣніе? — Конечно нѣтъ! Развѣ *лягушки* и *жабы*, *саламандры* и *крокодилы*, *ящерицы* и *змѣи* служили когда-нибудь достаточнымъ украшеніемъ страны? — Кто будетъ утверждать это? — Само собою разумѣется, что въ такой обширной, лѣсистой, тропической странѣ, какъ Бразилія, не можетъ быть недостатка въ этихъ животныхъ. Чѣмъ теплѣе страна, тѣмъ значительнѣе въ ней число земноводныхъ; хладнокровный народъ этотъ нуждается въ теплотѣ, и старается извнѣ приобрѣсть

то, чего не имѣетъ внутри себя; чѣмъ онъ проворнѣе и пристрастнѣе къ свѣту, тѣмъ болѣе ищетъ дневнаго зноя. Отъ этого происходитъ любовь ящерицъ къ голымъ, раскаленнымъ утесамъ или къ сухимъ древеснымъ сучьямъ. Лягушки и жабы скорѣе прививаются къ холоду и сырости, но и онѣ любятъ теплые пары, собирающіеся въ тѣни лѣсовъ, въ-особенности *древесныя лягушки*, во множествѣ встрѣчающіяся въ Бразиліи. Но для человѣка всѣ эти животныя не имѣютъ никакой цѣны; они не доставляютъ ему ни пользы, ни удовольствія; онъ избѣгаетъ ихъ, потому-что онѣ неприятны ему. Всякій старается избѣжать огромныхъ, страшныхъ *крокодиловъ* или ядовитыхъ, колоссальныхъ *змѣй*; — образъ земноводнаго обремененъ печатью проклятія и ужаса, презрѣнія и преслѣдованія; его считаютъ сообщникомъ демонскихъ силъ, фурій и злыхъ духовъ, однимъ словомъ исчадіемъ ада. Между-тѣмъ большая часть земноводныхъ совершенно-невинныя, беззащитныя существа, и вслѣдствіе своей беззащитности они такія проворныя, пугливыя и робкія животныя. Можетъ-быть эти природныя свойства и были главной виной ихъ дурной славы, какъ-будто бы они избѣгаютъ близости человѣка именно потому, что присутствіе ихъ предвѣщаетъ ему что-нибудь дурное. Мы ученые изслѣдователи слишкомъ-ясно видимъ на этихъ живот-

ныхъ, какъ мало справедливости заключаютъ въ себѣ вопросы о цѣли и пользѣ существующаго въ природѣ, и какъ такіе вопросы доказываютъ только ограниченность взглядовъ и гордость тѣхъ, которые предлагаютъ ихъ. Какъ-будто бы свѣтъ созданъ для кого-нибудь, для нашего бѣднаго человѣческаго рода, который гордо называетъ себя властелиномъ земли! Земля и міръ существуютъ, потому-что должны существовать; все существующее на Землѣ можетъ быть только изучаемо, изслѣдуемо и разсматриваемо и счастливъ тотъ, кто лучше другихъ сумѣетъ понять его.

И такъ, дойдя до заключенія, мы признаемъ, что съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей та страна должна быть названа лучшею, которая во всѣхъ отношеніяхъ доставляетъ лучшія и наибольшія вспомогательныя средства для разрѣшенія задачи человечества; та страна, которая обладаетъ веществами, употребительными и полезными для человѣческаго рода при стремленіи его къ улучшенію своего нравственнаго, духовнаго и матеріальнаго быта. Мы показали, что Бразилія, по кореннымъ своимъ произведеніямъ, не можетъ быть отнесена къ такимъ странамъ. Можно ли составить себѣ выгодное понятіе о способностяхъ страны, въ которой *льнивецъ* является самымъ особеннымъ и *броносецъ* самымъ неизмѣн-

нымъ животнымъ. Кто назоветъ богатою ту землю, въ которой онъ напрасно будетъ искать хлѣбнаго зерна; кто будетъ рассчитывать на скотоводство и сельское хозяйство тамъ, гдѣ нѣтъ ни одного ручнаго копытнаго животнаго?

Естественный характеръ Бразиліи и большей части Южной Америки такого рода, что вся эта полоса земли никогда не имѣла надежды достигнуть самособою высшихъ степеней развитія и культуры. Только переселеніе оплодотворило Южную Америку и населило ее существами, сдѣлавшими возможными въ ней цивилизацію и просвѣщеніе. Первобытный американецъ лишенъ былъ средствъ, а потому и потребностей къ этому; онъ не могъ сдѣлаться гуманнымъ, потому-что почва, воспитавшая его, не могла возрастить въ себѣ задатковъ гуманности. Натура его ясно показываетъ, что онъ современемъ совершенно уничтожится!

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Океанъ	1
II. Черный челювъ	94
III. Тропическій первобытнй лѣсъ	176
IV. Плоды Бразиліи	269
V. Общая характеристика органическихъ существъ Бразиліи.	293.
